

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*95-летию Воронежского
государственного университета
посвящается*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научные труды
исторического факультета ВГУ

Выпуск 16

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2013

УДК 930(082)
ББК 63.3(0)
И90

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *В. Н. Глазьев* (отв. ред.), д-р ист. наук *А. Г. Глебов*
(зам. отв. ред.), д-р полит. наук *А. В. Глухова*, д-р ист. наук *Л. М. Искра*,
д-р ист. наук *М. Д. Карпачев*, д-р ист. наук *С. В. Кретинин*,
д-р ист. наук *А. П. Медведев*, д-р ист. наук *А. В. Мирошников*,
д-р ист. наук *А. Д. Пряхин*, канд. ист. наук *Ю. В. Селезнев* (отв. секр.)

Исторические записки : научные труды историческо-
И90 го факультета ВГУ / [отв. ред. В. Н. Глазьев] ; Воронежский
государственный университет. – Воронеж : Издательско-поли-
графический центр Воронежского государственного уни-
верситета, 2013. – Вып. 16. – 172 с.

ISBN 978-5-9273-2010-3

В данном выпуске научных трудов представлены статьи и со-
общения преподавателей, аспирантов и студентов исторического
факультета Воронежского государственного университета, посвя-
щенные актуальным проблемам истории и политологии.

Для научных работников, студентов, всех интересующихся
историей.

УДК 930(082)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9273-2010-3

© Воронежский государственный
университет, 2013
© Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного
университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Дынин В. И.</i> Растения-апотропеи в русской народной традиции	4
<i>Глазьев В. Н.</i> Первые поколения семьи воронежских Веневитиновых.....	28
<i>Иконников С. А.</i> Социально-политическая тематика в проповедях воронежского духовенства второй половины XIX века	32
<i>Мокшин Г. Н.</i> Народниковедческие исследования на кафедре истории России ВГУ (1961–2011).	44
<i>Рылов В. Ю.</i> Шишки, дрова, торфосос: топливный кризис в первые годы советской власти и способы его преодоления	59
<i>Шамрай В. А.</i> Начало Воронежского сражения	90

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Мананчикова Н. П., Симончик А. Ю. С. П.</i> Боброва как историк и историограф средневековой истории южных славян	103
<i>Писаревский Н. П.</i> К вопросу о единых истоках этнокультурного родства ведических ариев и этрусков	119
<i>Солодовникова О. С.</i> Укрепление центральной власти в Боснии в период правления Степана II Котроманича (1314–1353)	142

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Бондарькова Т. А.</i> Институт «неграждан» как отличительная особенность этнополитического процесса современной Эстонии	156
Сведения об авторах	171

В. И. Дынин

РАСТЕНИЯ-АПОТРОПЕИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

В самых разных этнических культурах действенными средствами магической защиты от сверхъестественных угроз нередко признаются те или иные растения. Большая роль в борьбе со злыми силами отводилась растениям и в традиционной культуре русского народа. Анализ этнографических источников XIX–XX вв. позволяет выявить некоторые типические особенности, связанные с выбором и характером использования апотропеических растений русскими крестьянами, что, в свою очередь, проливает свет на проблему происхождения такого сложного и неоднозначного явления духовной культуры, как апотропей (оберег).

Семантика некоторых растений, использовавшихся русскими крестьянами с апотропеическими целями, достаточно прозрачна и обычно связывается с особыми «защитными» качествами этих растений. В данной категории выделяются: 1) растения колючие или жгучие; 2) растения с неприятным запахом, терпким вкусом, а также обладающие наркотическими (снотворными) свойствами и вообще ядовитые; 3) растения, употребление которых в качестве апотропея предусматривает характерную форму использования – в виде рассыпаемых зерен (семян), – семантически соотносимую с идеей «бесчисленного множества», «неисчислимого количества», «бесконечного счета». Обращает на себя внимание тот факт, что в составе третьей группы находятся растения исключительно культурные, чаще всего злаки (рожь, овес, просо и др.); их апотропеические свойства могут объясняться, таким образом, еще и принадлежностью таких растений миру культуры, т. е. «человеческому» миру (хлеб, зерно, зерновой хлеб).

Из колючих растений наиболее широкое применение в качестве апотропеического средства находил *чертополох*. Под этим собирательным обозначением в русской народной культуре были

известны весьма разнообразные растения с острыми колючками: *репейник* (*репей*), он же *мордвинник*, *дедовник*, *татарин*, *волчец* (растения из рода *Carduus*), *бодяк*, он же *осот*, *дедюшник*, *мордвинник* (из рода *Cirsium*), *будяк*, или *колючка* (*Xanthium spinosum*), *колючка* (*Carlina*), *синяя колючка* (*Eryngium*) и др. ¹ Название *чертополох* буквально означает «пугающий чертей» ²; по поверьям, этой траве боятся практически все представители «нечистой силы»: лешие, огненные змеи, домовые, кикиморы, ведьмы, колдуны, духи болезней и т. д.

Самая типичная форма использования этого апотропеического растения в русской народной культуре – обычный пучок чертополоха. Крестьяне Череповецкого уезда Новгородской губернии (по сообщению 1898 г.) носили такой пучок на шее для предохранения «от *иканья*, происходящего от порчи» ³. В Шенкурском уезде Архангельской губернии (1877 г.) для предохранения от болезней (духов болезней) чертополох было принято держать под потолком избы ⁴. По поверью, бытовавшему в середине XIX в. в Симбирской губернии, траву *мордвинник* втыкали в пол и во все щели избы для защиты от огненного змея, прилетающего к женщинам ⁵. Считалось также, что трава чертополох, воткнутая в избе над дверью, над постелью или положенная под подушку, «действует против лешего» (Тульская губерния, 1899 г.) ⁶.

Верили, что чертополох «выгоняет из дома домового или кикимору», для чего пучок этого растения также часто держали в доме ⁷. Крестьяне д. Ковшира Поречского уезда Смоленской губернии клали дедовник в хлеве, «чтобы ведьмы не отобрали молоко у коров» (1899 г.) ⁸. С целью предотвратить проникновения в дом «чужого» домового (традиционно считавшегося «злым», «врагом»), пучок чертополоха втыкали над воротами или под воротами. Так, по рассказам крестьян, записанным в 1899 г. в Одоевском уезде Тульской губернии, «если падает скотина, в этом виноваты домовые соседних дворов. Для того чтобы заказать им дорогу, вешают траву чертополох над воротами и дверями, свой домовой этого зелья не боится» ⁹.

Гораздо реже встречается другая форма использования чертополоха – в виде настоя. Об обереге такого рода сообщается, на-

пример, в быличке, записанной П. Ляметри в 1849 г. в с. Медведок Мещовского уезда Калужской губернии. Содержание этого рассказа сводится к следующему: одна женщина сильно тосковала по мужу, которого забрали в солдаты. В одну из ночей к ней явился «двойник мужа» (*летающий змей*) и стал ее постоянно посещать. Когда у женщины однажды заболела корова, летающий змей посоветовал ей обмывать животное настоем чертополоха, или дедовника, добавив при этом, что «этой травы боится всякая нечистая сила – земноводная, водяная или летающая». В итоге крестьянская женщина настоем чертополоха не только вылечила свою корову, но и избавилась от змея: «явившись по обыкновению, он увидел невозможным беседовать с бабой, так как стены, потолки, пол, печь, кровать и все в комнате было окроплено этим настоем»¹⁰.

Траве *колюке* (*колючнику*), или *колюхе* (она же *пуховник*, растение рода *Carlina*) приписывалась способность отвращать «колдовской заговор»: «когда дымом сей травы окуришь ружье, то никакой колдун заговорить его не может»¹¹.

Из других колючих растений в качестве апотропеического средства использовался *шиповник* (*Rosa canina*)¹². В севернорусской традиции, например, по данным Е. Е. Левкиевской, веткой шиповника хлестали по углам хлева, чтобы выгнать чужого домашнего¹³.

Популярным апотропеическим средством являлась *крапива* (*Urtica*). Народные названия этого растения (*жегала*, *стрекучка*, *ожига*, *жгучка*, *огонь-крапива*) и ее постоянные эпитеты (*жгучая*, *шпучая*, *стрекучая*) указывают на ее главный признак – свойство жечься (крапивный обжог)¹⁴. Крапива широко применялась, в частности, южнорусскими крестьянами (а также еще у украинцев) для предохранения от ведьм и русалок. Так, по сообщению А. С. Селиванова (1861 г.) из Воронежской губернии, домохозяева, принимая меры, чтобы оградить свой скот от ведьм, в ночь на Ивана Купалу клали на окнах изб крапиву¹⁵.

Д. К. Зеленин считал колючие и жгучие растения «древнейшими оберегами», восходящими к той отдаленной эпохе, «когда примитивный человек окружал свое местопребывание колючими кустарниками для предохранения от диких зверей»¹⁶. Использо-

вание таких растений в качестве апотропеических средств обычно определяется их способностью ранить, калечить, впиваться в тело, причинять боль, вред, с одной стороны, и цепляться за одежду, удерживать, не отпускать кого-либо, с другой¹⁷.

Отдельную группу образуют растения, апотропеические свойства которых, как обычно считается, обусловлены их едким запахом и острым вкусом.

Это, прежде всего, *чеснок (Allium sativum)*, который, по поверьям, способен отвращать различные эпидемические заболевания (например, тиф и др.)¹⁸. С этими целями предписывалось «носить чеснок при себе»¹⁹. Кроме того, чеснок мог использоваться как оберег от колдовской порчи в свадебном обряде. По сообщению 1850 г. из Ливенского уезда Орловской губернии, например, «когда собирают жениха и невесту к венцу, в церковь, то, чтобы не испортили их колдуны, в обувь кладут чесноку»²⁰.

Специфическим горьким вкусом, по всей видимости, обусловлены апотропеические свойства *полыни (Artemisia abstinthium)*. Горечь является отличительным признаком этого растения: «травонька горькая», «злодейка» – говорится о ней в русских песнях²¹. По поверьям Керенского уезда Пензенской губернии (1899 г.), полыни приписывалась способность предохранять человека от нападения русалок²². Полынь употребляли также «против домового, мучающего лошадей по ночам ездой на них»; для этого вырывали с корнем *траву-чернобыльник* и «натыкали» ее в углах двора, клали в ясли или под ясли (по рассказам крестьян с. Сугоново Калужского уезда Калужской губернии, 1898 г.)²³. Подобным образом в д. Лысково Макарьевского уезда Нижегородской губернии, опасаясь проникновения «чужого домового», «натыкали во все щели двора» *траву чернобыль*²⁴. Имеются сообщения об использовании полыни и против лихорадки: «Полынь вот, от лихорадки, – раньше лихорадка была сильная, от лихорадки она была, полынь. Полынок – тоже, есть большая полынь, а есть маленькая. Это тоже лечебная трава» (записано в 2005 г. в с. Шульгино Мордовского района Тамбовской области)²⁵.

Апотропеическим средством также считался «горький корень *папоротника*»²⁶. По поверью крестьян Вологодской губернии кон-

ца XIX в., если настоять такой корень на воде и перемыть этим настоем все горшки и кринки в доме, можно избавиться от кикиморы. Этот злой дух, как комментирует это поверье записавший его корреспондент, якобы «очень любит папоротник (скорее очень не любит! – В. Д.), и за такое угождение может оставить в покое»²⁷.

В Никольском уезде Вологодской губернии для защиты детей от домовых и кикимор (чтобы они «не пугали ребятишек»), в дом приносили траву *багун*, растущую на болотах (сообщение 1899 г.)²⁸. *Багуном*, или *багульником*, по данным В. И. Даля, назывались растения с неприятным и одуряющим запахом из родов *Ledum* (*клоповник*), *Rhododendron* (*пьянишник боровой*), *Andromeda* (*болотная былина*, *болотник*, *пьяная трава*)²⁹.

Ядовитые травы из родов *Pulsatilla*, *Anemone*, *Aconitum* и некоторых других, известные в русской традиции под собирательным названием *прострел*, или *прострель*, использовались против леших, «нечистого духа» и порчи³⁰.

Оберегом от лихорадки, по некоторым поверьям, служил *любисток*, или *зоря* (*Levisticum officinale*). Например, крестьяне Вятской губернии, по свидетельству Д. К. Зеленина, охотно разводили эту траву в своих садах, уверяя, что «лихорадка не любит запаха зори»³¹.

Свойство отпугивать «нечистую силу» приписывалась запаху от дыма некоторых хвойных растений (несмотря на то, что многие из них, как известно, имеют еще и острые колючие иглы!). По сообщению 1861 г., в Воронежской губернии было принято класть в натопленную и чисто выметенную печь сырые ветви *сосны* (*Pinus sylvestris*), «веря, что испарения их противодействуют колдовству»³². Ветками *можжевельника*, или *вереса* (*Juniperus communis*) обычно посыпали «путь при похоронах», а ягодами его «курили»³³. В Царевококшайском уезде Казанской губернии «во время скотского падежа вытирали огонь из можжевельовых поленьев, и потом всякий на своем двое окуривал скот» (середина XIX в.)³⁴.

К группе апотропеических растений, использовавшихся в виде рассыпаемых (или насыпаемых) семян, относятся *рожь* (*Secale cereale*), *овес* (*Avena sativa*), *процо* (*Panicum miliaceum*), *лен* (*Linum usitatissimum*), *конопля* (*Cannabis sativa*), а также *мак* (*Papaver rhoeas*) и *хмель* (*Humulus lupulus*).

Зерна ржи как апотропеическое средство находили применение, например, в похоронном обряде, где использовались для защиты от покойника (и шире – самой смерти): в момент выноса покойника из дома посыпали рожью в той комнате, где он умер, – для того чтобы в семье больше никто не умер (Острогожский уезд Воронежской губернии, сообщение 1905 г.)³⁵; «когда спустят гроб в могилу, бросали на гроб рожь: “На тебе рожь, нашу семью не тревожь”. Чтобы не умирали больше из семейства» (д. Медведевская Лузского района Кировской области, записано в 1990 г.)³⁶.

По обычаям крестьян Тульской губернии начала XX в., перед венчанием дружка насыпал в повозку на сиденье жениха и невесты *овса*³⁷.

С апотропеическими целями широко употреблялось также *пшено* – крупа, получаемая из проса. «От сглаза и порчи» его насыпали в карманы и в сапоги жениха, собирая его к венцу (Самарская губерния, 1895 г.)³⁸. В с. Карачун Рамонского района Воронежской области в 1997 г. был записан такой рассказ: «Когда я выходила замуж, мне в туфли моя бабушка сыпала немного пшена. Считается, что колдун не может навредить человеку, пока у него на пути препятствие: колдун должен сначала пересчитать пшено в моих туфлях»³⁹. По поверьям жителей с. Малышево Хохольского района Воронежской области (1997 г.), «когда колдуна хоронят, лошади не идут. И нужно чтобы кто-нибудь шел перед лошадьми и пшено сыпал, – чтоб черти его собирали. Тогда лошадь может идти. Но пока дойдет, вся в мыле бывает, так тяжело ей»⁴⁰. В с. Ксизово Задонского района Липецкой области ходили рассказы об одном мальчике, который «не доучился» у колдуна, и «его мучили нечисти»: «...бегает по дорожкам, на перекрестке остановится и начинает крутиться. Бабы тогда подойдут, пшена насыпят на этот перекресток, – они (черти), пока станут пшено собирать, – а оно долго, – они уведут его» (записано в 2001 г.)⁴¹.

Сильным оберегом от колдовства считалось *льняное семя*⁴². Как «предохраняющее средство от порчи и сглаза» было принято насыпать его в обувь жениха и невесты перед бракосочетанием, а также на постель новобрачных⁴³. И. В. Костоловский сообщал в 1903 г. из Ярославской губернии: «Когда едут за невестой к вен-

чанию, то свахи берут с собой льняного семени и кидают его на перекрестках дороги, на встречного человека, и даже тогда, когда ведут в церковь, то и в церкви можно встретить льняное семя, разбросанное на полу»⁴⁴.

Семена другой технической культуры – *конопли* – находили широкое применение преимущественно в особых ритуалах отвращения огненного змея.

Весьма неоднозначна апотропеическая семантика *зерен мака*. По мнению В. Н. Топорова, высокий сакральный статус этого растения в славянской мифопоэтической традиции обусловлен его тесной связью с образом громовержца Перуна⁴⁵. Гораздо чаще защитные функции мака объясняются его снотворными свойствами, способностью усыпить нечистую силу и опасность⁴⁶.

Д. К. Зеленин считал такое объяснение, однако, очень сомнительным, поскольку «снотворное действие» совсем неприменимо к зернам проса, которые имеют «вполне аналогичное маку апотропеическое значение». В работе «Магическая функция примитивных орудий» (1931) исследователь отмечал: «Характерно, что очень мелкие зерна, в частности мак и просо, также служат оберегами. Обычное объяснение тех, кто этими оберегами пользуется, такое: в критическую минуту кидают врагу, особенно чертям, щепоть маку; пока те собирают, человек убегает; или: злой дух может повредить только после того, как он пересчитает количество брошенных маковых росинок»⁴⁷. В связи с этим, Д. К. Зеленин высказал предположение, что на самом деле «мелкие зерна вроде мака и проса явились в оберегах на месте земли (черный мак) или песка (просо), которые при самообороне горстями кидали в глаза врагу для его ослепления»⁴⁸.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках, однако, нет ни одного свидетельства о том, чтобы зерна мака бросали или кидали с целью отпугивания, отгона опасности (как кидали во многих других случаях комки земли, камень, нож или кочергу). Чаще всего их просто *насыпали*, например, в обувь жениха и невесты, отправляющихся к венцу: «жених и невеста, отправляясь венчаться, кладут под подошвы ног своих, маковые зерна – для избегания порчи от колдунов»⁴⁹ (Керенский уезд Пензенской губернии, 1853 г.);

«перед отправлением жениха к невесте сваха высыпает ему в сапог за голенища мак, чтобы никто не мог его по ненависти испортить»⁵⁰ (Воронежский уезд Воронежской губернии); «провожая жениха с невестою в храм для венчания, сыпали им в обувь мак»⁵¹ (Павловский уезд Воронежской губернии); «при одевании невесты в коты сыпят мак»⁵² (Михайловский уезд Рязанской губернии) и т. п. Обычай насыпать маковые зерна для защиты от колдовства сохранился в народе вплоть до настоящего времени. Например, по рассказам жителей с. Глушицы Рамонского района Воронежской области (2000 г.), «чтобы не сглазили, жениху в ботинки сыплют мак»⁵³. В с. Ранино Мичуринского района Тамбовской области в 2003 г. было записано такое поверье: «Чтобы молодоженов уберечь от порчи, надо в карманы сыпать мак»⁵⁴.

В более редких случаях практиковалось *обсыпание* зернами мака крестьянских дворов – «чтобы ведьмы не отобрали молоко у коров»⁵⁵ (Поречский уезд Смоленской губернии, 1899 г.).

Характер использования маковых зерен, таким образом, свидетельствует не в пользу предполагаемого «снотворного» действия этого растения (в противном случае мак, скорее всего, употреблялся бы в виде отвара или настоя) и не в пользу «ослепления» нечистой силы зернами мака по принципу бросаемой горсти песка, как считал Д. К. Зеленин. С большей долей вероятности можно утверждать, что способность мака противодействовать нечистой силе связана с апотропеической семантикой *множественности* и *неисчислимости* рассыпанных маковых зерен (подобно рассыпанным зернам ржи, проса или других злаков)⁵⁶.

Сходная ситуация наблюдается и в случае с *хмелем*, растением, «коего цветень идет в пьяные напитки» (ср. также *хмель* «состояние опьянелого», или русское выражение «его хмель одолел»)⁵⁷. В силу своих «опьяняющих» свойств хмель стоит в одном ряду с другими «дурманящими» растениями (багульников, прострелом, любистоком, маком и т. д.). Однако характер использования хмеля с магическими охранительными целями в русской народной культуре (*насыпание* шишек хмеля) сближает его с рассматриваемой третьей группой апотропеических растений: «перед отправлением жениха к невесте сваха высыпает ему в сапог за голенища

хмель»⁵⁸ (с. Новоживотинное Воронежского уезда Воронежской губернии, 1907 г.); «на свадьбе кладут жениху в сапоги хмель для предохранения его от зловредных действий колдовства»⁵⁹ (с. Каралей Моршанского уезда Тамбовской губернии, 1840-е гг.); «благословив новобрачных образом и сделав хлебом над их головами крестное знамение, кидают на них вытопленные хмелины, чтобы не сглазили»⁶⁰ (Самарская губерния, середина XIX в.).

Остается, однако, еще немало число растений, внешне не обладающих сколь-нибудь заметными отпугивающими, отвращающими качествами (колючками, шипами, неприятным запахом, острым вкусом и т. д.), но считавшихся, тем не менее, апотропеическими. Для каждого из таких случаев следует предполагать какие-то иные («скрытые») семантические мотивировки.

Мощным апотропеическим средством, употреблявшимся, главным образом, для обезвреживания колдунов, ведьм и «ходячих» покойников, является *осина* (*Populus tremula*)⁶¹.

Наиболее характерной формой ее использования в качестве апотропеического средства выступает *осиновый кол* (т. е. заостренная осиновая палка). Рассмотрим наиболее типичные приемы обращения с этим орудием в русской народной традиции.

Для защиты от ведьмы предписывалось *бить* ее осиновым колом наотмашь (Суджанский уезд Курской губернии, середина XIX в.)⁶²; считалось, что осиновым колом можно даже убить ведьму⁶³. Практиковалось также *протыкание тени* колдуна: «когда колдун или колдунья идет, а его тень будет видна, то чтобы он не вредил больше, пробивают тень осиновым колом, и колдун тогда лишается силы колдовства»⁶⁴ (д. Мешково Орловского уезда Орловской губернии, 1898 г.); «оборониться от колдуна-оборотня можно, если ночью проткнуть осиновым колом тень колдуна»⁶⁵ (с. Терновка Пензенского уезда Пензенской губернии, 1899 г.) и т. д.

С целью предотвращения посмертных «хождений» колдунов и ведьм (или с целью прекращения таких «хождений», если они уже начались) повсеместно применялся такой прием, как *вбивание осинового кола в могилу* «нечистого» покойника⁶⁶. Причем крестьяне с. Каликино Лебедянского уезда Тамбовской губернии советовали вбивать осиновый кол в могилу «против сердца» колдуна (по сообщению 1850 г.)⁶⁷.

Чтобы умерший колдун не ходил по земле, в некоторых местах (как, например, в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии, 1899 г.) рекомендовали разрыть могилу колдуна и *вбить осиновый кол в гроб* ⁶⁸.

Еще более радикальный прием заключался во *вбивании осинового кола в сам труп* «нечистого» покойника. П. С. Ефименко сообщал в 1877 г. по этому поводу из Архангельской губернии: «*Еретик* – умерший колдун, ходящий по ночам и заедающий людей. Если такой еретик сильно надоедал людям, то народ собирался днем к могиле известного в жизни колдуна, раскапывал ее, доставал ниц лежащего еретика и забивали ему в спину осиновый кол, не позволявший еретику более вставать и выходить из могилы» ⁶⁹. Подобным образом, крестьяне Олонецкой губернии (по данным П. Н. Рыбникова, 1867 г.) считали, «чтобы *ерестун* (злой колдун) не ожил в гробу, надо ему вбить осиновый кол в спину промеж самых плеч» ⁷⁰.

Обычай забивать осиновые колы в могилы колдунов и других «нечистых» покойников сохранялся во многих местах на протяжении всего XX столетия. Вот, к примеру, сообщение, полученное в 1999 г. из д. Дерлово Хотынецкого района Орловской области: «Ходют эти колдуньи, ходют жрать, пока им не забьют осиновый колик в могилку... На середку» ⁷¹. Жители с. Большая Верейка Землянского района Воронежской области рассказывали: «Колдун домой после смерти ходит. Шумит ложкой, заслонкой. Тогда осиновый кол в могилу вбивают. У нас в Верейке три кола на кладбище было забито...» ⁷² (записано в 1958 г.).

Для защиты от живых колдунов и ведьм, с целью предотвращения их возможного проникновения в жилище, практиковалось *вбивание осинового кола возле дома* или даже в самом доме. Так, в Калужской губернии (1899 г.) считали, что «могущество колдуна теряет свою силу, если осиновый колышек вбить сзади двора» ⁷³. По поверьям жителей с. Малышево Хохольского района Воронежской области (1997 г.), «чтобы колдун не мог зайти в дом, необходимо забить осиновый кол у порога»; «если узнавали, кто ведьма, то также вбивали у порога осиновый кол» ⁷⁴. В с. Нелжа Рамонского района Воронежской области, как свидетельствуют этно-

графические материалы 2000 г., местные жители, следуя давней традиции, принятой в их селе, «от колдунов врубали осиновый кол в перерубы дома, в полу, – и вот в пол врубали кол осиновый»⁷⁵.

Как апотропеическое средство осина использовалась не только в виде осинового кола, но и в некоторых других своих формах. Чтобы колдун или ведьма не ходили после смерти, у крестьян с. Богодухово Орловского уезда Орловской губернии в конце XIX в., например, было принято вделывать в дно гроба *осиновую доску* и класть в гроб *осиновые стружки*⁷⁶. До сегодняшнего дня точно так же поступают жители с. Першино Нижнедевицкого района Воронежской области, которые забивают в крышку гроба осиную доску, веря, что осина «отпугивает колдунов»⁷⁷. По этнографическим данным, собранным в 1990–2000-х гг. в Центрально-Черноземном регионе, защититься от ведьм и колдунов можно с помощью *осиновых веток*: «на Русальной неделе ходили в лес за осинкой и прибавляли осиновые ветки к крыльцу или к калитке, чтобы не зашла ведьма»⁷⁸ (с. Хреновое Бобровского района Воронежской области); «раньше были ведьмы, – и на ворота становили осиную веточку»⁷⁹ (с. Васильдол Новооскольского района Белгородской области); «оберегая скот от порчи и болезней, у сарая врывали осиновые палки сучками вниз»⁸⁰ (с. Ранино Мичуринского района Тамбовской области) и т. д.

Апотропеический статус осины в народных верованиях обуславливается, по всей видимости, целым комплексом характерных особенностей и свойств этого дерева.

А. Н. Афанасьев в свое время указывал, что «забить осиновый кол в спину колдуна – значит проклясть его, поскольку осина – проклятое дерево, на нем, по преданию, удавился Иуда»⁸¹. В народе говорили, будто на осине «кровь под корою» (т. к. кора под ее кожицей имеет красноватый оттенок); осина также горька на вкус, ее корой «нередко натирали с разными обрядами десны от зубной боли»⁸².

Еще одним отличительным и бросающимся в глаза свойством осины является постоянное трепетание листьев, «сопровожаемое вследствие твердости листвы очень заметным шумом, заметным особенно в тихую погоду, когда листья на других деревьях висят

почти неподвижно». А. Я. Автамонов (1902) отмечает по этому поводу: «Что объясняется простым устройством черешков, то народу казалось загадочным: для него становилось очевидным, что в осине есть что-то злое: “одно проклятое дерево без ветра шумит”». И далее: «Шум леса и деревьев обуславливается беспокойным состоянием воздуха – ветром, и это волнение в природе человек как бы отождествляет со своим внутренним беспокойным состоянием, отсюда такие олицетворения, как “вьюга злится, вьюга плачет”. Боги бури, грозы и т. д. явились гораздо позднее, а сначала сама природа и ее явления были живыми: она сама гневалась, печалилась и веселилась. Если шум деревьев вообще был явлением зловещим, то тем более шум осиновых листьев. Это ведь шум “горького” дерева и притом шум особенный»⁸³.

Апотропеическое применение в русской народной культуре находила *luna* (*Tilia cordata*), причем в особой форме так называемой *лутошки*, или *лутохи* – очищенной от коры липовой палки⁸⁴. Считалось, например, что лутошкой «можно убить ведьму» (Нижегородский уезд Воронежской губернии, 1861 г.)⁸⁵. По сообщению, полученному из Мещовского уезда Калужской губернии этнографическим отделом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии во второй половине XIX в., для умирения дворового «хозяин отыскивал лутошку, т. е. липовую палку без кожи, и махал ею по всему двору»⁸⁶. В Меленковском уезде Владимирской губернии (по данным середины XIX в.) «голыми, облупленными лутошками» было принято отгонять «леших, которые откликаются на голос каждого аукающегося» в лесу⁸⁷.

Как апотропеическое средство широко использовалась *рябина* (*Sorbus aucuparia*). По свидетельству П. В. Шейна (1900), в Белозерском уезде Новгородской губернии *рябиновые прутья* клали над воротами и над дверьми домов, «чтобы покойник не ходил с кладбища»⁸⁸. В Пинежском районе Архангельской области считалось, что для избавления от «лесачихи» надо отстегать ее *рябиновой веткой* (по данным И. В. Карнауховой, 1928 г.)⁸⁹. В с. Красное Пронского уезда Рязанской губернии (1850-е гг.) для предохранения от «лихих людей» было принято «закладывать под пяту в чулок *рябинный сучок*»⁹⁰. *Листья рябины* применялись «для из-

бегания порчи от колдунов». Например, по сообщению 1853 г. из с. Большая Лука Керенского уезда Пензенской губернии, «жених и невеста, отправляясь венчаться, кладут под подошвы ног своих листья рябины»⁹¹. В с. Новоживотинное Воронежского уезда Воронежской губернии в начале XX в. «перед отправлением жениха к невесте, сваха высыпала ему в сапог за голенища *коренья рябиновые*, истолченные мелко, чтобы никто не мог его по ненависти испортить»⁹². Чтобы защитить домашнюю скотину от порчи, при покупке нового животного сразу же «сажали красную *рябину* около дома»⁹³ (по рассказам жителей с. Малышево Хохольского района Воронежской области, 1997).

Вера в сверхъестественную предохранительную силу рябины, как указывал Д. К. Зеленин, была распространена среди многих народов Евразии⁹⁴. У русских (а также у финно-угорских народов Восточной Европы) особое отношение к рябине было связано с тем, что это дерево выполняло в народных верованиях «двоякую роль» – магического посредника (например, при распознавании колдунов) и оберега⁹⁵. Причем, в отличие от осины, предохранявшая от зловредных духов рябина считалась исключительно «чистым» деревом.

Особое отношение к рябине, ее почитание в славянской традиции неслучайно и, по-видимому, несет «какие-то отзвуки древнеславянских мифологических построений»⁹⁶. На основе анализа восточнославянских поверий, связанных с рябиной, Л. А. Тульцевой было установлено, что культ этого дерева отчетливо соотносится с грозой, молнией, зарницами, т. е. «древнеславянским божеством-громовержцем в его древнейшей ипостаси, предшествовавшей великокняжескому Перуну»⁹⁷.

Ярко выраженными апотропеическими качествами обладает *верба*. Под этим названием в русской языке фигурируют отдельные виды деревьев и кустарников рода *Salix*, в том числе: *Salix acutifolia* (она же ива остролистная, верба красная, шелюга, краснотал, талина, тальник), *Salix alba* (она же ива серебристая, ветла, белотал, лоза), *Salix fragilis* (она же ива ломкая, ракита, ветла, талина, тальник)⁹⁸.

По свидетельству С. В. Максимова, вербные почки глотали в качестве профилактического средства, чтобы предохранить себя от

болезней, прогнать всякую хворь⁹⁹. В с. Дягилево Рязанского уезда Рязанской губернии в конце XIX в. вербной веткой выгоняли в первый раз скот на весенние пастбища; эту ветку потом бросали на потолок, «чтобы ягнят больше было и не терялись бы»¹⁰⁰. Повсеместно практиковалось *хлестание освященными ветками вербы*, представляющее собой особый магический ритуал продуцирующего и защитного характера.

Есть упоминания об использовании с апотропеическими целями *бузины* (она же *бузовник*, *бузник*, *бузинник*, *буз*), различных видов кустарников и деревьев рода *Sambucus*¹⁰¹. По свидетельству И. П. Сахарова, если ветку *бунзы* будут попеременно держать за пазухой то сват, то сваха, «то все умыслы врагов обратятся ни во что»; точно так же «если поедет поезд, забьют лошади от злобного наговора, то стоит только махнуть этой веткою, и все будет спокойно»¹⁰².

К «травам-амулетам» в русской традиции принадлежит *Петров крест* (*Lathraea squamaria*)¹⁰³, «который так назван потому, что корень его имеет вид креста и собирают его под Петров день»¹⁰⁴. В Меленковском уезде Владимирской губернии это растение считалось предохраняющим от порчи (1892 г.)¹⁰⁵. В Саратовской губернии в XIX в. корень травы Петров крест носили на шнуре креста как средство «от всех болезней и несчастий»¹⁰⁶. В Вологодской губернии (по данным Н. А. Иваницкого) «засушенное растение Петров крест» клали вместе с поясом, ножом, топором и шейным крестом вдоль *подворотки*, когда выгоняли скотину первый раз на пастбище, – «для того, чтобы скотина, выходя из двора, перешагнула через эти предметы»¹⁰⁷.

Способность отвращать нечистую силу приписывалась *богородской (богородицкой) траве*. Под этим названием фигурируют пахучие растения из родов *Thymus* (тимьян, чабрец) и *Helichrysum* (гелихризум, цмин). По поверьям конца XIX в., богородицкую траву с охранительными целями предписывалось держать в детской люльке (Олонецкая губерния)¹⁰⁸ или вешать на шею домашним животным (Нижегородская губерния)¹⁰⁹. А жители д. Славцева Меленковского уезда Владимирской губернии советовали: «В которой храмине глумит нечистый дух, то положи этой травы в передний угол, и более не увидишь никакой страсти»¹¹⁰.

Сильнодействующим оберегом считался *плакун* – «трава, заставляющая плакать нечистых духов»¹¹¹. «Плакуном», или «плакун-травой» называли либо кипрей (он же иван-чай, *Epilobium angustifolium*), либо дербенник (он же дубник, подбережник, твердык, кровавница, верба-трава, *Lythrum salicaria*)¹¹². По данным И. П. Сахарова, корни и цветы плакуна использовались знахарями «для изгнания домовых, ведьм и нечистой силы, стерегущей кладь»¹¹³. «Носи плакун-траву с собой на кресте, – советовали крестьяне д. Славцева Меленковского уезда Владимирской губернии (1892 г.) – свободен будешь от нечистого духа на всяком пути»¹¹⁴. В Калужской губернии верили, что «могущество колдуна теряет свою силу, если человек имеет при себе или при своем доме плакун-траву»¹¹⁵ (1899 г.). Вдовам, желающим освободиться от «страшного посещения огненных змиев», рекомендовали «накурить в доме корнем плакуна»¹¹⁶ (Лукояновский уезд Нижегородской губернии, середина XIX в.).

Как предохранительное средство от колдовства (в том числе в практике русских знахарей) широко применялась так называемая *неодолим-трава*, или *одолень* (*одолей-трава*), растение из рода молочаев (*Euphorbia pilosa* или *Euphorbia prosera*)¹¹⁷. В Вятской губернии в конце XIX в. это «одолевающее» нечистую силу растение носили как амулет¹¹⁸. В быличке, записанной В. П. Зиновьевым в 1974 г. в Сретенском районе Читинской области от уроженки Воронежской губернии, *неодолим-трава* фигурирует в качестве магического средства защиты от ведьмы: одна крестьянская женщина сумела избавиться от порчи домашней скотины, когда, по совету знающих людей, прикрепила к нательному кресту завязанные в тряпочке мелко истолченные корни этого растения¹¹⁹.

У русских охотников оберегом считался *черный осот*, или *Адамова голова* (*Centaurea scabiosa*). По свидетельству М. Д. Чулкова, этой травой окуривали «пленицы или силки, которыми ловят диких уток», причем «сие окуривание должно быть в великий четверток, а иначе, по мнению суеверов, окуривание сие будет не действительно, и силки не будут ловки»¹²⁰. Мельникам же «от всякого полома и воровства на мельницах» предписывалось «держатъ у себя на мельницах» траву *палочник* (он же рогоз, или куга, *Typha angustifolia*)¹²¹.

В отдельных локальных традициях было известно немалое число и разных других трав, использовавшихся с апотропеическими целями.

Так, в числе «магических трав» и «трав-амулетов», употреблявшихся крестьянами Сарапульского уезда Вятской губернии в конце XIX в., были *спрык*, *арарат*, *Царевы очи*, *Христов по-сох* (*Tritillaria imperialis*), *сивулист* («добра та трава от пакостей ведьм») ¹²². У севернорусского населения оберегом считался также *дягиль*, он же *дудник лесной*, или *дикая зоря* (*Angelica sylvestris*). Полагали, что человек, который ел его натошак («хлебал на тощее сердце»), был застрахован на весь день от всякой порчи, «а прихватив с собой этой травы», человек мог быть уверен, что «будет в полной безопасности и находясь на пиру» ¹²³. В современных поверьях населения Центрально-Черноземного региона обережные свойства приписываются *зверобою* (*Hypericum perforatum*), который «некоторые кладут от колдунов» ¹²⁴ (с. Ранино Мичуринского района Тамбовской области, 2003 г.) и т. д.

Особым апотропеическим «растением» признавалась *бодяга* (*бадяга*), она же *водяга*, *виша*, или *надожник* (*Spongia officinalis*, *Badiga fluviatilis*) ¹²⁵. Крестьяне считали ее «водяным растением», тогда как на самом деле это животное, относящееся к классу обыкновенных губок. Как сообщают этнографические источники XIX в., бодягу, во избежание порчи, навязывали на крест жениху и невесте при отправлении их к венцу (Костромская губерния) ¹²⁶ или «насыпали» в чулки и башмаки невесте (Владимирская губерния) ¹²⁷.

Завершая обзор апотропеических средств растительного происхождения в русской народной культуре, следует отметить некоторые бросающиеся в глаза особенности, связанные с использованием этой группы оберегов.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в арсенале средств апотропеической защиты отсутствуют отдельные деревья, кустарники или травы, имевшие в русской народной культуре высокий сакральный статус, большое ритуально-обрядовое значение и традиционно считавшиеся «чистыми», «благоприносящими». Мы не располагаем, например, свидетельствами, прямо

указывающими на употребление с апотропеическими целями таких деревьев, как береза (*Betula pendula*) или дуб (*Quercus robur*). Апотропеическая семантика этих растений, если и проявляется, то лишь косвенно и как бы в «завуалированной» форме (ношение украшенной березы по селу во время троико-семицких празднеств, кумление девушек под березами, использование древесины дуба для вытирания живого огня и некоторые другие случаи).

Не зафиксировано применение в качестве апотропеев также целого ряда растений, обладающих острыми колючками, шипами, режущими листьями и т. д. (А ведь подобные растения в огромном количестве произрастают в средней полосе России!) Боярышник, терновник, крыжовник, ежевика, малина, дикая груша, осока – все они если и использовались русскими крестьянами с апотропеическими целями, то чрезвычайно редко, а зачастую вообще не использовались¹²⁸.

Аналогичная ситуация наблюдается с растениями, имеющими резкий запах, неприятный вкус, ядовитыми и т. п. В их числе – болиголов, белена, дурман, белладонна и другие. Русские крестьяне были хорошо осведомлены о токсичных свойствах многих из них¹²⁹, однако не «считали» возможным или нужным использовать эти растения как обереги. Некоторые же другие растения, обладающие притягательным ароматом и абсолютно безвредные для здоровья (хмель, чабрец, иван-чай, липа и т. п.), напротив, считались сильнодействующими апотропеями.

Наконец, в ряде случаев довольно странно выглядит форма использования апотропеических растений. Например, признавались оберегом отнюдь не *сильно пахнущие* цветки липы, а липовые луточки. Никогда не употреблялся с апотропеическими целями мак в виде *сонного зелья*. Обережной семантикой, судя по некоторым этнографическим источникам, обладали не только *колючие листья* чертополоха, но также сок (отвар, настой) этого растения.

Это означает, что выделение апотропеических растений из общего крайне многообразного растительного царства в большей степени обусловлено не рациональными народными познаниями в области ботаники, а причинами религиозно-магического характера, мифологическими мотивами.

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 106, 509; 1881. Т. 2. С. 346; 1882. Т. 4. С. 92, 598; *Зеленин Д. К.* Магическая функция примитивных орудий // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М., 1999. С. 112.

² *Зеленин Д. К.* Указ. соч. С. 112.

³ *Герасимов М. К.* Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // ЖС. 1898. Вып. 2. С. 177.

⁴ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1. (Изв. ОЛЕАЭ. Тр. этногр. отдела. Т. 30. Кн. 5. Вып. 1–2). С. 202.

⁵ Великорусские заклинания / Собр. Л. Майков. СПб., 1869. С. 161.

⁶ *Колчин А.* Веравания крестьян Тульской губернии // ЭО. 1899. № 3. С. 22.

⁷ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. С. 263; *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонейской губернии // Изв. ОЛЕЭА. Тр. этногр. отдела. М., 1889. Т. 60. Кн. 9. С. 139; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

⁸ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 145. Л. 8 об. – 9.

⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1738. Л. 5.

¹⁰ АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 64. Л. 8 об. – 9.

¹¹ *Чулков М. Д.* Абевега русских суеверий. СПб., 1786. С. 223; *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 142.

¹² Само название *шиповник* (также *шипница*), как отмечает А. Я. Автамонов, «уже указывает на отличительный признак, обративший на себя внимание народа». В народных песнях часто упоминается о колючках шиповника, а в одной из русских загадок он изображается так: «Древо латынско, лапы богатырски, когти дьявольски» (*Автамонов А. Я.* Символика растений в великорусских песнях // ЖМНП. 1902. № 11. С. 71).

¹³ *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег: семантика и структура. М., 2002. С. 78.

¹⁴ *Автамонов А. Я.* Указ. соч. С. 258.

¹⁵ *Селиванов А. С.* Очерки поверий, обрядов, примет и гаданий в Воронежской губернии // ВЛС. Воронеж, 1861. Вып. 1. С. 381.

¹⁶ *Зеленин Д. К.* Магическая функция ... С. 113; *Он же.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. М., 2004. С. 185.

¹⁷ *Левкиевская Е. Е.* Указ. соч. С. 78. Ср. валашское поверье XIX в., которое приводит А. Н. Афанасьев: возле покойника, считавшегося упырем, клали лозу шиповника, «иглы которого, цепляясь за саван, должны держать мертвеца в могиле» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1869. Т. 3. С. 579).

¹⁸ По данным современной науки, чеснок и его ближайший родственник – лук (*Allium cepa*) – содержат особые вещества (фитонциды), обладающие способностью подавлять рост бактерий, грибов и других простейших организмов

и, тем самым, предотвращать и лечить некоторые заболевания. О целительных свойствах чеснока и лука люди подозревали уже давно. Не случайно эти растения широко использовались в народной медицине и в качестве апотропеических средств у многих народов. Однако, по словам Ю. И. Семенова, «люди долгое время осознавали реальное позитивное влияние чеснока и лука не в адекватной, а иллюзорной форме» (Семенов Ю. И. Основные этапы эволюции первобытной религии // Скепсис. 2002. № 2. С. 34).

¹⁹ Герасимов М. К. Указ. соч. С. 165; Машкин А. С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // ЭС. СПб., 1862. Вып. 5. С. 85.

²⁰ АРГО. Разряд 27. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

²¹ Автамонов А. Я. Указ. соч. С. 255.

²² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1332. Л. 10.

²³ Там же. Д. 522. Л. 25.

²⁴ Там же. Д. 670. Л. 3.

²⁵ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 20. Л. 17.

²⁶ Папоротник – собирательное обозначение большой группы бесцветковых растений, наиболее распространенными из которых в средней полосе России являются *кочедыжник*, или *блошник* (*Polypodium Filix-mas*), *слабкий корень*, или *каменный зверобой* (*Polypodium vulgare*), *папорот боровой*, или *кочедыжник* (*Asplenium Filix femina*), *костенец* (*Asplenium septentrionale*), *папоротник черный*, или *куноротник* (*Struthiopteris germanica*), *орляк* (*Pteris aquilina*) и др. (Даль В. И. Указ соч. 1882. Т. 3. С. 16–17).

²⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 66.

²⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

²⁹ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 36. Ср. диалектизмы, зафиксированные в севернорусских говорах: *багульный* «терпкий, крепкий, острый на вкус», «набивающий оскомину», «ядовитый, одуряющий»; *багулить* (о зелье или снадобье) «действовать ядовито, разрушительно, в виде отравы» (там же).

³⁰ Колчин А. Указ. соч. С. 22; АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 65. Л. 2 об.

³¹ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 195.

³² Селиванов А. С. Указ. соч. С. 381.

³³ Даль В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 338. Ср. диалектное архангельское *вересной* «хвойный, смолистый, вообще душливо пахучий», а также *вересить* «курить, дымить, чадить», «пахнуть хвоей, смолем» (там же. Т. 1. С. 180).

³⁴ Зеленин Д. К. Описание рукописей ... 1915. Вып. 2. С. 534.

³⁵ Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогского уезда // ЖС. 1905. Вып. 1–2. С. 154.

³⁶ Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М., 1998. С. 383.

³⁷ Семенова-Тянь-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из Черноземных губерний. СПб., 1914. (Зап. РГО по отд. этнографии. Т. 39). С. 67.

³⁸ Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда // ЭО. 1895. № 1. С. 17.

³⁹ АКТЛФ ВГУ. Записи 1997 г. Д. 4. Л. 45.

⁴⁰ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 4. Л. 20–21.

⁴¹ Там же. Д. 9. Л. 37.

⁴² Наряду с ним, оберегом от нечистой силы служили также отходы обработки льна (*кострика*); их специально свозили на лесные дороги, особенно в низменные болотистые места, и разбрасывали там. Верили, что нечисть боится кострики и перестает «водить» людей на месте, где она рассыпана (*Шубина Т. Г.* Лен в обрядовом фольклоре и верованиях восточных славян // ЭО. 1998. № 3. С. 67–68).

⁴³ Зеленин Д. К. Описание рукописей ... Вып. 2. С. 869; *Костоловский И. В.* Из свадебных обрядов и поверий Ярославской губернии // ЭО. 1907. № 4. С. 107; *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и проч.) М., 1890. Вып. 2 (Тр. этногр. отдела ИОЛЕАЭ. Т. 11. Вып. 1). С. 41.

⁴⁴ *Костоловский И. В.* Вознесеньев день в Ярославской губернии // ЭО. 1903. № 3. С. 157.

⁴⁵ Например, в обрядах вызывания дождя во время засухи в Полесье в колодец бросали («сеяли») зернышки мака, освященного в день *Маковея*, колотили или мешали воду *киечками* (палицей – оружием громовержца), маком обсыпали хату, хлев, могилы «ходячих» мертвецов и др. Связь мака с громовержцем подтверждается также многочисленными редуцированными названиями мака, совпадающими (или весьма сходными) с именем громовержца: наряду с латинским названием мака – *paraver*, на Балканах бытуют названия мака (иногда бабочки) типа албанск. *pararune*, румынск. *parărună*, болг. *папоруна*, македонск. *пеперуга*, *переруда* и т. п. (Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2000. Т. 2. С. 90).

⁴⁶ Славянская мифология: Энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2002. С. 290.

⁴⁷ *Зеленин Д. К.* Магическая функция ... С. 125.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АРГО. Разряд 28. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

⁵⁰ *Шингарев А. И.* Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. С. 25.

⁵¹ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ... Вып. 1. С. 366.

⁵² АРГО. Разряд 33. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 об. – 15.

⁵³ АKNM ВГАИ. Д. 107. Л. 16.

⁵⁴ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 14. Л. 6.

⁵⁵ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 145. Л. 8 об. – 9.

⁵⁶ Интересно также отметить, что в славянских заговорах и проклятиях выражения типа «рассыпаться маком» или «сесть маком» означают «исчезнуть, погибнуть, пропасть» (Славянская мифология ... С. 290).

⁵⁷ *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 554.

⁵⁸ *Шингарев А. И.* Указ. соч. С. 25.

⁵⁹ АРГО. Разряд 40. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

⁶⁰ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ... 1916. Вып. 3. С. 1201.

⁶¹ В единичных случаях признавалось возможным использование осины и против некоторых сверхъестественных существ – духов. Так, по поверьям Мещовского уезда Калужской губернии (1898 г.), «от осинового кола не поздоровится даже черту» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 549. Л. 40). По сообщению 1899 г. из Вызниковского уезда Владимирской губернии, тамошние крестьяне, чтобы не дурил домовый, клали под колоду осиновое полено (там же. Д. 15. Л. 7).

⁶² АРГО. Разряд 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 47–47 об.

⁶³ *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд // ВЛС. Воронеж, 1861. Вып. 1. С. 294.

⁶⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1087. Л. 20.

⁶⁵ Там же. Д. 1374. Л. 35.

⁶⁶ АРГО. Разряд 15. Оп. 1. Д. 64. Л. 8; Разряд 40. Оп. 1. Д. 17. Л. 30; АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 159. Л. 8–8 об.; Д. 163. Л. 9 об.; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1453. Л. 12; Д. 952. Л. 7.

⁶⁷ АРГО. Разряд 40. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1373. Л. 16.

⁶⁹ *Ефименко П. С.* Указ. соч. С. 187.

⁷⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4. Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверья, суеверия, заговоры и т. п. С. 223.

⁷¹ АКРУНТ МГУ. ФЭ. 20 : 3585.

⁷² Там же. ФЭ. 02 : 7240.

⁷³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 523. Л. 2.

⁷⁴ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 4. Л. 30, 54.

⁷⁵ Там же. Д. 7. Л. 15.

⁷⁶ *Иванов А. И.* Верования крестьян Орловской губернии // ЭО. 1900. № 4. С. 95.

⁷⁷ *Мануковская Т. В.* Плачи-голошения и духовные стихи в свете похоронно-го обряда (село Першино Нижнедевицкого района Воронежской области) // Этнография Центрального Черноземья России. Воронеж, 2004. Вып. 4. С. 142.

⁷⁸ АКГЛФ ВГУ. Записи 2000 г. Л. 4.

⁷⁹ АКНМ ВГАИ. Д. 614. № 44.

⁸⁰ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 14. Л. 2.

⁸¹ *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. С. 307.

⁸² *Автамонов А. Я.* Указ. соч. С. 81.

⁸³ Там же. С. 80, 81.

⁸⁴ Чтобы добыть лыко, волокнистую древесную ткань, использовавшуюся для изготовления лаптей и плетеной домашней утвари, крестьяне обдирали кору с молодых лип в лесу. Оставшееся без коры дерево быстро засыхало и чернело. Ср. русские пословицы «гол, как лутошка», «была липка, а стала лутошка, как обдирали» (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 274).

⁸⁵ *Малыхин П.* Указ. соч. С. 294.

⁸⁶ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 157. Л. 1 об. Ср. в этой связи русск. диалектизм *лутощить*, имеющий не только значение «драть лыко», но и «хлестать (кого-либо)» (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 274).

⁸⁷ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ... Вып. 1. С. 186.

⁸⁸ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / собр. П. В. Шейном. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 780.

⁸⁹ *Карнаухова И. В.* Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Л., 1928. Т. 2. С. 86.

⁹⁰ АРГО. Разряд 33. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

⁹¹ Там же. Разряд 28. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

⁹² *Шингарев А. И.* Указ. соч. С. 25.

⁹³ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 4. Л. 66.

⁹⁴ *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья ... С. 51.

⁹⁵ *Тульцева Л. А.* Рябина в народных поверьях // СЭ. 1976. № 5. С. 88, 89.

⁹⁶ Там же. С. 97.

⁹⁷ *Тульцева Л. А.* Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 173–174. Исследовательница обратила внимание на тот факт, что в народном языке вплоть до наших дней сохранились лексически сходные выражения *рябиновая ночь* и *воробьиная ночь*: в обоих случаях подразумевается «ночь грозовая или с зарницами». Например, белорусы Витебской губернии в XIX в. верили, что ближе к празднику *большой прячисты* (Успение, 15 августа ст. ст.) наступает «рябиновая ночь» с бурей, громом и молнией (*тируном*, по местной лексике). Примечательно, что в Белоруссии и на Смоленщине «рябиновые ночи» относились ко времени между Ильиным днем и Рождеством Богородицы (8 сентября ст. ст.), т. е. ко времени особенно частых грозовых ночей. В центральной России «воробьиными» назывались ночи с частыми вспышками молний, с непрерывными зарницами, а также осенние грозы. По старым украинским поверьям считалось, что в «воробьиные ночи» бывают свадьбы и хороводы русалок (а этот мифологический персонаж, по некоторым данным, находился в культовой соотносительности с Перуном) (Там же).

⁹⁸ *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 389.

⁹⁹ *Максимов С. В.* Указ. соч. С. 382–383.

¹⁰⁰ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 151. Л. 3 об.

¹⁰¹ Плоды некоторых видов бузины имеют неприятный запах.

¹⁰² *Сахаров И. П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. М., 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 56.

¹⁰³ По данным Н. А. Иваницкого, крестьяне Вологодской губернии *Петровым крестом* называли другое растение – ладьян (*Corallorhiza innata*) (*Иваницкий Н. А.* Указ. соч. С. 40).

¹⁰⁴ *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 5. С. 95. Ср. и некоторые другие обереги, апотропейческая семантика которых традиционно связывается с христианской символикой (борона, имеющая крестообразные переплетения, ячеи невода и т. д.). Обладающая необычным (в виде креста) корнем

и носящая имя святого трава Петров крест считалась в народе «средоточием рыбацкого счастья». Как отмечает Н. А. Криничная, подобные растения нередко фигурируют (особенно в заговорах) как атрибуты христианских святых или Богородицы, которые, держа «во правой руке цвет и траву», ниспосылают обильный улов (*Криничная Н. А. Народные представления русских о свойствах растений // ЭО. 2001. № 4. С. 57*).

¹⁰⁵ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 65. Л. 2.

¹⁰⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей ... Вып. 3. С. 1253.

¹⁰⁷ Иваницкий Н. А. Указ. соч. С. 40.

¹⁰⁸ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993. С. 91.

¹⁰⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 670. Л. 3.

¹¹⁰ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 65. Л. 2, 5.

¹¹¹ Чулков М. Д. Указ. соч. С. 267.

¹¹² Даль В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 119–120.

¹¹³ Сахаров И. П. Указ. соч. С. 44.

¹¹⁴ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 65. Л. 2, 4.

¹¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 523. Л. 2.

¹¹⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей ... Вып. 2. С. 793.

¹¹⁷ Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 649, 655.

¹¹⁸ Верещагин Гр. О народных средствах врачевания в связи с поверьями // ЭО. 1898. № 3. С. 117–120.

¹¹⁹ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 172–173.

¹²⁰ Чулков М. Д. Указ. соч. С. 3.

¹²¹ АИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 65. Л. 2, 4 об. Все беды и несчастья подобного рода обычно расценивались в народе как вредоносные воздействия сверхъестественного характера: мельницы, по поверьям, часто «ломали» водяные, живущие в близлежащих омутах, а неудачи в охотничьем промысле традиционно связывались либо с колдовскими «уроками» и «сглазом», либо со сверхъестественным влиянием лесного духа – лешего, «отводящего» от охотника дичь.

¹²² Верещагин Гр. Указ. соч. С. 117–120, 124.

¹²³ Криничная Н. А. Указ. соч. С. 52–53.

¹²⁴ АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ. Д. 14. Л. 4.

¹²⁵ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 37.

¹²⁶ Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских // Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996. С. 79.

¹²⁷ Зеленин Д. К. Описание рукописей ... Вып. 1. С. 178.

¹²⁸ Не считалась апотропеем, например, осока (*Carex*). Хотя это растение, имеющее длинные и режущие листья, именовалось в народе не иначе, как «резучим»: в одной из русских песен девушка хватается за осоку руками и сильно ранит их (*Автамонов А. Я. Указ. соч. С. 261*).

¹²⁹ Белладонна, или красавка (*Atropa belladonna*), например, называлась в народе «бешенницей», «бешеной ягодой», «сонной одурью» (*Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 81*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЭА РАН – Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

АКНМ ВГАИ – Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств

АКРУНТ МГУ. ФЭ – Архив кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета. Фольклорная экспедиция

АКТЛФ ВГУ – Архив кафедры теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета

АРГО – Архив Русского географического общества

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея

АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ – Архив учебно-научной лаборатории «Этнография Центрально-Черноземных областей России» при Воронежском государственном университете

ВЛС – Воронежский литературный сборник

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЖС – Живая старина

ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение

ЭС – Этнографический сборник

В. Н. Глазьев

ПЕРВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ ВОРОНЕЖСКИХ ВЕНЕВИТИНОВЫХ¹

В ранней воронежской истории выделяется несколько семей, сыгравших заметную роль в местном управлении и общественной жизни. К числу таких семей с полным основанием следует отнести Веневитиновых. Родоначальником воронежских Веневитиновых обычно считают Терентия, жившего в первой половине XVII в., и его сына Герасима¹. Однако в поручной записи 1636/37 г., хранящейся в ГАВО, названо отчество Герасима Веневитинова – Никифорович². По дозорной книге 1615 г. Никифор Веневитинов – беломестный атаман, владелец лавки на городском торгу³. Возможно, его родственниками были владелец лавки монастырский крестьянин Денис Веневитинов, посадский человек владелец лавки Томила Веневитинов. Известен и Терентий (Терех) Веневитинов, названный в воронежской десятне 1622 г. беломестным атаманом⁴, земельный оклад которого составлял 50 четвертей.

Беломестные атаманы набирались в первые десятилетия существования Воронежа из числа вольных атаманов и казаков: донских, волжских, донецких. Они несли конную службу вне города, стояли на воронежских сторожах. Беломестные атаманы жили на белых местах, т. е. на местах, освобожденных в отличие от других частей города, от налогов и городских повинностей. Это обстоятельство давало определенные преимущества в торговой деятельности. Не случайно в одном из документов, относящихся к январю 1625 года, Никифор Веневитинов и Денис Веневитинов названы воронежскими торговыми людьми⁵.

Беломестные атаманы имели право владеть крепостными крестьянами. В переписной книге 1646 г. сын Никифора атаман

---

¹ Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, реализованных в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (проект Русский фронт XVI–XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект) № государственного соглашения 14.В 37.21.0009.

Герасим Веневитинов назван владельцем бобыльского двора в с. Ямном, крестьянского двора и трех вдовьих бобыльских дворов в с. Бобяково ⁶. Жил Герасим Веневитинов в городе в Беломестной слободе ⁷.

Сын Герасима, Лаврентий, находился уже в первых рядах воронежских дворян и детей боярских. Возможно, его возвышению способствовала женитьба Василия Минеевича Струкова, одного из самых состоятельных воронежских дворян XVII в. ⁸, на сестре Лаврентия Веневитинова – Ирине. В челобитной Л. Г. Веневитинов сообщал об убийстве его зятя В. М. Струкова крестьянином в 1666/67 г. ⁹ Л. Г. Веневитинов был грамотным, в 1667–1668 гг. он назначался воронежским казачьим головой, а в 1678–1679 гг. – воронежским стрелецким головой ¹⁰.

В сказке 1675 г. Л. Г. Веневитинов сообщал, что служит в полках с 1658 г., сначала в копейщиках, затем в завоевочниках, с 1669 г. носит чин дворового сына боярского. Его поместный оклад составлял 270 четвертей, денежный из Четверти – 14 руб. Наряду с отцовскими землями в Бобяково, Ямном и городских полях, Л. Г. Веневитинов получил новые. Вдова В. М. Струкова Ирина передала брату свое прожиточное поместье в с. Чертовицкое и д. Боллоцкой (Заболоцкой) ¹¹. Правда, впоследствии поместье в с. Чертовицкое Ирина передала подьячему Поместного приказа Семену Григорьевичу Струкову, ставшему затем дьяком. Сказку писал сын Л. Г. Веневитинова Антон, кроме него, Лаврентий имел сыновей Андрея, Семена, Федора ¹². По переписной книге 1678 г. Л. Г. Веневитинов владел в д. Заболоцкой одним крестьянским и четырьмя бобыльскими дворами, в которых проживало 24 человека, в с. Ямном – двумя бобыльскими дворами (4 человека), зависимые люди в с. Бобякове не отмечены.

О детях Лаврентия – Андрее, Семене, Федоре – сведений мало. В РГАДА сохранилось дело о том, как в октябре 1696 г. Федор Лаврентьевич Веневитинов попытался насильно обратить в крепостные крестьяне воронежцев Ивана и Андрея Гавриловых ¹³.

Внук Герасима Антон Лаврентьевич начал служить с 1672/73 г. В том же году к нему перешло поместье тестя – Анкиндина Бухонова – в д. Животинной 55 четвертей. В 1676/77 г. поместный

оклад А. Л. Веневитинова составлял 250 четвертей. Для увеличения реального земельного владения Антон Лаврентьевич использовал московские связи. При помощи дьяка Поместного приказа С. Г. Струкова 28 января 1678 г. А. Л. Веневитинову было передано вымороченное поместье Б. И. Кречкова в д. Животинной в 60 четвертей, пустовавшее около сорока лет ¹⁴.

Важной вехой в служебной карьере Антона Лаврентьевича стало назначение воеводой в Орлов-городок в 1683–1684 гг. Документы, приобретенные Воронежским литературным музеем, относятся к этому периоду. В документах речь идет о земельных спорах орловских драгун, содержится предписание А. Л. Веневитинову собрать хлеб с населения Орлова-городка для донской посылки. В период начала воронежского кораблестроения А. Л. Веневитинов был назначен охранять от порубки лес в Воронежском и Усманском уездах ¹⁵.

По сказке 1697 г. А. Л. Веневитинов служил в завоеводчиках, кроме того исполнял обязанности капитана воронежских стрельцов. Его поместные земли располагались в селах Животинное (218 четвертей), Рамонь и д. Заболотная (20 четвертей), с. Лопатки (25 четвертей), д. Сушиловке (5 четвертей) и за Доном на р. Верейке (30 четвертей) – всего 318 четвертей. За А. Л. Веневитиновым числились 12 крестьянских дворов, 5 дворовых людей, мельница на р. Верейке. А. Л. Веневитинов имел сына Фаддея 11 лет ¹⁶.

По переписной книге 1714 г. двор Антона Лаврентьевича находился в с. Новоживотинном, а его сын Фаддей Антонович числился в помещиках в д. Моховатке ¹⁷, располагавшимся рядом со Староживотинным.

Семья Веневитиновых показывает пример движения вверх по социальной лестнице, от незнатных беломестных атаманов к первым рядам воронежского, а затем и российского дворянства.

---

¹ См.: *Акиншин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 2009. С. 8.

² ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 59. Л. 32.

³ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1891. Т. 2. Воронежские писцовые книги. С. 3.

- ⁴ *Сторожев В. Н.* Воронежское дворянство по десятиям XVII в. С. 99.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. Приказн. ст. Д. 15. Ч. 1. Л. 188.
- ⁶ Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. С. 71, 73.
- ⁷ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 80. Л. 2.
- ⁸ О В. М. Струкове см.: *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 348–350.
- ⁹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1885. Вып. 2. С. 114.
- ¹⁰ *Глазьев В. Н.* Воронежское дворянство в XVII в.: роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 21–23.
- ¹¹ См.: РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 12286. Л. 139–139 об., 44 об.
- ¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 760. Л. 15–16.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1650. Л. 4–23.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1194. Стб. по Воронежу. Д. 34730. Л. 1–19.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1565. Л. 140–147.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1567. Л. 7.
- ¹⁷ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 60. Л. 99 об., 100 об.

С. А. Иконников

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА
В ПРОПОВЕДЯХ ВОРОНЕЖСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Проповедь в Православной церкви всегда являлась неотъемлемым компонентом священнического служения. Существуют канонические правила, которые обязывали и обязывают до сих пор представителей духовного сословия участвовать в «служении слова». Так, например, 58-е Апостольское правило гласит: «Епископ или пресвитер, не радящий о причте и о людях и не учащий их благочестию, да будет отлучен» [1, с. 181]. При этом канонические правила, определявшие в XIX – начале XX вв. и продолжающие определять сегодня отношение священнослужителей к гомилетической обязанности, предполагают целый ряд ограничений для проповедников. Так, в 19-м правиле VI Вселенского собора указывалось, что «предстоятели Церквей должны по вся дни, наипаче же в дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного Писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания Богоносных отец. И аще будет исследуемо слово Писания, то не иначе да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви» [1, с. 490].

Из вышеприведенного правила видно, что священнослужители обязаны строить свои проповеди исключительно на основе текстов Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. При этом даже интерпретация этих текстов должна основываться на мыслях и рассуждениях Святых отцов Церкви. Однако представители духовного сословия, несмотря на некоторые ограничения, все же имели возможность для высказывания с амвона собственных взглядов и идей.

Применительно к Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX вв. до нас дошло значительное количество проповедей, составленных местным духовенством, которые систематически публиковались на страницах местного печатного орга-

на – «Воронежских епархиальных ведомостей». Так, например, с 1866 по 1890 гг. местными епархиальными ведомостями было опубликовано 356 проповедей, большая часть которых составлена представителями воронежского духовенства, главным образом, приходского – иереями и протоиереями. Несмотря на то, что по опубликованным проповедям сложно судить об уровне гомилетической подготовки основной части священнослужителей, все-таки какое место среди проповедей воронежского духовенства занимали поучения, в которых затрагивались социально-политические темы, давалась характеристика тем или иным заметным событиям в истории Российской империи рассматриваемого времени.

Из 356 проповедей, опубликованных с 1866 по 1890 гг., 142 (наибольшее число) посвящены переходящим праздникам, таким как Пасха, Пятидесятница, Вознесение и др., а также неделям (то есть воскресным дням) по Пасхе и Пятидесятнице. 142 слова были посвящены непереходящим праздникам (Крещение, Сретение, Благовещение, Новый год, память святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста и др.). Но церковные праздники и памятные даты не были единственным поводом, по которому местное духовенство произносило свои проповеди. Говорились поучения и на так называемые Царские дни – дни, связанные с заметными событиями в жизни царственных особ (восшествие на престол Александра II, коронование и священное миропомазание их Императорских высочеств, дни рождения государей и т. д.). С 1866 по 1890 гг. было опубликовано 38 проповедей на подобные события, еще 44 слова представляют собой речи, произнесенные по случаю отпевания тех или иных лиц (как духовного звания, так и светских).

Несмотря на достаточно жесткие канонические рамки, представители воронежского духовенства живо реагировали на социально-политические процессы, которые происходили в пореформенной России второй половины XIX в. Почти во всех опубликованных проповедях, в том числе произнесенных на, казалось бы, сугубо церковные, не имеющие никакого отношения к государственной жизни темы, священнослужители касались наиболее актуальных, на их взгляд, вопросов, явно имеющих политический или социально значимый характер.

Естественно, что местное духовенство не могло не обойти своим вниманием такого существенного, кардинально изменившего атмосферу общественной жизни Российской империи события, как отмена крепостного права. В этом отношении примечательна проповедь воронежского священника, протоиерея Богословской церкви Петра Иванова, произнесенная им 19 февраля 1887 г. Освобождение крестьян оценивается протоиереем Петром как одно из самых важных свершений в российской истории. Проповедь начинается словами: «Дорогие братья и сестры! Нынешний день напоминает нам о великом и благодетельном событии, совершившемся в нашем Отечестве. 22 года тому назад провозглашено было царское слово об уничтожении крепостного права и более 20 миллионов получили свободу от векового рабства» [2, с. 180]. В чем же, с точки зрения воронежского протоиерея, заключается величие данного события? Как говорит об этом сам автор, «свобода и разум составляют главнейшие преимущества, которыми человек, отличаясь от прочих существ видимой природы, возвышается над ними как венец творения. При таком значении свободы лишение ее составляет величайшее из несчастий. <...> А если представим (очевиден намек на некоторых помещиков) при этом злоупотребление своими правами некоторых рабовладельцев, широкий произвол их в распоряжении судьбою подчиненных, презрительное и жестокое обращение с ними, непосильные требования, то печальная картина принимает еще более мрачный вид» [2, с. 181]. Далее в проповеди говорится о том, что император Александр II совершил великое Божье дело, отменив веками укоренявшееся в сознании русского человека рабство, сросшееся с историей страны. Сам процесс отмены крепостного права священник называет чудом, «ибо не чудо ли, что такая великая реформа в государстве ... совершилась вдруг и притом тихо и спокойно, без всяких волнений и беспорядков, которыми сопровождались подобные реформы в других государствах, так что вызвала удивление не только со стороны отечественных, но и иностранных наблюдателей» [2, с. 183]. Автор поучения призывает православных христиан возблагодарить Александра II, который не побоялся взять на себя столь серьезную ответственность и решился отменить вьевшуюся

в сознание не одного поколения систему крепостнических отношений.

Между тем в проповеди отмечается не только заслуга императора Александра II как человека, который покончил с крепостной зависимостью, но также обращается внимание на то, что он не ограничился лишь этим шагом, а провел еще целый ряд благотворных для страны реформ, в результате которых в России были «отменены прежние стеснительные порядки, облегчены многие тяжести, расширена свобода общественной деятельности, ограждено и расширено личное достоинство каждого» [2, с. 184]. Из проповеди можно заключить, что священнослужитель придерживался достаточно прогрессивных взглядов. Он неоднократно подчеркивает значение демократических прав и свобод, обращает внимание на назревшую тогда необходимость преобразований.

Вообще следует заметить, что темы отмены крепостного права, внутренней и внешней политики Александра II довольно часто встречаются в проповедях воронежского духовенства. Так, в слове в день восшествия на престол российского императора Александра Николаевича, произнесенном 19 февраля 1868 г. в Благовещенском соборе воронежского Митрофанова монастыря, говорится, что Александр II «не только оправдал, но, не обвиняя можно сказать, превзошел все добрые желания и благие надежды» [3, с. 157]. При этом отмечено, что первым великим делом, которое совершил император, является заключение Россией Парижского мира. По мнению проповедника, главным для России было то, что «целость государства не только не подверглась каким-нибудь существенным изменениям, но, напротив, пределы его далеко расширились включением в состав России отдаленного и обширного Приамурского края» [3, с. 157].

Следующим шагом Александра II, заслуживающим, по мнению автора слова, самой высокой похвалы, явилась отмена крепостного права, так как рабство и неволя есть едва ли не одно из самых тяжких зол, угнетающих человечество. Главную опасность крепостного права в России проповедник видит в том, что люди свыклись с существующей ситуацией и перестали обращать внимание на пагубность своего положения. Между тем «дело дошло

до того, что уже многие личности, забыв в себе недостатки, свойственные всем людям, стали смотреть на других людей, во всем подобным им, но обстоятельствами жизни поставленных в зависимость от них, как на существа безличные, лишенные всех человеческих прав» [3, с. 159].

В проповеди неоднократно даются намеки на произвол и злоупотребления со стороны помещиков. «Кому из нас, братья и сестры, не известно по несколько примеров той плачевной участи, в которую поставлены были в нашем отечестве так называемые крепостные, участи, которая только одною слабою чертою отделяла их от неразумных животных» [3, с. 159].

Обе рассмотренные нами проповеди, как и почти все, затрагивающие тему отмены крепостной зависимости, призывают воронежскую паству возблагодарить Бога за милость, явленную в том, что страной управляет столь великая личность, как император Александр II. А те поучения, которые были произнесены после трагической кончины Государя-Освободителя, содержат в себе критику и недоумение по поводу бессмысленного покушения. К примеру, священник Петр Иванов заявляет: «Казалось бы, что после таких славных деяний оставалось только наслаждаться плодами их и мирно почивать среди всего спокойствия и довольства... Но увы! К прискорбию и вечному стыду нашему, нашлись и среди нас недовольные и неблагодарные своим царем... явились безумные крамольники, не раз покушавшиеся на его жизнь и наконец умертвившие его» [2, с. 185].

Смерть Александра II, как известно, потрясла всю Россию, и, естественно, непонимание произошедшего и негодование отразились в проповедях воронежского духовенства, некоторые представители которого даже сравнивали почившего императора с Христом. Например, священник Н. Марков 9 апреля 1881 г. (сороковой день после кончины царя) произнес проповедь, в которой заметил, что «поистине великую четырьдесятницу ужаса, негодования и скорби пережило всякое русское сердце, потрясенное страшным событием 1-го марта» [4, с. 374]. Далее следовала характеристика Александра II как человека, проявившего себя истинным христианином. Содержание этой части пропове-

ди сводится к следующему: как Христос принес себя в жертву человеческому роду, чтобы искупить его грехи, так и убитый император, дав России свободу от крепостного рабства, отдал свою жизнь на алтарь свободы и справедливости. По мысли священнослужителя, народ никогда не забудет «образ, как великий царь-освободитель пал от руки убийц, едва дыша, истекающий кровью, без шинели и фуражки, с обнаженными ногами, которые были совершенно изувечены, так что тело на них висело кусками» [4, с. 374]. Конечно, можно сказать, что священник придерживался официального утверждения о том, что царь есть помазанник Божий, и поэтому восхвалял императора. Однако подобное замечание не будет до конца справедливым, так как в поучении совершенно четко прослеживается акцент на личный вклад государя в дело укрепления мощи государства, оживления общественной атмосферы в стране.

Впрочем, отмена крепостного права и трагическая смерть Александра II не единственные темы, которые волновали умы местного духовенства во второй половине XIX в. Еще одной важной темой того времени стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. В этом отношении примечательна проповедь воронежского священнослужителя протоиерея Михаила Некрасова, законоучителя Воронежской военной Михайловской гимназии. В одном из своих слов в день памяти Святого благоверного князя Александра Невского в 1877 г. он обратился к воронежцам со словами: «Дело наше – дело святое. Россия воздвигает крест Христов, попираемый луною... Наши славные воины подвигами приобщаются страданиям Христовым, распинаются с Ним. Описать их подвиги в кратком слове нет возможности» [5, с. 562].

Далее протоиерей Михаил, очевидно, для того чтобы пробудить в слушающем проповедь народе чувство сопереживания и участия, описывает некоторые подвиги русских солдат и офицеров, принимавших участие в войне 1877–1878 гг. Указывается, например, что защитникам Шипкинского перевала приходилось на трое суток совершенно отказаться от сна, пока шло сражение с громадными полчищами турок. В эти дни у русских солдат даже не было времени сварить себе пищи. Защитники Баязда, которые

почти месяц отбивались от неприятеля, в 20 раз превосходившего их, в день получали лишь 1/4, а иногда и 1/6 часть фунта сухарей и по ложке гнилой воды ¹. В завершение поучения автор призывает воронежцев не быть безучастными к героям этой войны: «Дорогие братья и сестры, мы в долгу перед нашими славными войнами, и долгу неоплатном. Война требует жертв, и жертв громадных. В одном сражении, при ужасном усовершенствовании оружия, сколько может быть искалечено людей. Эти раненые должны быть вылечены нами, им мы должны дать приют и безбедное содержание» [5, с. 562].

Следует заметить, что священнослужители Воронежской епархии неоднократно обращались к пастве с призывом помочь не только военнослужащим, но и членам их семей. Так, один из местных проповедников, справедливо отмечая, что русские воины умирали не за кого иного, как за родную землю, и оставили все ради славы своего отечества, вопрошает: «Скажите, братья и сестры, не наша ли святая христианская обязанность – дружно и со всем усердием позаботиться и об участи бедных семейств наших воинов?!» [6, с. 492].

Еще одной темой, которую затрагивали на проповедях местные священнослужители, было избавление от смерти императора Александра III во время крушения царского поезда 17 октября 1888 г. Разумеется, что факт избавления помазанника Божьего от смерти трактовался воронежскими проповедниками как проявление исключительной Божьей милости. При этом подчеркивалось, что радость благоприятного для Александра III исхода в столь опасном случае представляет собой не столько радость для самой личности правителя, сколько несомненное, очевидное благо для всего русского народа. По этому поводу священник Иоанно-Бого-

---

¹ Приведенные священником слова кажутся неправдоподобными, основанными на излишнем эмоциональном порыве: 1/4 фунта – это приблизительно 100 г сухарей на человека в день. Вряд ли данный пример, иллюстрирующий подвиг русских воинов, имел место в действительности, хотя упоминание о нем можно встретить и в других изданиях. Согласно, например, Советской военной энциклопедии (Т. 1), русский гарнизон Баязета (около 1650 человек) был осажден турками (около 11 тыс. человек). Осада продолжалась 23 дня. На каждого солдата приходились 1 ложка воды и 50 г сухарей в день [13, с. 414].

словской церкви при Воронежской духовной семинарии Василий Бучнев в одной из своих проповедей на 17 октября замечал: «Не наполняется ли ныне, при этом воспоминании сердце каждого из нас самыми разнообразными чувствами: страха, удивления, любви и благодарности. Чувство страха порождается у нас от мысли, что могло случиться с нашим отечеством, если бы Господь не умилился над нами? Представляя грозившее несчастье и могущие произойти от него прискорбные последствия для России, сердце каждого из нас невольно содрогается» [7, с. 890].

Но по мысли отца Василия Бучнева, страх перед неизвестностью в случае гибели императора – это не единственное чувство, которое возникает в сердцах православных подданных. Восхищение священнослужителя вызывает то обстоятельство, что и царь, и царица, не мешкая, сразу после аварии приняли деятельное участие в оказании помощи пострадавшим: «В самом деле, едва можно сказать, прошла минута страшного бедствия, и Царь и Царица, забыв о страшном своем испуге, о собственных ушибах и поранениях, лишь уверившись в сохранности своих возлюбленных чад, несмотря на ненастную погоду, пострадавших они помогали переносить с места крушения, их раны они перевязывали, их кровь отирали своими руками» [7, с. 891]. В итоге поучение завершается мыслью о том, что избавление Александра III от смерти не только безусловное чудо, но и определенный знак для тех, кто сомневается в будущем Российской империи, – «великое вразумление для всех врагов Царя и России» [7, с. 891].

Воронежское духовенство, как известно, принимало активное участие в жизни губернии. Оно способствовало распространению образованности среди населения, совершало благотворительное социальное и патриотическое служение. Естественно, оно не могло не поддержать свою паству в годы, когда над Россией разразился страшный голод, последствия которого для страны до сих пор полностью еще не изучены [8, с. 60].

Засуха и неурожай 1891 г. побуждали местных священнослужителей обращаться к жителям Воронежской губернии с проповедями, в которых наблюдается стремление подбодрить население, уберечь его от пагубных последствий отчаяния. В словах давались

также попытки выявить, по мнению духовенства, очевидные духовные причины произошедшего. В качестве примера можно привести проповедь воронежского священника Алексеева, сказанную им по случаю засухи в 1891 г. Священник замечает, что в этот год рано началась весна и все ожидали ранних трав и хлебов, но, к сожалению, надеждам не суждено было оправдаться, так как от начала весны и до осени почти не было дождя: «И над некоторыми частями нашего поля и совсем не было этой благодати Божьей» [9, с. 595].

В чем же, с точки зрения воронежского проповедника, кроются истоки печального события? Основная причина произошедшего, по мысли автора, заключается в духовном и нравственном разложении современного ему общества: какую сферу деятельности человека ни взять, всюду вершится беззаконие. Далее в поучении следует описание воронежской действительности того времени, например: «Много греха в торговле. Обман там возводится в необходимость: “не обманешь”, говорят, “не продашь”, а чтобы он был не так заметен, раз пять побоятся и перекрестятся. Торговые площади постоянно оглашаются... срамными, гнилыми словами. Тут языку дается полнейший простор для сквернословия, и никто этому не стесняется... улыбка отражается на лицах слышащих, как бы в поощрения срамословам» [9, с. 600].

Священнослужитель обличает и другие стороны религиозной действительности того времени: равнодушие к Церкви, обмирщение сознания молодежи, непочтение священного сана. В итоге гомилетического дискурса проповедник приходит к заключению о том, что «не напрасно, а совершенно по справедливости постигла нас кара Божья – засуха» [9, с. 601]. Впрочем, следует заметить, что проповедь все же заканчивается на оптимистической ноте – внушением надежды в то, что все образуется. Подобные слова, несмотря на обличительный характер, имели своей целью призвать население к тому, чтобы начать активную внутреннюю деятельность, работу над собой, а не впадать в отчаяние по случаю приключившейся беды.

Конечно же, воронежские священнослужители в своих поучениях не могли не затронуть проблему распространения материали-

стических взглядов, революционных идей, непопулярности церкви среди молодежи. Во многих проповедях, даже произнесенных исключительно на религиозные темы, так или иначе затрагивается данная проблема. Яркой иллюстрацией этого является проповедь священника Н. Егорова, произнесенная им в день памяти Тихона Задонского. Подводя итог жизнеописанию святителя, иерей Н. Егоров замечает, что «сегодня существуют такие сыны Православной Церкви, которые или под влиянием неправославных учений, или под влиянием своего собственного гордого лжеименного материалистического разума, или, наконец, под влиянием своих порочных страстей разрывают всякую связь с Православной Церковью» [10, с. 588]. Содержание этого слова, безусловно, отражает реакцию местного духовенства на духовный климат русской интеллигенции рассматриваемого времени.

Еще один воронежский проповедник, священник Василий Бучнев, в одном из своих поучений замечает, что в его время заметно усилилось стремление к грамотности и полноценному образованию, так как повсюду открывались школы для простого населения, создавались и различные новые учебные заведения для представителей средних и высших сословий. Однако в этой проповеди можно заметить намек на неблагоприятное настроение в умах определенного круга людей: «Но наблюдательный взор, рассматривая отрадную картину повсюду развивающегося образования... в недоумении перед печальным явлением, что с развитием грамотности... христианская вера, любовь и благочестие не преуспевают... от сего нередки такие явления, что считающиеся образованными и сведущими в разных науках оказываются невеждами в отношении к главным истинам христианского учения» [11, с. 939].

При всем сказанном не стоит забывать, что воронежское духовенство занимало вполне определенные, но не всегда одинаковые позиции. Среди проповедников, разумеется, были и такие, которые не соглашались с мнением большинства и придерживались оппозиционных взглядов. Материалы Воронежских епархиальных ведомостей не дают нам возможности проанализировать проповеди оппозиционной части духовенства ввиду объективной причины: в официальном периодическом органе епархии, естественно,

существовала цензура. Правда, следует заметить, что из других источников, в частности из материалов фонда Воронежского Губернского Жандармского Управления, видно, что оппозиционно мыслящее духовенство опасалось высказывать свои взгляды с амвона. Во второй половине XIX в. среди духовенства становятся популярными так называемые внебогослужебные собеседования, которые проводились среди тех, кто хотел узнать о Православии больше, чем можно было получить из проповеди. Здесь шла живая беседа между священником и прихожанами и поэтому имелось больше возможностей для обсуждения острых тем, поскольку те из священно-церковнослужителей, кто придерживался оппозиционных или даже революционных взглядов, как правило, не позволяли себе высказывать свои мысли на проповеди открыто. Они вели тихий двойной образ жизни, нередко являясь ключевыми фигурами в антиправительственных организациях. Так, например, в фонде ВГЖУ имеется дело по обвинению псаломщиков села Рогачевки Воронежского уезда, Анатолия Ивановича Попова и Константина Михайловича Резанова, в принадлежности к партии социалистов-революционеров. Из материалов дела видно, что они являлись основателями рогачевской революционной организации, хранили у себя кассу, печатный станок. На службе в храме они вели себя вполне пристойно, однако среди прихожан об их деятельности знали. Урядник не смог даже сразу задержать Резанова, так как последний был отбит крестьянами и скрылся [12, 32].

Таким образом, посредством анализа даже небольшой части проповедей представителей воронежского духовенства можно смело прийти к следующему заключению: священнослужители, несмотря на достаточно ограниченные возможности, обусловленные жесткими каноническими рамками, поднимали в своих проповедях и поучениях, помимо исключительно церковных тем, вопросы, несшие в себе отпечаток тех бурных социально-политических процессов, которые имели место в Российской империи второй половины XIX в.

---

1. *Милаш Никодим*, епископ. Правила Православной Церкви с толкованиями. М., Отчий дом, 2001. 656 с.

2. *Иванов П.*, протоиерей. Слово в день 19 февраля // Воронежские епархиальные ведомости. 1887. № 7. С. 180–186.
3. Слово в день восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича // Воронежские епархиальные ведомости. 1868. № 6. С. 155–163.
4. *Марков Н.*, священник. Речь в 40-й день по мученической кончине Государя Императора Александра II // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 9. С. 374–380.
5. *Некрасов М.*, протоиерей. Слово в день св. благоверного в.к. Александра Невского и в день тезоименитства Благочестивейшего Государя нашего Императора Александра Николаевича всея России // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 18. С. 557–565.
6. Слово в день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Александровны и освящения храма для раненых войнов // Воронежские епархиальные ведомости. 1881. № 16. С. 489–494.
7. *Бучнев В.*, священник. Слово на 17-е число Октября // Воронежские епархиальные ведомости. 1889. № 21. С. 889–895.
8. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., Дм. Буланин, 1999. Т. 1. С. 548.
9. *Алексеев*, священник. Поучение во время засухи и неурожая // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 17. С. 595–604.
10. *Егоров Н.*, священник. Слово в день памяти иже во святых отца нашего св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 16. С. 583–591.
11. *Бучнев В.*, священник. Слово в неделю 25 по Пятидесятнице // Воронежские епархиальные ведомости. 1892. № 23. С. 937–944.
12. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 46. Л. 32.
13. Советская военная энциклопедия в 8 т. / гл. ред. А. А. Громыко. М. : Воениздат, 1976. Т. 1. А – Бюро военных комиссаров. 640 с.

Г. Н. Мокшин

**НАРОДНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ РОССИИ ВГУ
(1961–2011)**

В настоящее время Воронежский государственный университет – это один из немногих провинциальных научных центров нашей страны, где сохраняется традиция изучения народнической проблематики. Основная заслуга в этом принадлежит сотрудникам кафедры истории России.

В 2010 г. наша кафедра отметила свой пятидесятилетний юбилей ¹, который и послужил поводом для данной публикации. В ней представлены основные этапы развития кафедральных народниковедческих исследований и подведены их главные итоги. Ранее эта тема затрагивалась в ряде статей, посвященных сложившимся на кафедре научным направлениям. В частности, отмечалось, что народническая тематика разрабатывалась в рамках изучения истории общественного движения и общественной мысли России XIX – начала XX вв. В отчетах о научной работе кафедры она по понятным причинам никогда не преобладала, но всегда занимала достойное место ².

Данному обстоятельству способствовало как минимум три фактора. Во-первых, в эпоху «действенного» народничества Воронежский край был одним из центров «хождения в народ», включая создания здесь землевольческих поселений. Во-вторых, изучение народнической тематики стимулировал общий подъем научного интереса к народникам. С 1961 по 1983 гг. в Москве в Институте истории АН СССР активно работала Группа по изучению общественного движения (в основном революционного) в пореформенной России, с членами которой у воронежцев сложились прочные научные связи. Личностный фактор проявил себя и в том, что двое (из пяти) заведующих кафедрой, увлекшись народничеством, содействовали выполнению десяти кандидатских диссертаций по различным аспектам этой темы.

История изучения народничества на нашей кафедре может быть разделена на четыре этапа. *Первый* из них – «начальный» (1961–1972 гг.) – связан с появлением устойчивого интереса к движению народнической интеллигенции.

В 1961 г. увидел свет подготовленный сотрудниками кафедры первый том «Очерков истории Воронежского края». Написанный специально для него доцентом П. П. Тяжеловым параграф «Революционное народничество и крестьянство» стал первой публикацией по интересующей нас теме. Опираясь на труды своих предшественников (А. Н. Татарчукова, В. Н. Алексеева и др.), автор изложил общую канву народнического движения 1860-х – начала 1880-х гг. в Воронежской губернии: от ученических кружков до знаменитого Воронежского съезда народников в июне 1879 г.

В следующем году в журнале «Подъем» доц. М. М. Шевченко опубликовал в соавторстве статью о распространении в Воронеже «Колокола» А. И. Герцена и его «коммунистических» сочинений³. Правда, о народничестве «великого революционного демократа» в ней не было ни слова.

Серьезное изучение истории народничества начинается со второй половины 60-х гг. при новом заведующем кафедрой проф. Л. Б. Генкине. Тогда же под его руководством аспиранты Ю. Н. Иванов, Г. М. Дмитриев и М. Д. Карпачев начали разработку актуальных проблем истории и историографии революционного народничества.

В 1966 г. Генкин выступил с инициативой о проведении в ВГУ межвузовской научной конференции «Революционное и общественное движение в России XIX в.», приуроченной к 50-летию университета. Свои тезисы прислали такие авторитетные исследователи истории российского освободительного движения, как В. А. Дьяков, Э. С. Виленская, Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, Н. А. Троицкий, А. Н. Цамутали. Всего предполагалось заслушать около 50 научных докладов и сообщений (9 из них должны были сделать сотрудники кафедры и их коллеги из ВГУ⁴). К сожалению, из-за отсутствия средств запланированная на апрель 1968 г. конференция не состоялась. Кафедре пришлось ограничиться изданием сборника из подготовленных к конференции материалов⁵.

Из других публикаций конца 60-х гг. выделяется статья Г. М. Дмитриева в «Истории СССР» об основательно забытой провинциальной народнической организации «Наши» (1874–1876) ⁶. Ее члены занимались пропагандой революционных идей среди крестьян Воронежской и соседних губерний. Это открытие можно считать первым крупным достижением кафедры в изучении истории народнического движения на территории Воронежского края.

Первая «народническая» кандидатская диссертация на истфаке ВГУ была защищена Ю. Н. Ивановым в октябре 1969 г. Автор посвятил ее известному революционеру и писателю С. М. Степняку-Кравчинскому ⁷. Цель работы – показать, как в его литературном наследии отразилась общая эволюция идеологии и практики революционного народничества ⁸. Для того времени, когда оценки народничества основывались на работах классиков марксизма-ленинизма, это была актуальная тема.

В том же году на кафедре принимается решение о подготовке сборника трудов по историографии общественной мысли и национально-освободительного движения в России XVIII–XIX вв. Этот научный проект должен был объединить «ядро кафедры» (Л. Б. Генкин, А. И. Бортников, М. М. Шевченко, В. П. Лыццов, В. А. Попова), поскольку все они занимались данной тематикой «преимущественно в разрезе историографическом» ⁹. Выпуск сборника намечался на 1971–1972 гг. Сам Л. Б. Генкин готовил монографию по историографии народничества. Тяжелая болезнь и смерть ученого в 1970 г. помешала осуществлению этих планов.

В 1971 г. диссертацию о народническом движении первой половины 1870-х гг. в Центральном Черноземье защитил Г. М. Дмитриев ¹⁰. Эта работа, основанная на изучении материалов центральных архивов, безусловно, вывела изучение данной темы на современный уровень (ранее исследователи ограничивались мемуарной литературой). До сих пор воронежские краеведы, касаясь периодизации и фактической стороны народнического движения 1869–1876 гг., ссылаются на труды Дмитриева.

Второй этап – 1973–1990 гг. – становление кафедральных исследований проблем народничества. В основном этот процесс связан с научной и педагогической деятельностью М. Д. Карпачева.

В октябре 1973 г. Карпачев защитил кандидатскую диссертацию «Русское революционное народничество в освещении английской и американской буржуазной историографии»¹¹. Такую сложную тему выпускнику английской спецгруппы предложили Б. С. Итенберг и В. А. Твардовская, для консультации с которыми он (по совету Л. Б. Генкина) ездил в Москву в Институт истории СССР¹². Впоследствии Карпачев признается, что изучение в британских библиотеках трудов Ф. Вентури, М. Малиа, Д. Футмена и др. зарубежных исследователей не только расширило его кругозор, но и послужило своеобразной «прививкой» от многих марксистских шор в отношении народничества. Впрочем, опять-таки по словам самого Карпачева, его работа «не была свободна от идеологической односторонности того времени»¹³, например, от привычной констатации «методологической несостоятельности» и «низкого исследовательского уровня» сочинений «буржуазных авторов»¹⁴.

С 1971 по 1992 г. во главе кафедры находился профессор В. П. Загоровский – самый авторитетный специалист по истории Центрального Черноземья XVI–XVIII вв. При нем регулярно выпускались сборники «Из истории Воронежского края». В 1982 г. Загоровский подготовил свою первую историко-краеведческую энциклопедию. Около двадцати статей в ней были связаны с событиями и деятелями революционно-народнического движения в крае¹⁵.

В 1975 г. к кафедральным исследованиям по краеведению подключился и Карпачев. Его первая статья была посвящена зарубежной историографии Липецкого и Воронежского съездов народников¹⁶.

С 1983 г. уже по инициативе самого Карпачева на кафедре регулярно издаются межвузовские историко-краеведческие сборники¹⁷. В первом из них вышли две его статьи: о землевольческих поселениях в Воронежском крае (в соавторстве с Г. М. Дмитриевым) и о писателе-демократе Н. М. Астыреве, авторе воспоминаний «В волостных писарях» о его «хождении в народ» в начале 1880-х гг.¹⁸ В том же году Карпачев опубликовал статью о нашем земляке – известном исследователе революционного народничества В. Я. Богучарском¹⁹.

Чуть раньше, в декабре 1980 г. доцент Карпачев выступил оппонентом на защите в МГУ В. И. Харламова – аспиранта профессора Седова. Потом оказалось, что с этой кандидатской диссертации началась современная историография правого народничества.

Как специалист по историографии народничества, Карпачев одним из первых обратил внимание на отсутствие у студентов вузов специального учебного пособия по истории движения разночинной интеллигенции 1860-х – начала 1880-х гг. Так, в 1985 г. появились популярные не только у воронежских студентов «Очерки истории революционно-демократического движения в России». Данное пособие продолжало линию В. Ф. Антонова²⁰, отсчитывавшего историю народничества с рубежа 1850/60 гг., а не от идеологов действенного народничества 1870-х гг., как было принято в тогдашней учебной литературе.

В 1987 г. в МГУ состоялась защита докторской диссертации Карпачева «Общественное движение в России 1860–1880 годов в освещении английской и американской буржуазной исторической литературы»²¹. Формально цель работы заключалась в том, чтобы дать отпор «всевозможным искажениям» на Западе общественной жизни в пореформенной России, «объективно» развивающейся по революционному сценарию. Но, наряду с дежурной критикой буржуазных исследователей, автор указал и на их важные заслуги. Прежде всего, это постановка вопросов о происхождении русской либерально-демократической интеллигенции, особенностях ее поведения, социально-политическом облике и общественных функциях. К концу 1980-х гг. в обстановке кризиса марксизма становилось очевидным, что их объективное изучение было невозможно в рамках классового подхода, сводящего борьбу вокруг задач общественного развития к материальным интересам определенных социальных групп. Не случайно вышедшая по этой теме в 1991 г. монография Карпачева «Истоки российской революции» получила положительные отзывы в научном сообществе.

Присуждение ученому степени доктора наук создало на кафедре надежный плацдарм для дальнейшего расширения исследований по народнической проблематике. В скором времени у Карпачева появляются аспиранты. Историей революционно-народни-

ческого движения в армии (первые научные интересы Карпачева) занялся В. И. Мамонтов. Другой аспирант, А. Ю. Минаков, еще в студенческие годы увлекся такой «неудобной» для историков русского революционного движения темой, как «нечаевщина». Между прочим, первая его публикация (отзыв на статью Ю. А. Бера о С. Г. Нецаеве) вышла в 1990 г. в журнале «Вопросы истории»²².

Сам Карпачев с конца 1980-х гг. обратился к изучению общественно-политической деятельности в Воронежской губернии Ф. А. Щербины и А. И. Шингарева²³. Как известно, в 80–90-е гг. XIX в. их взгляды находились под влиянием идеологии и практики «либерального» народничества.

Третий этап (1990-е гг.) может быть назван «революционно-народническим», т. к. среди народниковедческих исследований преобладала именно эта тематика. Примерно в два раза увеличилось и общее число публикаций. Это было прямым следствием появления новых научных изданий, в которых могли печататься сотрудники кафедры.

Летом 1991 года в ВГУ защитился В. И. Мамонтов. В центре его внимания оказались демократические процессы в русской армии и на флоте в первые пореформенные десятилетия. Автору удалось показать влияние на зарождение и подъем общественно-политического движения в военной среде тайных народнических организаций 1860-х – начала 1880-х гг., а также объяснить причины относительной неудачи их деятельности²⁴.

Тогда же доцент В. А. Панова опубликовала учебно-методическое пособие для средней школы, посвятив один из параграфов истории народнического движения в Воронежском крае²⁵. А через год вышла «Воронежская историческая энциклопедия» В. П. Загорского, где в словарных статьях освещалась та же тематика.

Важным событием в жизни кафедры стала защита диссертации одного из ее молодых сотрудников А. Ю. Минакова в июне 1993 г. Данная работа явилась первым в отечественной историографии обобщающим исследованием истории общества «Народная расправа». Диссертант вполне убедительно интерпретировал деятельность данного общества как отражение устойчивой и непрерывной авторитарно-деспотической традиции русского рево-

люционного движения²⁶. Отказ от сведения феномена «нечаевщины» к личности С. Г. Нечаева и его ближайшего окружения нашел отражение в статьях Минакова о Нечаеве и Ленине²⁷ и Нечаеве и Ткачеве²⁸.

В июне 1995 г. на защиту кандидатской диссертации вышел еще один преподаватель кафедры Г. Н. Мокшин. По совету своего научного руководителя (профессора Карпачева) он выбрал в качестве предмета исследования общественную деятельность и взгляды видного теоретика правого народничества последней трети XIX в. С. Н. Кривенко (кстати, уроженца г. Борисоглебска). В отличие от своих предшественников, диссертант отказался от марксистской трактовки политической биографии этого народника как эволюции от революционности к либерализму, т. е. впервые позиционировал Кривенко как устойчивого представителя так называемого «легального» народничества²⁹. В 1998 г. текст диссертации Мокшина был издан в виде монографии³⁰ с предисловием заведующего кафедрой.

Во второй половине 1990-х гг. интерес к изучению народничества на кафедре заметно уменьшился. Можно сказать, что это была общая тенденция в постсоветской России. Тогда многие народниковеды переключились на представителей русской либеральной и консервативной мысли, как наименее исследованных. Не стал исключением и А. Ю. Минаков. В 1997 г. он опубликовал около двадцати документов по истории нечаевско-бакунинской агитационной кампании 1869–1870 гг. (в сборнике Института российской истории РАН³¹). Однако с конца 1990-х гг. его новой научной задачей становится изучение проблемы генезиса русского консерватизма в царствование Александра I.

М. Д. Карпачев уже как заведующий кафедрой занялся аграрно-крестьянской проблематикой и историей воронежского земства, давая соответствующие темы своим аспирантам. Сам он написал рецензии на новые книги³² и статьи о Н. М. Астыреве. Правда, в 1993 г. Карпачев опубликовал небольшую статью о религиозных корнях народничества³³ – предтечу его будущих штудий о природе отечественной интеллигенции.

Что касается автора этих строк, то и он, собирая материал по «необъятной» теме «народники и народ», написал за пять лет только три статьи: о М. А. Бакунине, Н. А. Бердяеве и В. П. Воронцове³⁴.

В целом же 1996–2000 гг. следует рассматривать как время перегруппировки сил и поиска новой тематики для исследований.

Четвертый период начинается с 2001 г. С этого времени на первый план выходит изучение идеологии и практики позднего народничества, преимущественно легальных народников 80–90-х гг. XIX в. и эсеров.

В начале 2000-х годов серию статей о ведущем теоретике правого народничества В. П. Воронцове опубликовал Г. М. Мокшин. Итоговая статья вышла в журнале «Вопросы истории» в рубрике «Исторические портреты»³⁵. Одновременно публиковались его статьи о С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенском и Н. К. Михайловском. Главной же темой научных изысканий доц. Мокшина становится проблема самоидентификации пореформенной русской интеллигенции через легально-народническую доктрину «служения народу»³⁶.

Анализу феномена разночинной интеллигенции в контексте политической культуры пореформенной эпохи посвящены две работы М. Д. Карпачева. Основной их рефрен – необходимость поиска причин социального мессианства и идейной нетерпимости отечественной интеллигенции (наиболее проявившихся в ее народничестве) в православных традициях русской духовной жизни³⁷. Низкий же в целом уровень политической культуры интеллигенции автор в духе идей Н. А. Бердяева связывал с глубоким социокультурным разрывом между «европейски просвещенным» меньшинством и массами «простого» народа. «Своей целеустремленностью, самоотверженностью, а нередко и отчаянным героизмом, – пишет исследователь, – интеллигентные оппоненты самодержавия стремились компенсировать недостаток преобразовательной энергии народных низов»³⁸.

В 2002 г. со статьей о «воронежском» периоде в жизни и деятельности А. И. Шингарева выступил аспирант проф. Карпачева В. В. Макаров. Автор позиционирует своего героя как либерала, который, однако, пришел к своим убеждениям после «хождения» в деревню в качестве вольнопрактикующего врача. Это занятие «малыми делами» способствовало постепенной эволюции Шингарева от «тихого народничества» 1890-х гг. к «Союзу освобождения»³⁹. В 2003 году Макаров защитит на эту тему кандидатскую диссертацию⁴⁰.

Существенным подспорьем для изучения истории народничества на практических занятиях со студентами истфака стала публикация в 2002 г. сотрудниками кафедры объемной хрестоматии «История России XIX – начала XX века». Сюда вошли более десятка революционных прокламаций и программ, а также сочинения А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Я. Ткачева, В. П. Воронцова, Н. К. Михайловского и С. Н. Кривенко ⁴¹.

В 2002–2004 г. кафедра истории России при поддержке Воронежского межрегионального института общественных наук провела несколько конференций и научных семинаров. Народническая тематика преобладала на семинаре, посвященном 90-летию со дня рождения известного народниковеда проф. М. Г. Седова ⁴². Почтить его память в январе 2003 г. на истфаке ВГУ собрались ученые из Москвы, Саратова и Воронежа (В. В. Блохин, О. В. Будницкий, В. В. Зверев, И. А. Гордеева, Н. К. Карпачев, Г. Н. Мокшин и др.). В ноябре 2004 г. на конференции «Актуальные вопросы истории общественного движения и общественной мысли в России в предреформенные и пореформенные эпохи» работала секция «Проблемы истории легального народничества». С докладами выступили А. И. Юдин (Тамбов), В. В. Блохин (Москва), В. В. Зверев (Москва), С. Н. Касторнов (Орел), И. А. Гордеева (Москва) и Г. Н. Мокшин (Воронеж).

Больше всего монографий, посвященных народничеству, было издано в 2005 г. А. Ю. Минаков наконец опубликовал основную часть своей кандидатской диссертации под заглавием «У истоков левого терроризма: С. Г. Нечаев и нечаевское дело» ⁴³. Новые тенденции в отечественном народниковедении после 1991 г. получили отражение в книге Г. Н. Мокшина «Русское легальное народничество 60–90-х гг. XIX в.: Очерки истории и историографии». Малоизученной проблеме становления и развития партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии посвятил свою монографию новый аспирант проф. Карпачева А. А. Куцеволов ⁴⁴. В 2007 г. он защитит на эту тему кандидатскую диссертацию ⁴⁵. Научная новизна работы, прежде всего, заключалась в выяснении действительной роли воронежских эсеров в революционных событиях 1905–1917 гг.

В 2007 г. еще одна ученица М. Д. Карпачева О. П. Дорофеева успешно защитила диссертацию о деятельности в Воронежском крае народника-реформатора и земского работника Ф. А. Щербины⁴⁶. Защите предшествовала публикация семи работ в основном о его статистических исследованиях местной крестьянской жизни⁴⁷.

В том же 2007 г. после продолжительного кафедрального обсуждения издана монография Г. Н. Мокшина «Идеологи легального народничества о русской интеллигенции». Этой темой автор занимался несколько лет, пытаясь реконструировать главные народнические концепции интеллигенции в контексте истории легально-народнической мысли. Обосновав связь между изменением самосознания народнической интеллигенции и развитием ее идеологии, в 2010 г. Мокшин защитил в Саратове докторскую диссертацию «Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв.»⁴⁸. После небольшой доработки рукопись диссертации была опубликована в виде монографии⁴⁹.

Конечно, научной работой на кафедре занимаются не только ее сотрудники, но и студенты. Курсовые и дипломные работы по истории народничества пишутся и защищаются каждый год. Некоторые студенты публикуют результаты своих исследований в специальном сборнике статей «Новик»⁵⁰.

Говоря о краеведческом аспекте в изучении рассматриваемой темы, необходимо еще упомянуть о двухтомной «Воронежской энциклопедии» (2008). Это универсальное справочно-информационное издание содержит краткие биобиблиографические данные о примерно двух десятках персоналиях (писателях, ученых и общественных деятелях), так или иначе связанных с историей народнического движения в Воронежской губернии. В написании статей о них участвовали М. Д. Карпачев и его ученики Н. О. Баранова и А. А. Куцеволов⁵¹.

В настоящее время в аспирантуре у М. Д. Карпачева завершается работа над историей революционно-народнического движения в 80–90-е гг. XIX в. Е. А. Савицкая. По этой теме уже опубликовано пять статей и тезисов⁵². Под руководством Г. Н. Мокшина приступили к изучению общественно-политических взглядов

Я. В. Абрамова и Л. Е. Оболенского соискатели кафедры В. Б. Пятитратов и Н. Л. Ключникова. В 2012 г. был издан сборник статей «Воронеж народниковедческий», призванный поддержать статус нашей кафедры как одного из современных народниковедческих центров.

Подводя итоги полувековой разработки сотрудниками кафедры народнической тематики, можно сделать следующие обобщения и выводы:

– неуклонный рост числа кафедральных публикаций по истории народничества: на первом этапе их было 13, на втором – 25, на третьем – 46 и на четвертом – более 100⁵³, т. е. до сих пор на каждом новом этапе количество публикаций удваивалось. Всего же опубликовано 9 монографий и около полутора сотен статей и тезисов докладов на научных конференциях⁵⁴; сюда же следует добавить защиту двух докторских и 9 кандидатских диссертаций, связанных с историей народничества;

– расширение проблематики исследований от революционно-народничества к легальному и далее к неонародничеству. С одной стороны, это отражает внутреннюю эволюцию народнической мысли и движения, а с другой – общую линию развития отечественного народниковедения;

– наличие на кафедре определенных традиций и приоритетов в изучении идеологии и практики русского народничества. Прежде всего, это интерпретация явления народничества как идейного самоопределения и самовыражения части дворянско-разночинной интеллигенции, которая пыталась найти свое место в модернизирующемся российском обществе; поиск новых подходов к осмыслению народнического радикализма и реформизма; тесная связь между изучением движения народнической интеллигенции в общероссийском масштабе и в Воронежском крае;

– существование устойчивых научных контактов между кафедрой истории России ВГУ и центрами изучения народничества в Москве, Санкт-Петербурге и Саратове;

– востребованность наших специалистов по народничеству в научном сообществе. Об этом свидетельствует участие сотрудников кафедры в издаваемых за пределами ВГУ коллективных

монографиях, энциклопедиях и сборниках статей, в работе общероссийских научных конференций и семинаров, защитах диссертаций и т. п.

Все это позволяет поставить вопрос о существовании воронежской школы народниковедческих исследований, основой которой является коллектив преподавателей и аспирантов кафедры истории России во главе с доктором исторических наук, профессором М. Д. Карпачевым.

---

¹ Кафедра истории СССР досоветского периода (с 1991 г. – истории России) была образована в составе исторического факультета Воронежского государственного университета в июне 1960 г.

² См.: *Карпачев М. Д.* Изучение истории общественного движения на кафедре истории России // Ист. записки: науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 6. Воронеж, 2000. С. 23; Исторический факультет Воронежского государственного университета. Воронеж, 2010. С. 121, 126–129.

³ *Шевченко М. М., Шуляковский Е. Г.* «Колокол» в Воронеже // Подъем. 1962. № 4. С. 129–132.

⁴ *Генкин Л. Б.* Отчет о научно-исследовательской работе кафедры истории СССР досоветского периода за 1968 год. ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Ед. хр. 263. Л. 8.

⁵ Сотрудники кафедры подготовили сообщения на следующие темы: *Иванов Ю. Н.* Кризис «Земли и воли» в освещении С. М. Кравчинского // Революционное и общественное движение в России XIX в.: Тез. докл. и сообщ. на науч. конф. Воронеж, 1968. С. 49–52; *Карпачев М. Д.* Основные этапы истории военной организации «Народной воли» // Там же. С. 59–63; *Проторчина В. М.* Отражение борьбы революционного народничества в творчестве русских художников второй половины XIX в. // Там же. С. 77–81.

⁶ *Дмитриев Г. М.* Организация «Наши» и ее деятельность // Ист. СССР. 1968. № 3. С. 188–192.

⁷ Официальные оппоненты Ю.Н. Иванова: д-р ист. наук А. С. Нифонтов (Москва), канд. филол. наук Е. А. Таратута (Москва).

⁸ *Иванов Ю. Н.* Отражение революционно-народнического движения в литературном наследии С. М. Степняка-Кравчинского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1969. С. 4.

⁹ *Генкин Л. Б.* Отчет о научно-исследовательской работе кафедры истории СССР досоветского периода за 1969 г. Л. 4.

¹⁰ *Дмитриев Г. М.* Движение революционного народничества в Центрально-черноземных губерниях России в первой пол. 70-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971. Оппоненты: д-р ист. наук В. Ф. Антонов (Москва), канд. ист. наук Е. Р. Ольховский (Ленинград).

¹¹ Официальные оппоненты М. Д. Карпачева: д-р ист. наук В. Ф. Антонов (Москва), канд. ист. наук В. И. Чесноков (Воронеж).

¹² В 1971 г. аспирант М. Д. Карпачев перешел под руководство профессора М. Г. Седова (Москва).

¹³ *Карпачев М. Д.* Изучение истории общественного движения на кафедре истории России. С. 17.

¹⁴ В 1979 г. диссертация М. Д. Карпачева была издана в Москве как монография под названием «Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы». Интересно, что встречающиеся в оглавлении работы термины «антинаучность», «фальсификация», «искажение» отсутствовали в рукописи и были добавлены редакцией издательства «Мысль», в котором вышла эта книга.

¹⁵ *Загоровский В. П.* История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982.

¹⁶ *Карпачев М. Д.* К оценке Липецкого и Воронежского съездов «Земли и Воли» в современной буржуазной исторической литературе // Из ист. Воронежского края. Вып. 5. Воронеж, 1975. С. 91–99.

¹⁷ Сборники выходили в 1983, 1986, 1990, 1995, 1999, 2002, 2006 и 2011 гг.

¹⁸ *Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д.* Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая пол. 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 40–51; *Карпачев М. Д.* Писатель-демократ Н. М. Астырев в Воронежском крае (Из истории позднего народничества) // Там же. С. 52–63.

¹⁹ *Искра Л. М., Карпачев М. Д.* В. Я. Яковлев-Богучарский: (К истории жизни и деятельности) // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начале XX века. Воронеж, 1983. С. 44–54.

²⁰ *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. Пособие для учителей. М., 1965.

²¹ Официальные оппоненты М. Д. Карпачева: д-р ист. наук Б. С. Итенберг (Москва), д-р ист. наук Н. А. Троицкий (Саратов), д-р ист. наук В. А. Федоров (Москва).

²² *Минаков А. Ю.* Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен // Вопросы ист. 1990. № 11. С. 186–187.

²³ *Искра Л. М., Карпачев М. Д.* Либерал А. И. Шингарев и его «Вымирающая деревня» // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX века. Воронеж, 1990. С. 63–73; *Карпачев М. Д.* Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае // Там же. С. 52–63.

²⁴ *Мамонтов В. И.* Общественно-политическое движение в русской армии и на флоте в 60-е – начале 80-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1991. Оппоненты: д-р ист. наук Л. Т. Сенчакова (Москва), канд. ист. наук В. В. Черепанов (Москва).

²⁵ *Панова В. И.* История Воронежского края в курсе истории СССР. Воронеж, 1991. С. 78–80.

²⁶ *Минаков А. Ю.* История общества «Народная расправа»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1993. Оппоненты: д-р ист. наук Е. Л. Рудницкая (Москва), канд. ист. наук Л. М. Искра (Воронеж).

²⁷ *Минаков А. Ю.* Ленинизм и нечаевщина: опыт сравнительного анализа // Вестник ВГУ. Сер. Гуман. науки. 1996. № 2. С. 124–144.

²⁸ Минаков А. Ю. С. Г. Нечаев и П. Н. Ткачев: к вопросу об идейной идентификации «нечаевщины» // Россия и реформы. Вып. 4. М., 1997. С. 74–108.

²⁹ Мокшин Г. Н. Общественно-политические взгляды и деятельность С. Н. Кривенко (1847–1906): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995. Оппоненты: д-р ист. наук Б. П. Балуев (Москва), канд. ист. наук В. И. Харламов (Москва).

³⁰ Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998.

³¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997. С. 173–314.

³² См.: Карпачев М. Д. [Рецензия] // Вопросы ист. 1991. № 1. С. 250–251. Рец. на кн.: Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989; *Он же*. [Рецензия] // Вопросы ист. 1993. № 2. С. 181–182. Рец. на кн.: Алексеев Г. Д. Народничество в России в XX в. М., 1990; *Он же*. [Рецензия] // Вопросы ист. 1997. № 7. С. 141–143. Рец. на кн.: Балуев Б. П. Либеральное народничество в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.

³³ Карпачев М. Д. О религиозных корнях русского народничества // Церковь и ее деятели в ист. России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 1993. С. 111–120.

³⁴ Мокшин Г. Н. Крестьянский монархизм в интерпретации М. А. Бакунина // Вестник ВГУ. Сер. Гуман. науки. 1998. № 1. С. 162–167; *Он же*. Н. А. Бердяев о народопоклонстве русской интеллигенции // Страницы ист. и историографии отечества. Сб. науч. тр. Вып. 2. Воронеж, 1999. С. 50–63; *Он же*. В. П. Воронцов о развитии политического сознания крестьянства в период первой русской революции // Тр. молодых ученых ВГУ. Вып. 1. Воронеж, 1999. С. 327–330.

³⁵ Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов. Исторический портрет // Вопросы ист. 2003. № 9. С. 57–73.

³⁶ Мокшин Г. Н. Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации русской интеллигенции // Ист. исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 363–388.

³⁷ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 87.

³⁸ Карпачев М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4. М., 2003. С. 232–323.

³⁹ Макаров В. В. Трудный путь к «политической благонадежности» (А. И. Шингарев и Воронежское губернское жандармское управление в 1892–1907 годах) // Ист. записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 107–125.

⁴⁰ Макаров В. В. Общественно-политическая деятельность А. И. Шингарева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. Оппоненты: д-р ист. наук С. С. Секиринский (Москва), канд. ист. наук Л. М. Искра (Воронеж).

⁴¹ Хрестоматия получила рекомендацию Учебно-методического объединения классических университетов Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «История».

⁴² Материалы семинара опубликованы в сб. ст. «Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени» (Воронеж, 2005).

⁴³ Власть и общественное движение в России имперского периода. Сер. Монография. Вып. 9. Воронеж, 2005. С. 174–352.

⁴⁴ *Куцеволов А. А.* Партия социалистов-революционеров в Воронежской губернии. От истоков до 1908 года. Воронеж, 2005.

⁴⁵ *Куцеволов А. А.* Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1908 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. Оппоненты: д-р ист. наук Г. А. Салтык (Курск), канд. ист. наук О. Н. Квасов (Воронеж).

⁴⁶ *Дорофеева О. П.* Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в конце XIX – начале XX веков в Воронежском крае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. Оппоненты: д-р ист. наук В. Н. Плаксин (Воронеж), канд. ист. наук Г. И. Иванова (Воронеж).

⁴⁷ См., напр.: *Дорофеева О. П.* Бюджетные исследования Ф. А. Щербины в Воронежском крае // Общественное движение и культурная жизнь Центр. России XIV–XX веков: сб. науч. тр. Воронеж, 2006. С. 135–149.

⁴⁸ Официальные оппоненты Г. Н. Мокшина: д-р ист. наук В. В. Зверев (Москва), д-р ист. наук В. В. Блохин (Москва), д-р ист. наук Ю. В. Варфоломеев (Саратов).

⁴⁹ *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

⁵⁰ См., напр.: *Баранова Н. А.* Д. А. Перелешин и его общественно-политическая деятельность в Воронежском крае // Новик: сб. науч. работ аспирантов и студентов ист. ф-та ВГУ. Вып. 10. Воронеж, 2005. С. 71–83; *Чеботарева Е. М.* «Народная воля» перед судом европейской общественности // Там же. Вып. 14. Воронеж, 2009. С. 93–105; *Савицкая Е. А.* От «Народной воли» к социал-демократии // Там же. Вып. 15. Воронеж, 2010. С. 36–43.

⁵¹ В «Воронежской энциклопедии» помещены также статьи: «Воронежский съезд “Земли и воли”» (М. Д. Карпачев), «Крестьянские братства» (А. А. Куцеволов) и «Социалисты-революционеры» (А. А. Куцеволов).

⁵² См., напр.: *Савицкая Е. А.* Общие тенденции в развитии революционного народничества первой половины 90-х годов XIX века: (на примере партии «Народного права») // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 206–209.

⁵³ Без учета статей в краеведческих энциклопедиях.

⁵⁴ См.: Кафедра истории России (1960–2010): Указатель научных трудов сотрудников кафедры. Воронеж, 2010.

В. Ю. Рылов

ШИШКИ, ДРОВА, ТОРФОСОС: ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

...состоялось перед многочисленной партийной публикой кинематографическое изображение работы нового гидравлического торфососа...

*В. И. Ленин. Из письма А. И. Рыкову
и И. И. Радченко, 28 октября 1920 г.*

Вот, шубу надев, после ночи бессонной
Ильич на охоту выходит с утра,
И вдруг замечает он пень обнаженный
В аллее, где ель зеленела вчера.
Тут Ленин зовет лесника, негодуя:
– Взгляните, преступная чья-то рука
Тайком уничтожила ель молодую! –
И видит потупленный взор старика.
– Преступник-то я, – прозвучало признание, –
Три дня у тебя, вишь, не топлена печь...
– Ну что ж, вам придется нести наказание!
Вы призваны каждую ветку беречь! –
Минута проходит в молчанье суровом
И тягостном. Видимо, Ленин сердит.
Старик начинает, и – слово за словом –
В глаза Ильичу он смелее глядит:
– В России, скажу я, деревьев без счету...
Ты всю нашу родину животворишь,
О множестве жизней несешь ты заботу,
Так ель пожалеть для тебя, говоришь?
Деревья рубить я без спросу не волен.
Народного мне ли не жалко добра?
Да ночи студены, а ты еще болен!
Все трудишься, вижу, не спишь до утра... –
И Ленин смягчается, только не сразу.
Прищурился: – Ладно, пока поглядим! –
И вдруг улыбается краешком глаза:
– А вдруг повторится – под суд отдадим! –
И все. Разговор оборвался короткий.
На пне проступила смола, как слеза.
Ильич удаляется быстрой походкой.
Лесник, не стыдясь, утирает глаза...
С. Капутикян. Легенда о Ленине и леснике, 1950 г.

В фондах библиотеки Государственного архива Воронежской области (ГАВО) отложилось три экземпляра журнала «Известия Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности» (ГКТ, Главкомтруд) за 1920 г., адрес редакции: Москва, Лубянка, 11. В № 6 (сентябрь) «Известий ГКТ» были опубликованы распоряжения о проведении «шишечной повинности», т. е. сбора шишек в лесах в целях борьбы с топливным кризисом. Как известно, Россия была и остается одной из самых богатых углем, нефтью стран (в начале XX в. Россия занимала первое место в мире по добыче нефти), но ленинское правительство решало топливный вопрос посредством низкокалорийного топлива: дров, торфа, шишек и т. п. Ниже будут изложены причины появления этих, на первый взгляд, необычных решений.

Одно из публикуемых распоряжений подписано Лениным 14 сентября 1920 г., это «Постановление Совета Народных Комиссаров о шишечном сборе». На первый взгляд, удивительно, но оно не попало в Полное собрание сочинений Ленина, вышедшее в СССР в 1970-х гг. Известно, как трепетно относились к «ленинскому наследию» составители полного собрания сочинений. Однако в полном собрании сочинений отсутствует около 7 тысяч ленинских документов, которые до начала 1990-х гг. никогда не публиковались. Например, в полном собрании сочинений отсутствует подписанный 17 декабря 1919 г. Лениным декрет СНК «О порядке отпуска заключенных на работы в советские учреждения», где речь шла о заключенных концлагерей. Копия этого документа отложилась в фонде Борисоглебского концлагеря 1920–1922 гг. ГАВО¹. Очевидно, что публикация подобных документов была неприемлема в силу их вопиющей одиозности. Наверное, марксисты-ленинцы руководствовались в вопросе публикации «ленинского наследия» опять же ленинской установкой: «Я прошу то, что говорится на партийных собраниях, не печатать, а если печатать, то только после трехкратной цензуры и чтобы речь редактировалась человеком, хорошо понимающим, что нужно говорить иностранным капиталистам (в том числе и собственному народу. – *В. Р.*), а что не нужно»².

Кроме того, «Декрет о сборе шишек» не является чем-то необычным, он вполне в контексте ленинского наследия и «социа-

листической теории и практики». Например, латиноамериканский историк начала XVII в. Инка Гарсиласо де ла Вега, описавший «социалистическую» империю инков XV–XVI вв., отмечал, что инвалиды и неимущие «отдавали подать» государству, «и заключалась она в том, что через такое-то количество дней они были обязаны вручить губернаторам своих селений несколько [пустотелых] стеблей со вшами. Говорят, что инки просили ту подать, чтобы никто ... не избегал бы выплачивать дань, каким бы бедным он не был бы, и что у этих просили вшей, ибо, как бедные паралитики, они не могли сами нести службу, являвшуюся податью, которую выплачивали все. Однако они также говорили, что основным намерением инков, [побуждавшим их] просить ту подать, была любовная забота о бедных паралитиках, дабы принудить их освобождаться от вшей и очищать себя, чтобы они, как несчастные люди, не погибли бы сожранные вшами. За эту заботу, которую во всем проявляли короли, их называли любящими бедняков. Декурионы над десятью [жителями], были обязаны заставлять платить эту подать»³.

Однако в первую очередь необходимо сказать о ГКТ, который был образован 5 февраля 1920 г. по Постановлению СНК «О порядке проведения всеобщей трудовой повинности». ГКТ непосредственно подчинялся Совету обороны (который возглавлял Ленин), в составе представителей наркоматов Труда (НКТ), Военного (Наркомвоен) и НКВД⁴. Главкомтруд возглавлял Ф. Э. Дзержинский, т. е. ГКТ подчинялся ВЧК. На местах были образованы «Губернские, Уездные, а в необходимых случаях и Городские Комитеты по всеобщей трудовой повинности, подчиненные соответствующим Исполкомам, в составе представителей Военного Комиссариата, Отдела Управления и Отдела Труда»⁵. В передовице «Известий ГКТ», написанной, вероятно, Дзержинским, говорилось по этому поводу: «Пусть не будет советского учреждения без комитета по трудовой повинности. На каждой фабрике, в каждой мастерской, на каждом заводе, во всяком жилом доме, также должен быть комитет по трудовой повинности»⁶. Уже в 1920 г. образовались и волостные комтруды. ГКТ не имел самостоятельного аппарата, а его служащие привлекались из разных учреждений. Руководство повинностями и мобилизациями осуществлялось ЧК, с привлече-

нием аппарата НКВД, т. е. милиции, внутренних войск, Военного ведомства и т. п. ГКТ мог привлекать к любым работам, в том числе и сельскохозяйственным, любого гражданина республики. ГКТ объединял экономические и карательные учреждения с целью проведения «трудповинности» и «трудмобилизации». Становился актуальным вопрос о сосредоточении управления «трудповинности» в одном ведомстве. По-видимому, гражданские ведомства, занимавшиеся эксплуатацией принудительного труда, хотели изъять эту сферу из ведения военизированных и карательных учреждений и подчинить ее НКТ. Однако Ленин был против «слияния НКТ и ГКТ», о чем он уведомлял в феврале 1921 г. наркома труда В. В. Шмидта: «Считаю необходимым установить и оформить организационную связь с НКвнудел и НКвоен в центре и на местах при сосредоточении трудповинности в руках Наркомтруда»⁷. Другими словами, за НКТ должны быть оставлены только общие вопросы трудовой повинности, в то время как проводить ее должны были именно карательные ведомства. Ленин был против и упразднения ГКТ. Тем не менее, ГКТ был упразднен 22 марта 1921 г. решением ВЦИК и СНК. Было принято Постановление «О ликвидации Главного комитета по всеобщей трудовой повинности и местных комитетов по всеобщей трудовой повинности и о реорганизации Народного комиссариата труда»⁸. Очевидно, что в условиях нэпа, т. е. возвращению к рыночной экономике, ГКТ стал попросту не нужен, хотя «трудповинность» применялась и тогда.

Необходимо сказать и о всеобщей трудовой повинности, на основе которой должен был проходить «шишечный сбор». Идея всеобщего привлечения к принудительному труду неоднократно высказывалась «классиками» коммунистического учения и «утопическими социалистами». Трудовая повинность применялась на практике в различных странах, в том числе и в России. Однако основой экономики трудовая повинность стала в азиатских деспотиях древности, доиспанском Перу и т. д. Российские социал-демократы также высказывались по этой проблеме в дореволюционный период. Так, Ленин в апреле 1917 г. считал, что «всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Со-

ветами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, это еще не социализм, но это уже не капитализм. Это громадный шаг к социализму»⁹.

На первый взгляд странно, но, по мысли Ленина, первыми «широко шагнуть в социализм» должны были имущие классы. Уже в декабре 1917 г. в Декрете ВЦИК о национализации банков шла речь о «всеобщей трудовой повинности» «для богатых» для «контроля за ними. Их долг – работать в указанном направлении, иначе – “враги народа”». За неисполнение декрета Ленин угрожал конфискациями, арестами и т. п. «Известия ГКТ» сообщали по этому поводу: «Те паразиты, которые в минуту опасности предпочтут спекуляцию труду, которые наживаются на страданиях голодных, – эти сытые будут взяты пролетариатом за шиворот и приставлены к самым тяжелым работам»¹⁰.

Как известно, всякие повинности, как и все прежние законы, оставшиеся большевикам в наследство от прежних властей, были разом отменены октябрьскими декретами Ленина. Но почти одновременно с отменой прежних повинностей вводятся новые, в том числе и воинская повинность в апреле 1918 г., после демагогических заявлений большевиков об «отмене постоянной армии», «всеобщем вооружении народа». Тогда большевикам стало окончательно ясно, что победить в разгоравшейся Гражданской войне, опираясь исключительно на горстку фанатиков и иностранных наемников, нельзя. Наемникам нечем платить, а фанатиков мало, да и воевать они, как правило, не умеют.

Однако вернемся к истории развития идеи всеобщей трудовой повинности. В январе 1918 г. был сделан второй шаг в этом направлении. III Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой шла речь в том числе и о введении всеобщей трудовой повинности не только для уничтожения «паразитических классов», но и для организации хозяйства. Однако Ленин не забыл еще 14 декабря 1917 г. о неимущих классах в связи с «введением всеобщей трудовой повинности»: «*Все граждане* обоюбого пола, с 16 до 55 лет, обязаны выполнять те работы, которые будут названы местным Советом... или другим органом Советской власти»¹¹. Тем самым признавалась

возможность распространения принципа принудительного труда не только на «богатых», но и на все население.

Третий шаг был сделан на VII съезде РКП(б) 20 марта 1918 г. Ленин назвал «введение трудовой повинности» для всего населения «конкретным требованием Советской власти»¹². Эту мысль Ленин пояснил сразу после съезда. В вопросе о категориях населения, к которым будет применяться трудовая повинность, была поставлена точка: «От трудовой повинности в применении к богатым, Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян»¹³. В 1919 г. в проекте программы РКП(б) Ленин говорил уже о «поголовной мобилизации всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор»¹⁴.

Уже в ноябре 1918 г. были мобилизованы железнодорожники, в декабре – лица с техническим и медицинским образованием, а в 1919 г. – работники речного и морского флота, шахтеры, служащие почтовой, телефонной и телеграфной связи, работники топливной промышленности и т. д. Например, для борьбы с эпидемией тифа в Оренбурге в 1919 г. Ленин распорядился мобилизовать «зубных врачей в качестве фельдшеров»¹⁵. В 1920 г. Ленин настаивал на проведении «трудповинности для всех лиц, могущих ознакомить население с электрификацией, тейлоризацией и т. п.»¹⁶. Он писал Г. М. Кржижановскому: «Мобилизовать *всех* без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2 (4?) лекций, обучить *не менее* (10–50?) человек электричеству. Исполнишь – премия. Не исполнишь – тюрьма»¹⁷. Ленин тщательно следил за проведением повинности. Он интересовался у Самарского губисполкома 6 апреля 1920 г.: «Не увиливают ли от трудповинности буржуи и обыватели?»¹⁸. Тогда же в телеграммах Л. Д. Троцкому и Н. Н. Кузьмину Ленин указывал: «Арестованных офицеров используйте для труда. Остающихся на свободе – для той же цели»;

«нельзя ли сибирских пленных и офицеров отвезти на Урал и поставить на работы по углю и лесу»¹⁹. Правда, иногда Ленин делал исключения. Например, он указывал Тульскому исполкому 26 августа 1919 г.: «Не производите никакой принудительной мобилизации... рабочих оружейных и патронных заводов, ибо оружие и патроны важнее всего»²⁰. Таким образом, практика всеобщей трудовой повинности создавалась в условиях Гражданской войны, что придало ей милитаризированный характер. В том числе и поэтому появились трудовые армии, которые стали апогеем претворения в жизнь идей трудовой повинности.

Постановление об образовании Первой революционной армии труда было принято СНК 15 января 1920 г., тогда же были созданы еще две трудовые армии. Постановление СНК «О порядке всеобщей трудовой повинности» вышло 29 января. Тогда Ленин заявлял по этому поводу: «Для Красной Армии нужны были только мужчины, то сейчас на трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, даже подростки»²¹. На Совет обороны возлагалось общее управление трудовыми армиями, а непосредственное – на ГКТ и Реввоенсовет. Использование регулярных, в том числе и боевых частей Красной армии на «фронте труда»²² началось, когда большевики почти «выполнили с чрезвычайной энергией» «войну за мир»²³. Ленин заявил 2 февраля 1920 г., что «мы целиком сосредоточим все свои силы» на решении «задачи трудовой повинности», «когда ВЦИК подтвердит все мероприятия по созданию трудовых армий и всеобщей трудовой повинности, когда он в широкие массы населения еще более внедрит мысль и потребует от всех местных работников осуществления ее, – мы совершенно уверены, что с этой труднейшей задачей мы справимся, ни на капельку не ослабляя нашей боевой готовности»²⁴. Для решения задач социалистического строительства «мы должны все бросить на фронт труда и сосредоточить здесь все силы при максимальном напряжении, с военной решимостью, с беспощадной решимостью»²⁵.

В интервью американскому журналисту Л. Эйру Ленин объяснял данное решение несколько иначе. Он сказал, что «в настоящее время часть Красной Армии превращается в трудовые армии, это

необыкновенное явление стало возможно только в стране, которая борется за высокий идеал»²⁶. Нечто похожее заявлялось и в упомянутой передовице «Известий ГКТ» в марте 1920 г.: «Всеобщая трудовая повинность – вот наш клич. Создание многомиллионной творческой армии, которая упорным трудом из хаоса и обломков построит будущее – вот наша цель. Цари и угнетатели народа усилиями миллионов рук строили пирамиды, прорывали каналы (так в тексте. – В. Р.), осушали болота. Неужели же сам рабочий класс для себя, в своих интересах, ради спасения себя от гибели не делает чудес?»²⁷.

Однако на деле, кроме демонстрации «чудес» на весь мир («наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»²⁸), требовалось решить насущные проблемы. Прежде всего, надо было восстановить хозяйство, разрушенное военным коммунизмом и Гражданской войной. Не стоит забывать, что главной целью являлось построение коммунистического общества. Ленин неоднократно обещал и предсказывал наступление коммунизма: «рабочекрестьянская власть приступила, по всей линии, к постройке коммунистического общества»²⁹, а 1 мая 1919 г. участникам маевки в Москве он заявил: «Большинство присутствующих..., не переступивших 30–35 летнего возраста, увидят расцвет коммунизма»³⁰. Поэтому в 1920–1921 гг. в советской России «чудеса» хозяйственного строительства продолжались. По причине деградации промышленного и аграрного производства «основным рычагом для поднятия хозяйства является живая рабочая сила, ее организация, ее распределение и целесообразное использование»³¹. Кайло и лопата, так сказать, становились основными инструментами «построения социализма». Ленин понимал, что «восстановить экономически, имея одну десятую довоенного народного богатства, это еще более трудная задача»³², чем победа в Гражданской войне. Кроме того, «рассчитывать на получение извне в ближайшем будущем... помощи нельзя, не только по причине блокады, но и хозяйственного истощения Западной Европы»³³. Мировая революция не состоялась. Самая развитая страна Европы, на которую коммунисты возлагали большие надежды, – Германия, была также истощена войной и выплачивала огромные репарации.

Кроме того, мобилизации и повинности нужны были для того, чтобы держать в повиновении огромные массы в целом нелояльного большевикам населения: «Надо двинуть все силы и позаботиться о том, чтобы аппарат принуждения, оживленный, укрепленный, был базирован и развернут для нового размаха убеждения, и тогда мы эту военную кампанию окончим победой. Сейчас начинается военная компания против остатков косности, темноты и недоверия среди крестьянских масс»³⁴. Ленин утверждал, что крестьяне, прежде всего, «собственники»³⁵ и «социалистами не являются»³⁶: «старой, мелкобуржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем нас. Они сильнее, чем социалистическое производство»³⁷; «крестьянин, как мелкий хозяйчик, по природе своей склонен к свободной торговле, а мы считаем это дело преступлением. Тут дело государственной борьбы»³⁸. Еще до войны Ленин заявлял: «Хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата, порождает в крестьянине мечты и стремление выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, куче навоза»³⁹. Даже в условиях начавшегося нэпа Ленин отмечал, что «в крестьянской среде есть слои, которые не хотят примириться ни с продовольственной разверсткой, ни с налогом»⁴⁰. Поэтому очевиден вывод Ленина: «Мы были и остаемся страной мелкокрестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее. Для того чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз большее, чем в войне. Наша страна, крестьянская, сейчас истощилась и сейчас, должна мобилизовать поголовно все мужское население, рабочих и крестьян»⁴¹.

Кроме того, Ленин понимал, что «выработка массами новых основ трудовой дисциплины процесс очень длительный», поскольку «русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями», а при социализме «нужна железная дисциплина – у нас, у русских, это слабая сторона»⁴², «по части организаторских способностей российский человек, пожалуй, самый плохой человек»⁴³, «россиян надо 20 раз обругать и 30 проверить, чтобы простейшую вещь сделали толком»⁴⁴. Дело было, конечно, не в «отсутствии дисциплины» и в плохих деловых качествах росси-

ян. Труд из-под палки, уравниловка отбивали инициативу и предприимчивость. Кроме того, «рабочие и крестьяне» не спешили воплощать в жизнь ленинские идеи. Тот аргумент большевиков, что вся собственность национализирована, а рабочие и крестьяне стали «собственниками» и работают уже не на капиталистов, а «на себя», имел, видимо обратный эффект. Трудящиеся работать бесплатно на «рабоче-крестьянское» государство не желали, поэтому уже в 1917 г. стали «отлынивать от работы». Таким образом, вопрос о дисциплине надо было также решить «по-военному».

Еще одной проблемой была «борьба с бюрократизмом», «идиотской волокитой», а прямо говоря, слабая управляемость партийно-государственного аппарата. Это происходило из-за реализации принципа «целесообразности», т. е. произвола, поставленного в основу правовой системы. Советский аппарат, в силу того, что в основном занимался распределением «всего и вся», был склонен к различным злоупотреблениям, взяточничеству и т. п. Уже через три года большевистской власти в одной Москве насчитывалось только советских служащих более 200 тысяч ⁴⁵. И это, не считая партийных, военных, ЧК и пр. При этом Ленин отметал аргументы критиков: «Ленин, мол, в такой-то книжке писал, что при власти Советов бюрократизм будет уничтожен» ⁴⁶. Однако Ленин отчасти и соглашался с критиками: «Кроме указания на бюрократизм, имеются ошибки в плане [электрификации]. План надо проверять... Ясно, что, кроме ошибок, в плане есть материалы для судебного процесса. Надо двинуть в учреждения пролетарский элемент» ⁴⁷. Таким образом, и в решении проблемы бюрократизма требовалось действовать «по-военному».

Кроме того, введение трудовой повинности было не только «теоретически обосновано» большевиками, а являлось единственным выходом из создавшегося положения. Дело в том, что восстановление народного хозяйства требовало возвращения к нормальной, т. е. рыночной экономике, чего Ленин и большевики допустить в 1920 г. не могли. Становился бессмысленным «Великий октябрь». Нельзя забывать и о том, что большевики к началу 1920 г. натворили столько преступлений, что им попросту некуда было бежать из захваченной ими страны. Хронический голод и

дефицит, развал промышленности большевики могли оправдывать интервенцией и Гражданской войной.

Лишь в 1921 г. большевики были вынуждены пойти на компромисс в виде нэпа, оставив за собой «командные высоты» в тяжелой промышленности и крупном производстве, разрешив рыночные отношения в легкой промышленности, среднем, кустарном производстве и сельском хозяйстве: «Советская власть, чтобы выйти из хозяйственной разрухи, должна некоторое время опираться на крестьянство как на костыль»⁴⁸. Кроме того, тогда уже Ленин выступал за возвращение к рыночным отношениям. Он рассуждал о торговых функциях Госбанка: «Надо засадить парочку наших “финученых” (не сосчитать ли фи-ученых?) за этот вопрос?». Торговля – «единственный путь к восстановлению золотого обращения и к *превращению нэпа* из системы одурачивания коммунистических дурачков, имеющих власть, но не умеющих пользоваться ею, в базу социализма», «у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не “торговый”, а такой же г... бюрократический, как все остальное в РСФСР. По-моему, надо на это налечь *изо всех сил* и добиться введения тантьем, проверки делом и *изгнания из торгового отдела* Госбанка всего вялого, всего неторгового, всего не умеющего достигать успехов в торговле. Нам не “ведомство внутренней торговли” нужно..., а 1–2 дюжины *людей* в Госбанке, *умеющих* (и других учащих) торговать»⁴⁹. В годы нэпа началось быстрое восстановление народного хозяйства. Страна вышла на довоенный уровень производства уже к 1927 г., воссоздалась «база для построения социализма». Другими словами, лишь угроза неминуемого краха заставила большевиков на время (до начала коллективизации) отказаться от проводимой ими политики.

Но были и другие причины, по которым большевики продолжали пытаться реализовать свои идеи. Победа в Гражданской войне как бы подтверждала правоту большевиков. По этому поводу Ленин заявлял: «Революция в известном смысле означает собой чудо. Если бы нам в 1917 году сказали, что мы три года выдержим войну со всем миром и ... окажемся победителями, то никто бы из нас этому не поверил»⁵⁰. Кроме того, Ленин, несмотря на очевидные провалы своей политики, продолжал настаивать на том, что

«капитализм – есть мертвечина, его нужно задушить»⁵¹. Он также намеревался осчастливить построением социализма не только Россию, но и все остальное человечество, а главным образом, страны Западной Европы: «Главная задача и основное условие нашей победы есть распространение революции, по крайней мере, на несколько наиболее передовых стран»⁵²; «мы несем жертвы ради войны, которую мы объявили капиталистам всего мира»⁵³. Россия для Ленина являлась лишь материалом для задач планетарных: «Мы именно на Брестском мире пожертвовали второстепенными, с точки зрения социализма, интересами России, как они понимаются в патриотическом смысле; мы приносили гигантские жертвы, но все же это были жертвы второстепенные»⁵⁴. Другими словами, еще раз пожертвовать страной, чтобы показать «чудеса» «социалистического строительства», было вполне приемлемо для Ленина: «Когда мы с самого начала говорили, что ставим ставку на всемирную революцию, над этим смеялись, и сотни раз объявляли и сейчас объявляют это несбыточным»⁵⁵.

Вновь вернемся к заявленной теме. Очевидно, что топливо является жизненно необходимым как для промышленности, так и для элементарных бытовых, санитарно-гигиенических нужд. Однако из-за развала народного хозяйства, а затем начала активных боевых действий во время Гражданской войны, практически полностью исчезло высококалорийное топливо – уголь, мазут, керосин. Поэтому Ленин считал, что «нужно спастись посредством дров... для этого мы бросаем новые и новые партийные силы на эту работу»⁵⁶. Уже 2 декабря 1918 г. Ленин пытался решить проблему топлива так: «Поручить лесколлегии в 2-дневный срок согласиться с Военным ведомством... насчет закона о мобилизации населения для лесных работ»⁵⁷. Ленин, рассуждая 13 ноября 1919 г. на тему «борьбы с топливным кризисом», писал: «Трудовая повинность всего населения или мобилизация известных возрастов для работ по добыче и подвозу угля и сланца, для рубки и возки дров к станциям железных дорог, должна быть осуществлена с наибольшей быстротой и самым неукоснительным образом. Карать с беспощадной суровостью тех, кто вопреки повторным настояниям, требованиям и приказам, оказывается уклоняющимся от работ»⁵⁸.

В 1919 г. Ленин отмечал: «Не имея возможности быстро усилить добычу угля на Урале и в Сибири, мы имеем еще много лесов, мы можем нарубить и подвезти достаточное количество дров», «надо добиться революционного напряжения энергии для самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества всяческого топлива, угля, сланца, торфа и в первую очередь дров, дров, дров»⁵⁹. Тогда Ленин был полон оптимизма: «Задачи..., которые всего труднее решить, но которые мы все-таки решим. Это – задача о хлебе, задача о топливе, задача борьбы со вшами. Вот три простейших задачи, которые дадут нам возможность построить социалистическую республику, и тогда мы победим весь мир во сто раз более победоносно, торжественно и триумфально»⁶⁰. Ленин понимал, что голод, холод и вши являются неизбежными последствиями «социалистического строительства». Он считал, что «наша задача есть борьба со вшами, которые разносят сыпной тиф», это «бедствие... не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством»⁶¹.

Однако, несмотря на то, что в 1920 г. большевиками были «завоеваны обширные области Сибири и Украины»⁶², богатые, как известно углем, проблема обеспечения топливом промышленности и населения была решена лишь в годы нэпа. В 1921 г. Ленин констатировал положение в нефтяной промышленности: «Катастрофа надвигается. Это доказано *спецами Главнефти*. Дурак Доссер в своей “докладной записке” старается *преуменьшить* опасность»⁶³. Тогда же Ленин отмечал: «С продовольствием и топливом громадное ухудшение ... теперь должны сократить паек, и даже нет уверенности, что его будем выдавать регулярно... Сейчас из Сибири подвоза нет, так как кулацкими повстанцами прервана железнодорожная линия»⁶⁴; «и хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию»; «бронепоезда? Рационально ли они размещены? Не курсируют ли *зря* отнимая хлеб?»⁶⁵. «Банды», по терминологии Ленина, это повстанческие отряды крестьян, выступавшие с оружием в руках против людоедской продовольственной политики Ленина, проводимой большевиками с помощью продотрядов, без кавычек бандитских шаек, занимавшихся грабежами, убийствами, насилиями. Кроме того, в катастрофическом положении были,

конечно, виноваты идейные оппоненты Ленина: «Эсеры связаны с местными поджигателями (т. е. крестьянами-повстанцами. – В. Р.). Связь эта видна из того, что восстания происходят в тех районах, из которых мы берем хлеб»⁶⁶. По мнению Ленина, получалось, что дело было даже не столько в эсерах, а в хлебных реквизициях, которые делали крестьян отзывчивыми на любую антикоммунистическую агитацию. Ленин признавал, что «в Донбассе получается так...: хлеба нет, потому что нет угля, угля нет, потому что нет хлеба. Тут надо где-нибудь эту проклятую цепь прорвать своей энергией, нажимом, героизмом трудящихся, чтобы все машины завертелись»⁶⁷. Ленину было очевидно, что все вышеуказанные проблемы взаимосвязаны: «Продовольственная работа, топливная, уголь, нефть, дрова – все это разные работы, и во всех трех областях мы сделали одинаковые ошибки»⁶⁸. Он признавал, что в то время «никто не мог подумать о запасе или распределении на год, а могли только подумать на три недели или на две, третью “будем посмотреть”»⁶⁹.

Другими словами, с помощью дров не только Россия, но и остальное человечество должно было «шагнуть» в социализм и коммунизм. Интересно отметить, что самый пик решения топливной проблемы приходился именно на зиму, когда отопительный сезон уже начался. Большевики предпочитали решать «насуточные» проблемы по мере их возникновения. Однако зафиксированы случаи, когда Ленин вспоминал о топливе и летом. Так, 16 июня 1920 г. Ленин писал Отделу топлива Московского Совдепа: «Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках принести достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину за три месяца – точнее спецы рассчитают; я говорю для примера) к станциям железных дорог и узкоколеек». Чтобы указание было беспрекословно выполнено, он угрожал: «Если не будут приняты *героические* меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы»⁷⁰. Интересно, Ленин лично расстреливал нерадивых совслужащих, или это всего лишь угроза? И кого касалась угроза – Моссовета или членов Совета обороны и ЦК РКП?

Для решения проблемы были созданы «топливные органы», широко применявшие, совместно с карательными органами, тру-

довую повинность. Самыми известными из них были: Главное управление по топливу (Главтоп), Центральное управление лесной промышленности (ЦУЛП), Железнодорожные лесные комитеты (желескомы), Лесные комитеты (лескомы), местные филиалы НКТ (Губкомтруды). (Ленин сетовал по поводу большого количества учреждений: «У нас такого г..., как *ведомства*, много» ⁷¹.) Эти учреждения проводили «настойчиво и планомерно» трудгужевую повинность (заготовка и подвоз дров к железнодорожным станциям) «по требованию лескомов» ⁷². Кроме того, одной из причин топливного и продовольственного кризисов являлся развал транспорта. «Прусский порядок» на железных дорогах, о котором мечтал Ленин, за три года социализма так и не был установлен. Особенно острой транспортная проблема становилась зимой, когда железнодорожное сообщение из-за снежных заносов вообще прекращалось. Для «борьбы со снегом» Ленин приказывал 1 февраля 1920 г. «в 30–50 верстной полосе по обе стороны *железнодорожных линий ввести военное положение* для трудовой мобилизации на *чистку* путей» ⁷³. Сразу после Постановления о создании трудовых армий они также привлекались к «дровяной работе». Уже 23 января 1920 г. Ленин писал: «Поручить Реввоенсовету Трудармии... работы по заготовке, распилке, вывозу и сплаву дров при руководящей роли гублескома и желескома» ⁷⁴.

Решение топливной проблемы упиралось в «трудовую гужевую повинность» (трудгужповинность, трудгуж, трудгужналог), которая, в свою очередь, по словам Ленина, «больше всего связана с состоянием крестьянского хозяйства. Именно здесь на крестьянина и его лошадь ложится вся тяжесть» «борьбы за топливо»; «вот почему получается нехватка топлива». Разумеется, что трудгуж вызвал протесты со стороны крестьян. На съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин признавал, что от крестьян-делегатов «больше всего указаний на то, что работы, назначенные желескомами, тяжелы, что людей мучают, что бывает чрезвычайно много неправильностей в распределении и назначении работ, особенно в такое время, когда они в крестьянских хозяйствах прямо-таки вредны». Ленин считал, что одна из главных проблем трудгужналога состоит в том, что «без правильного определения размеров труда

(делается это поныне: в законе определяется посредством шестидневной работы), без такого правильного определения в законе, злоупотребления лескомов и желескомов неизбежны, и борьба с ними очень трудна. А когда в законе будет точно объявлено, как объявлено теперь, сколько дней труда требуется, известно будет *урочное положение* (курсив мой. – В. Р.; термин явно из эпохи до отмены крепостного права), которое определит, сколько и какое количество работы в это число дней нужно провести, борьба со злоупотреблениями будет гораздо легче». Имели место «злоупотребления и неправильности желескомов»⁷⁵ по отношению к крестьянам, которые были обязаны нести повинность каждый день, почти без выходных. Правда, Ленин объяснял причины злоупотреблений лескомов и желескомов тем, что в эти учреждения «пролезли многие из старых служащих, из старых помещиков, из старых лесных нарядчиков»⁷⁶.

Однако «спастись посредством дров» тогда не удавалось. Поэтому в конце 1919 – начале 1920 г. у Ленина появляются новые идеи о способах решения «топливного вопроса». Так, декабре 1919 г. он писал Кржижановскому: «Запасы торфа – миллиарды», «его запасы – под Москвой», «его легкость добывания, по сравнению с углем, сланцем и пр.». Ленин считал, что надо применить труд «местных рабочих и крестьян (*хотя бы по 4 час в сутки для начала*). Вот-де база электрификации»⁷⁷. На съезде текстильщиков 20 апреля 1920 г. он заявил: «Надеяться на древесное топливо при теперешней разрухе – не приходится. Торфяные залежи находятся, главным образом, в текстильных районах. И одна из главнейших задач текстильного пролетариата – организовать торфяное производство. Я хорошо знаю, что работа эта чрезвычайно тяжелая, приходится стоять по колено в воде при отсутствии обуви и жилищ – трудности необъятные. Но разве было все необходимое у Красной Армии?! Сколько жертв, сколько бедствий вынесли красноармейцы, которые по пояс в воде шли два месяца вперед, отвоевывая у англичан их танки»; «рабочему классу предстоит самое великое испытание, когда каждому работнику, каждой работнице надо сделать еще большие чудеса, чем красноармейцам – на фронте»⁷⁸.

Коммунистический «чудотворец» начал свою торфяную эпопею. Ленин говорил по этому поводу в декабре 1920 г.: «Нам необходим известный нажим на главную отрасль нашей промышленности – на топливо, ... торф – это то топливо, которого у нас очень и очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось работать в невыносимых условиях»; «мы не можем использовать торф потому, что мы не можем посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не идет»⁷⁹. Ленин, вероятно, забыл, что на торфоразработках применялся принудительный труд («четыре часа в день для начала»). Героизм трудящихся оплачивался пайком «нерегулярно», по выражению Ленина, хотя классики марксизма уверяли, что при социализме не будет голода. Кроме того, рабочий-текстильщик не мог быть «выкинут на мостовую», как в капиталистическом обществе; он был мобилизован в трудармию и оказался в торфяном болоте с лопатой. Однако не это беспокоило Ленина.

Известно, как Ленин восхищался научно-техническими достижениями. Выход из создавшегося положения ему виделся в «добывании торфа гидравлическим способом... [это] открывает возможности добычи в огромном количестве... Мы эти машины произвели... я лично советовал посмотреть кинематографическое изображение работ по добыванию торфа». Гидравлический торфосос («механизирующий добычу торфа, сравнительно со старым способом») разработал российский инженер Р. Э. Классон. Он же был назначен Лениным руководителем Гидроторфа – учреждения, занимавшегося организацией торфоразработок с помощью торфососа. Машины спроектировали российские инженеры, но изготовлены они были плохо, часто ломались. Ленин считал, что «торговые сношения с заграницей помогут нам эти машины... получить великолепно исполненными»⁸⁰. Но с гидравлической добычей торфа возникли и другие проблемы: «Особо внимательно надо следить за Гидроторфом как в связи с данными уже за границей заказами на торфососы к сезону 1922 г., так и в связи с недавним сообщением Р. Э. Классона о решенной им задаче обезвоживания»⁸¹.

Ленин указывал «дать премии в Канаде и Германии за лучшие способы обезвоживания торфа» и «денег на это не надо жалеть»⁸². Необходимо добавить, что Ленин не доверял Классону и другим инженерам, работавшим над торфососом: «Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их»⁸³.

Торф был нужен Ленину как ресурс для «восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификации и страны»⁸⁴. Он считал, что «армия может и должна (при помощи всеобща) оказать громадную помощь делу электрификации»⁸⁵. Известно высказывание Ленина о том, что «коммунизм – есть советская власть плюс электрификация всей страны». Но пока социализм означал «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу... современного крупного производства. Такой базой является электричество»⁸⁶; «чтобы электрическая станция превращалась в опору просвещения»⁸⁷. Тогда же с помощью электричества Ленин предлагал интенсифицировать земледелие: «Прошу разрешить до субботы... вопрос о заказе электропахотных орудий (Наркомзем). Спешно!»⁸⁸. Однако «электропружи», несмотря на проведенные испытания, что называется, «не пошли».

Об интересе к электростанциям говорит такое распоряжение Ленина: «Обязательно *найдите* виновных, чтобы мы могли этих мерзавцев сгноить в тюрьме», которые «медленно оформляли заказ на водные турбины!!», «в коих у нас страшный недостаток!!»⁸⁹. Кроме того, даже в вопросе об электрификации Ленин никогда не забывал о своих политических противниках: «Надо вместе с МК (Московский комитет РКП. – В. Р.)... + МЧК (Московская ЧК. – В. Р.) составить... программу очистки от меньшевиков полной к 1. XII 1921 г.»⁹⁰ (речь шла о работниках подмосковной электростанции). Несмотря на энергичные ленинские распоряжения, не все получилось с электричеством. Например, Ленин писал о линии электропередач от Каширской электростанции: «Я лично видел, что столбы-“виселицы” по Каширской дороге уже валяются на землю. Работа плохая. Не будет ли из-за этого смертельных случаев?»⁹¹.

Кроме решения топливной проблемы, Ленин нашел и другое применение торфу: «Я решительно против *всякой* траты картофеля на спирт. Спирт можно (это уже доказано) и должно делать из *тор-*

фа. Надо это производство спирта развить»⁹². Однако «теперь выяснилось, что вопрос о производстве спирта из торфа окончательно не решен», «нельзя еще говорить о массовом производстве спирта из торфа», – сетовал Ленин. Поэтому он решил принять «все меры к тому, чтобы всячески ускорить пуск в ход опытного завода для производства спирта из торфа», поскольку то, «что касается предложения... о том, чтобы крестьянам платить за картофель спиртом, я возражаю категорически»⁹³.

По словам Д. Д. Галковского, «по мысли Ленина, теория торфоразработок должна была стать общеобязательным предметом не только в институтах, но и во всех средних школах. В торфе привлекала наглядность: из гнилой земли – электричество. Идея торфоразработок была идеей-фикс свихнувшегося журналиста. В стране с богатейшими запасами угля и нефти предполагалось перейти на наименее калорийное топливо»⁹⁴. Ленин отметал все «насмешки над фантастичностью плана [электрификации], вопросы насчет газификации и пр.». Он утверждал, что «надо научиться ценить науку, отвергать “коммунистическое” чванство дилетантов и бюрократов»⁹⁵. Известна картина советского художника «Ленин у карты ГОЭЛРО», т. е. у плана электрификации. Возникает вопрос, почему ни один советский художник не нарисовал картину «Ленин и торфосос»?

Последствием ленинской «науки» стали лесные пожары в Подмосковье летом 2010 г. Дело в том, что, по словам главы Института водных проблем РАН академика В. И. Данилов-Данильяна (бывшего министра охраны окружающей среды РФ), пожары возникли по причине уничтожения торфяных болот. Академик назвал главными виновниками возникновения лесных пожаров советские власти, осушавшие болота. По его словам, приемники Ленина осушали торфяные болота для получения из них топлива (торфа), освоения территорий под сельскохозяйственные угодья, а также по идеологическим причинам: «Хотя бы потому, что на них (болотах. – В. Р.) невозможно было построить советскую власть. Комары, гадюки, лягушки – “реакционные” существа. На такой территории ни политинформации, ни партсобрания не проведешь». По его словам, эти действия советских властей привели к нару-

шению экологического баланса, уничтожению целых экосистем, а главное, загнали россиян в ловушку. Теперь, по словам Данилова-Данильяна, компенсировать количество откачанной из болот влаги будет чрезвычайно трудно: «При средней глубине болот, положим, метр (некоторые менее глубокие, некоторые намного глубже) в них содержалось не менее тысячи кубокилометров воды, то есть в разы больше, чем за год несла в море Волга, больше, чем несут в море все реки европейской части России. Сколько торфяников осушено, сколько потеряли воды не вполне осушенные, сколько и где ее осталось и каков ее режим в нынешних торфяных болотах – неведомо». По предварительным оценкам, ущерб от аномальной жары и вызванных ей торфяных пожаров составил в 2010 г. для российской экономики не менее 450 миллиардов рублей. При этом стоимость Федеральной целевой программы по обводнению осушенных болот может составить около 20–25 миллиардов рублей⁹⁶. Такова, так сказать, цена торфососа. За ленинскую любовь к «науке» Россия еще долго будет расплачиваться.

Но у Ленина были и другие способы борьбы с топливным голодом. Так, в октябре 1919 г. он писал Г. Е. Зиновьеву в Петроград: «Говорят, сланцы под Веймарном неглубоки. Снять 2–3 сажени земли и можно экскаватор пустить, который будет массу сланцев ломать и давать. Надо напрячь силы; мобилизовать туда буржуазию (в землянках поживут); работать 3 смены по 8 часов; вызвать подъем рабочих в Питере на это дело; мобилизовать крестьян (4 часа в день на две недели *для начала и т. п.*)»⁹⁷. Тогда же Ленин отдал распоряжение коменданту Кремля П. Д. Малькову: «Шпалы, имеющиеся в Кремле и употребляемые в качестве топлива, использовать для подъездных путей для постройки рабочих поселков и водокачки. Вместо шпал... заготовить топливный материал путем слома ветхих строений»⁹⁸.

Можно привести примеры и других оригинальных мыслей Ленина о решении топливного вопроса. Так, 20 мая 1921 г. он написал распоряжение в Президиум Высшего совета народного хозяйства «Об использовании подъемников города Москвы и других больших городов для рудничных надобностей каменноугольной промышленности в горнотехническом отделе Главугля»; «Об ис-

пользовании лифтов для Донбасса», «отнять все лишнее... для помощи горному делу». Однако распоряжение Ленина выполнялось плохо: «практически ровно ничего не сделано», «назначить ответственное лицо», «наказать за волокиту»⁹⁹. Эта история имела неожиданное продолжение. В 1921 г. Ленин писал: «Мне сообщили, что лифт не будет действовать 20, 21, 22 сентября. Это верх безобразия. Есть люди с большим сердцем, коим подъем вреден и опасен. (Ленин всегда заботился о людях, живущих в Кремле. – В. Р.) Я тысячу раз поручал следить за лифтом, назначив ответственное лицо. Объявляю строгий выговор, поручаю установить виновных в непредупреждении вовремя; сообщите список ответственных лиц еще раз, меры взыскания им»¹⁰⁰. Наверное, «наказание за волокиту» подействовало на «ответственное лицо» и лифты отправили на шахты в Донбасс. Интересно, убрали ли все лифты из московских домов и из Кремля тоже? А если убрали, то как лифты помогли «угледобыче»? Или Ленин «позабыл» о своем майском распоряжении? К большому сожалению, составители примечаний к полному собранию сочинений ответов на эти вопросы не дали.

Однако ни торфосос, ни другие ленинские «инновации» не дали ожидаемого эффекта. Пришлось возвратиться к веками проверенному топливу – дровам и опробованному способу – их заготовке посредством трудовинности. В феврале 1921 г. Ленин заявил: «Несомненно, что до окончания сплава мы из топливного кризиса не выйдем»¹⁰¹. В конце декабря 1921 г. Ленин отметил, что «к дровяной работе наших топливных учреждений мы за отчетный год относились очень внимательно». Несмотря на особое внимание партии и правительства «к дровяной работе», топливный кризис существенно тормозил «строительство социализма»: «Предлагаю немедленно развить исключительную энергию помощи лесным органам по выполнению заданий на усиленную вывозку и заготовку дров и лесоматериалов в ударные зимние месяцы, усилив волостные отделы труда по проведению выполнения населением возложенных на них норм лесозаготовок и вывозки в порядке трудгужповинности и трудгужналога»¹⁰². С 1 октября 1921 г. Ленин объявил приказ Совета труда и обороны по проведению «трехнедельника» с целью «вывозки заготовленного топлива

из лесу до установления санного пути»; «все силы и средства на достижение этой цели». При этом предполагалась «персональная ответственность за энергичное выполнение объявляется предгубисполкома, предгублескома и предгубчека в советском и партийном порядке»¹⁰³.

Ленин точно объяснил интерес к дровам и лесному фонду страны в телеграмме «всем лескомам и губчека»: «Несмотря на постоянные напоминания ЦУЛП лескомы продолжают задерживать отчетность о ходе своих работ или доставляют таковую не по форме или в неполном виде... отсутствие точных сведений о пополнении дровяного фонда сильно затрудняет планово-распределительную работу центра и тяжело отражается на всех отраслях народного хозяйства, ибо дровяное топливо есть основа работы всей госпромышленности и желдором, а лесоматериалы, кроме удовлетворения острых внутренних нужд страны, служат реальным базисом для внешнего товарообмена, без коего невозможно экономическое возрождение Республики». При этом Ленин предписывал «всем губчека проследить за точным соблюдением установленных ЦУЛП сроков и форм»¹⁰⁴.

Интерес к лесу вполне объясним. Как известно, продажа леса была и остается важной статьёй российского экспорта. Лес в России служил традиционным строительным материалом, из дерева изготавливалась большая часть предметов, используемых в повседневной жизни. В нижеследующем распоряжении Ленина об использовании деревянных гвоздей также проявились «случайности и закономерности» социалистического строительства: «В распределении газет (речь шла об «Известиях ВЦИК» и «Правде». – *В. Р.*)... мы отменили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму. Но капитализм нельзя убить сразу. Он возрождается в виде “совбутов”, советской бюрократии, которая под разными предлогами захватывает газеты»; «Представим себе, что мы научились делать не только “первый шаг от капитализма к коммунизму”, но и второй и третий шаг. Представим себе, что мы научились распределять правильно по 3 экземпляра газет на каждую библиотеку и читальню, из них 2, допустим, на “расклейку” (предполагая, что мы сделали четвертый шаг от капитализма к коммунизму, я допу-

скаю, решаюсь допустить, что вместо варварской “расклейки”, портящей газету, мы прибываем ее деревянными гвоздями – железных нет, железа и на “четвертом шаге” у нас будет нехватка! – к гладкой доске, чтобы было удобно читать и чтобы сохранялась газета)»¹⁰⁵.

Можно привести и другой пример «инновационного» подхода к использованию лесного материала. В августе 1919 г. он написал распоряжение: «Сообщите в *Научно-пищевой* институт, что через 3 месяца они должны представить *точные и полные* данные о *практических* успехах выработки сахара из опилок»¹⁰⁶. В октябре 1919 г. он писал Зиновьеву: «Говорят, Жук¹⁰⁷ (убитый) делал сахар из опилок? Правда это? Если правда, надо обязательно *найти его помощников*, дабы продолжить дело. *Важность гигантская*»¹⁰⁸. Составители примечаний к этим ленинским документам отмечали: «к вопросу получения сахара из опилок Ленин обращался неоднократно». Однако надоумил Ленина Л. Б. Красин. Он написал Ленину «записку, в которой сообщил, что из одного пуда опилок можно получить 18 фунтов сахара. В ответной записке Ленин писал: “Невероятно: на 1 пуд – 18 фунтов!! 45 %??? Содержание сахара?%?”». Но накормить советских людей «сахаром из опилок» все-таки не удалось. Однако «способ получения глюкозы, маннозы, этилового спирта и т. д. путем гидролиза древесины получил в Советском Союзе за годы Советской власти широкое распространение»¹⁰⁹. Зато получилось напоить водкой из древесного спирта.

О еще одном способе использования лесного фонда и о том, как Ленин предлагал решать проблему топлива, свидетельствуют нижеследующие документы. Они представляют собой Постановление СНК о сборе «шишечного топлива», а также разъяснения, т. е. инструкции учреждениям, которые этим займутся. Сведений о том, как «проводились в жизнь» решения «партии и правительства», выявить не удалось. Возможно и то, что «шишечный сбор» вообще не проводился. Ленин признавал в 1921 г.: «В Смольном (в 1917–1918 гг. – *В. Р.*) мы калякали о принципах и, несомненно, больше чем следовало. Теперь, после трех лет, по всем пунктам производственного вопроса... есть декреты, – такая печальная штука эти декреты, – которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются»¹¹⁰.

Необходимо сказать и о некоторых других лицах, подписавших указанные документы. Нарком труда Шмидт по какой-то причине одно из распоряжений не подписал, его подписал заместитель наркома А. М. Аникст. В. А. Антонов-Овсеенко подписал документ в качестве заместителя председателя ГКТ. Он был членом Реввоенсовета, одним из ближайших помощников Троцкого. В 1921 г. руководил, наряду с М. Н. Тухачевским, кровавым подавлением Тамбовского восстания. Вызывает некоторое удивление подпись под одним из распоряжений А. В. Луначарского. Дело в том, что в «шишечном сборе» предполагалось использовать детский труд, привлекать школьных работников, а Луначарский, как известно, являлся наркомом просвещения. Этот «культурный большевик» также был причастен к эксплуатации принудительного труда. Например, Ленин в марте 1920 г. указывал Луначарскому организовать детские концлагеря: «Под Питером взять ряд монастырей для помещения дефективных и *беспризорных* детей и подростков»¹¹¹. А 18 января 1920 г. Ленин предлагал Луначарскому «создать словарь *настоящего* русского языка», для чего надо было «посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек»¹¹².

Следует сказать и о том, что распоряжения опубликованы со множеством ошибок, опечаток, каких в тексте автором статьи было выявлено немало. Это говорит о небрежности ранних издателей ленинских декретов. Кстати, на это обстоятельство обращал внимание и Ленин. Например, он писал В. В. Воровскому по поводу издания брошюры «III Интернационал. 6–7 марта 1919»: «Брошюра издана отвратительно. Это какая-то пачкотня. Нет оглавления. Какой-то идиот или неряха, очевидно безграмотный, собрал, точно в пьяном виде, все “материалы”, статейки, речи и *в беспорядке* напечатал», «великое историческое событие опозорено подобной брошюрой». Ленин писал: «Я объявляю *строгий выговор* за подобное издание» и «требовал» «исправления путем вклейки. (Винных засадить в тюрьму и заставить вклеивать во все экземпляры»¹¹³.) Очевидно, что до такой «пачкотни», как «Известия ГКТ», руки у Ленина не дошли. Оглавление в журнале присутствует. Редактора не пришлось «засаживать в тюрьму», чтобы он «вклеивал во все экземпляры» журнала ГКТ. Тексты распоряжений приведены в соответствии с правилами современной орфографии.

РАСПОРЯЖЕНИЯ СОВНАРКОМА И ДРУГИХ ОРГАНОВ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О ПРОВЕДЕНИИ ТРУДОВОЙ
ПОВИННОСТИ ДЛЯ СБОРА ШИШЕЧНОГО ТОПЛИВА

14, 20, 22 сентября 1920 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета Народных Комиссаров о шишечном сборе

В целях использования оставшегося до выпадения снегов времени для сбора шишечного топлива, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. В местностях, имеющих хвойные леса, привлечь к работам по сбору шишечного топлива детей школьного возраста и трудоспособные элементы населения в возрасте более 40 лет для женщин и 50 лет для мужчин.

2. Порядок привлечения населения к добыче шишечного топлива определяется особой инструкцией, вырабатываемой Главкомтрудом и Москомтрудом ¹¹⁴ при участии представителей заинтересованных ведомств.

Председатель Совета Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета народных Комиссаров:

Бонч-Бруевич

14/IX – 20 г.

Секретарь: Л. Фотиева

**О проведении сбора шишечного топлива в осенний период
1920 г. (В развитие Постановления СНК от 14/IX – 20 г.)**

1. Сбор шишечного топлива в течение текущей осени производится по губерниям: Вятская, Вологодская, Пермская, Олонецкая, Череповецкая, Тихвинская, Новгородская, Петроградская, Псковская, Тверская, Рыбинская, Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская, Московская, Владимирская, Егорьевская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Брянская, Орловская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Ветлужская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Витебская, Гомельская, Черниговская, Харьковская, Киевская и Екатеринбургская.

2. К сбору шишечного топлива привлекаются: а) дети в возрасте от 13–18 лет, б) мужчины в возрасте 50–55 лет, в) женщины в возрасте 40–45 лет.

Примечание 1-е: Дети-школьники идут в лес для сбора шишек вместе со школьными руководителями и осуществляют эту работу в виде образовательных экскурсий. Дети внешкольные, составляя отдельные от школьных детей группы, получают в руководители для отправления в лес на сбор шишек лицо по назначению местных Исполкомов.

Примечание 2-е: В отношении указанных в п. 2 возрастных категорий действуют общие правила охраны труда и здоровья малолетнего и старого населения. Проведение этой формы общественного труда подлежит контролю Инспекций Труда и школьных руководителей.

3. За время от 25 сентября до 1-го ноября текущей осени перечисленные категории населения работают по сбору шишечного топлива не меньше 20 рабочих дней, в случае неблагоприятных климатических условий (проливные дожди и т. п.) число рабочих дней соответственно сокращается.

4. Продолжительность рабочего дня определяется для населения старше 40 лет (женщин) и 50 лет (мужчин) в 6 часов, для детей 13–15 лет – 4 часа, 15–16 лет – 5 часов, 16–18 лет – 6 часов.

Примечание 1-е: За рабочие часы считается лишь то время, которое действительно посвящено сбору топлива; время, затрачиваемое на передвижение к месту сбора и обратно, равно на перерыв для питания и др. занятий, в рабочие часы не зачисляется.

Примечание 2-е: Время, затрачиваемое сборщиками на ходьбу до места сбора, засчитывается из расчета 20 минут на версту и оплачивается по минимальным тарифным ставкам для данной местности.

5. Лескомы обязаны снабжать сборщиков корзинами, мешками и пр. инструментами сбора шишечного топлива. Лица, представляющие собственные орудия сбора, получают премию, устанавливаемую местными органами Главлескома, совместно с заинтересованными учреждениями.

6. Собираемое в лесу шишечное топливо сносится сборщиками на ближайшие склады (именуемые складами 1-й зоны) и сдается представителям Лескомов.

Примечание 1-е: Расстояние от места сбора шишек до склада 1-й зоны не должно превышать полверсты.

Примечание 2-е: При переносе шишечного топлива должны соблюдаться установленные Наркомтрудом для малолетних и подростков нормы.

7. Организация сбора и ответственность за техническое руководство возлагается на Лескомы.

8. Органами Главлескома отчетность по производственным [вероятно опечатка. – произведенным? – В. Р.] работам ведется по принятой для первомайского субботника по 7-мидневному периодом и предоставляется Комтрудам ¹¹⁵. За нехозяйственное использование рабсилы Комтруды привлекают уполномоченных Лескомов к ответственности.

9. Работа по сбору шишечного топлива оплачивается деньгами и натурой по следующей норме: за сбор 150 пуд. шишек уплачивается сборщикам, как за изготовку одного куба 12-ти верхковых дров в данном месте, плюс как за вывозку полкуба дров с 10 верстного расстояния. Время, затрачиваемое сборщиками на ходьбу до места сбора, засчитывается из расчета 20 мин на версту и оплачивается по минимальной тарифной ставке для данной местности.

10. За уклонение от выполнения работы по шишечному сбору виновные несут ответственность, согласно существующим установлениям.

Зам. Предглавкомтруд Антонов-Овсеенко.

За Народного Комиссара Труда Аникст.

Народный Комиссар Просвещения Луначарский.

«Известия ВЦИК», № 210 от 22/IX.

О шишечном сборе

Совнарком 14 сентября постановил привлечь население к трудовой повинности, сбору хвойных шишек. Снести с лескомами об организации. Привлеките детей от 13 лет, женщин от 40 лет, мужчин от 50 лет. До конца октября каждый привлеченный работает по сбору шишек 20 дней. Плата по нормам лескомов. Организуйте дело немедленно под личную ответственность председателя Комтруда № 1943 ¹¹⁶.

20 сентября.

Зампредглавкомтруда Антонов-Овсеенко

Известия Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности. М., 1920, сентябрь. № 6. С. 19–20.

---

¹ Государственный архив Воронежской области. Ф. 2256. Борисоглебский концлагерь. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

² *Ленин В. И.* Собрание актива Московской организации РКП (б) // Полное собрание сочинений : 55 т. М.: Издательство политической мысли, 1967–1981. 1974. Т. 42. С. 56.

³ *Де ла Вега Инка Гарсиласо.* История государства инков. Л., 1974. С. 280–281.

⁴ Известия Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920, март. № 1. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ *Ленин В. И.* Телеграмма В. В. Шмидту 18 февраля 1921 г. // Указ. соч. Т. 52. С. 74.

⁸ *Ленин В. И.* Примечания // Там же. С. 368.

⁹ *Ленин В. И.* Указ. соч. Т. 34. С. 193–194.

¹⁰ Известия ГКТ. 1920, март. № 1. С. 4.

¹¹ *Ленин В. И.* Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах // Указ. соч. Т. 35. С. 175.

¹² *Ленин В. И.* Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Указ. соч. Т. 36. С. 54.

¹³ *Ленин В. И.* Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Там же. С. 144.

¹⁴ *Ленин В. И.* Проект программы РКП (б) // Указ. соч. Т. 38. С. 99.

¹⁵ *Ленин В. И.* Телеграмма Б. С. Вейсброду // Указ. соч. Т. 51. С. 87.

¹⁶ *Ленин В. И.* Тезисы о производственной пропаганде (черновой набросок) // Указ. соч. Т. 42. С. 16.

¹⁷ *Ленин В. И.* Г. М. Кржижановскому // Указ. соч. Т. 52. С. 38.

¹⁸ *Ленин В. И.* Телеграмма Самарскому губисполкому // Указ. соч. Т. 51. С. 177.

¹⁹ *Ленин В. И.* Телеграмма Л. Д. Троцкому; Телеграмма Н. Н. Кузьмину // Там же. С. 153, С. 154–155.

²⁰ *Ленин В. И.* Телеграмма Н. Осинскому // Там же. С. 38.

²¹ *Ленин В. И.* Речь на III Съезде рабочих текстильной промышленности 19 апреля 1920 г. // Указ. соч. Т. 40. С. 321.

²² *Ленин В. И.* Речь на заседании Московского совета 6 марта 1920 г. // Там же. С. 199.

²³ *Ленин В. И.* IX Съезд РКП (б) // Там же. С. 248.

²⁴ *Ленин В. И.* Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 г. // Там же. С. 107.

²⁵ *Ленин В. И.* Речь на III Всероссийском съезде народного хозяйства // Там же. С. 79.

²⁶ *Ленин В. И.* Беседа с корреспондентом «The World» Линкольном Эйром 21 февраля 1920 г. // Там же. С. 155.

²⁷ Известия Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920, март. № 1. С. 4.

²⁸ *Ленин В. И.* VIII Всероссийский съезд Советов // Указ. соч. Т. 42. С. 161.

- ²⁹ Ленин В. И. Речь об организации профессионального союза сельскохозяйственных рабочих // Указ. соч. Т. 38. С. 22.
- ³⁰ Ленин В. И. Три речи на Красной площади 1 мая 1919 г. // Там же. С. 325.
- ³¹ Известия Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920, март. № 1. С. 4.
- ³² Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП (б) // Указ. соч. Т. 42. С. 73.
- ³³ Известия Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920, март. № 1. С. 4.
- ³⁴ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов // Указ. соч. Т. 42. С. 147.
- ³⁵ Ленин В. И. Речь на совещании по партийной работе в деревне // Указ. соч. Т. 39. С. 312.
- ³⁶ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов // Указ. соч. Т. 42. С. 146.
- ³⁷ Ленин В. И. Московская губернская конференция РКП(б) // Там же. С. 36.
- ³⁸ Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП (б) // Там же. С. 77.
- ³⁹ Ленин В. И. V съезд РСДРП // Указ. соч. Т. 15. С. 341.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского совета // Указ. соч. Т. 42. С. 363.
- ⁴¹ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов // Там же. С. 139.
- ⁴² Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Указ. соч. Т. 36. С. 189.
- ⁴³ Ленин В. И. Московская губернская конференция РКП(б) // Указ. соч. Т. 42. С. 35.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Ф. А. Ротштейн // Указ. соч. Т. 51. С. 239.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. // Указ. соч. Т. 42. С. 43.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Доклад на общем собрании коммунистов Замоскворечья 29 ноября 1920 г. // Там же. С. 48.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Речь на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г. // Там же. С. 349.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Бакурской волостной организации РКП(б) // Указ. соч. Т. 52. С. 52.
- ⁴⁹ Ленин В. И. А. Д. Цюрупе // Указ. соч. Т. 54. С. 172–174.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского совета // Указ. соч. Т. 42. С. 360.
- ⁵¹ Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП (б) // Там же. С. 83.
- ⁵² Ленин В. И. Речь на IV съезде рабочих швейной промышленности // Там же. С. 311.
- ⁵³ Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского совета // Там же. С. 358.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Собрание актива Московской организации РКП (б) // Там же. С. 58.
- ⁵⁵ Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) // Указ. соч. Т. 39. С. 346.

- ⁵⁶ Там же. С. 359.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Проект постановления топливной комиссии Совета обороны // Указ. соч. Т. 54. С. 408.
- ⁵⁸ Ленин В. И. На борьбу с топливным кризисом // Указ. соч. Т. 39. С. 307.
- ⁵⁹ Там же. С. 306.
- ⁶⁰ Там же. С. 357.
- ⁶¹ Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП (б) // Указ. соч. Т. 39. С. 359.
- ⁶² Ленин В. И. Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду // Указ. соч. Т. 40. С. 321.
- ⁶³ Ленин В. И. Письмо о нефтяных концессиях // Указ. соч. Т. 42. С. 334.
- ⁶⁴ Ленин В. И. Речь на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г. // Там же. С. 348.
- ⁶⁵ Ленин В. И. Э. М. Склянскому // Указ. соч. Т. 52. С. 67.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Речь на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г. // Указ. соч. Т. 42. С. 349.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского совета // Там же. С. 364.
- ⁶⁸ Там же. С. 358.
- ⁶⁹ Там же. С. 360.
- ⁷⁰ Ленин В. И. Отделу топлива Московского Совета Депутатов трудящихся // Указ. соч. Т. 51. С. 216.
- ⁷¹ Ленин В. И. А. Д. Цюрупе // Указ. соч. Т. 54. С. 172.
- ⁷² Ленин В. И. Телеграмма всем губисполкомам, гублескомам, желескомам, уполномоченным совтрудобороны по топливу 24 ноября 1920 г. // Указ. соч. Т. 52. С. 299.
- ⁷³ Ленин В. И. Членам Совета Обороны // Указ. соч. Т. 40. С. 81.
- ⁷⁴ Ленин В. И. Телеграмма Реввоенсовету 1 Трудовой армии // Указ. соч. Т. 51. С. 124.
- ⁷⁵ Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. Выступление на совещании беспартийных делегатов съезда 26 декабря 1921 г. // Указ. соч. Т. 44. С. 331–332.
- ⁷⁶ Там же. С. 332.
- ⁷⁷ Ленин В. И. Г. М. Кржижановскому // Указ. соч. Т. 51. С. 105.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Речь на III Съезде рабочих текстильной промышленности // Указ. соч. Т. 40. С. 322–323.
- ⁷⁹ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов // Указ. соч. Т. 42. С. 152.
- ⁸⁰ Там же. С. 153.
- ⁸¹ Ленин В. И. Н. П. Горбунову // Указ. соч. Т. 53. С. 163.
- ⁸² Ленин В. И. И. И. Радченко // Указ. соч. Т. 52. С. 261.
- ⁸³ Там же. С. 260.
- ⁸⁴ Ленин В. И. А. И. Рыкову и И. И. Радченко 28 октября 1920 г. // Указ. соч. Т. 51. С. 318–319.
- ⁸⁵ Ленин В. И. Э. М. Склянскому // Указ. соч. Т. 52. С. 230.
- ⁸⁶ Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов // Указ. соч. Т. 42. С. 159.
- ⁸⁷ Там же. С. 160.

- ⁸⁸ Ленин В. И. В малый Совнарком // Указ. соч. Т. 52. С. 18.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Н. П. Горбунову // Указ. соч. Т. 53. С. 163.
- ⁹⁰ Ленин В. И. Г. М. Кржижановскому // Указ. соч. Т. 52. С. 293.
- ⁹¹ Ленин В. И. Г. Д. Цюрупе // Там же. С. 233.
- ⁹² Ленин В. И. Записка Н. П. Гобунову и письмо А. С. Киселеву // Указ. соч. Т. 53. С. 184.
- ⁹³ Ленин В. И. А. С. Киселеву // Там же. С. 242.
- ⁹⁴ Галковский Д. Д. Бесконечный тупик // Виртуальный сервер Дмитрия Галковского. 1997. URL: <http://www.samisdad.com/3/31-bt.htm> (дата обращения: 10 ноября 2012 г.).
- ⁹⁵ Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане // Указ. соч. Т. 42. С. 344.
- ⁹⁶ См.: Глава Института РАН обвинил в природных пожарах советскую власть // Лента.ру. Мир. 11 августа 2010 г. URL: <http://lenta.ru/news/2010/08/11/figes/> (дата обращения: 10 ноября 2012 г.).
- ⁹⁷ Ленин В. И. Г. Е. Зиновьеву // Указ. соч. Т. 51. С. 73–74.
- ⁹⁸ Ленин В. И. Телефонограмма П. Д. Малькову // Там же. С. 138.
- ⁹⁹ Ленин В. И. В президиум ВСНХ // Указ. соч. Т. 52. С. 201–202.
- ¹⁰⁰ Ленин В. И. И. И. Мирошникову // Указ. соч. Т. 53. С. 205.
- ¹⁰¹ Ленин В. И. Речь на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г. // Указ. соч. Т. 42. С. 349.
- ¹⁰² Ленин В. И. Телеграмма всем губисполкомам, всем губэкозо // Указ. соч. Т. 54. С. 339.
- ¹⁰³ Ленин В. И. Проект телеграммы об организации трехнедельника по вывозке дров и поручение секретарю // Указ. соч. Т. 53. С. 219–220.
- ¹⁰⁴ Ленин В. И. Телеграмма всем лескомам и губчека // Там же. С. 264–265.
- ¹⁰⁵ Ленин В. И. О работе Наркомпроса // Указ. соч. Т. 42. С. 330–331.
- ¹⁰⁶ Ленин В. И. Записка секретарю // Указ. соч. Т. 51. С. 38–39.
- ¹⁰⁷ И. П. Жук – «анархист, в 1909 г. был приговорен к смертной казни, заменной бессрочной каторгой... освобожден Февральской революцией. ...Во время наступления Юденича на Петроград – член совета Карельского сектора обороны, особый уполномоченный Петроградского комитета обороны» [Примечания] // Указ. соч. Т. 51. С. 495–496.
- ¹⁰⁸ Ленин В. И. Г. Е. Зиновьеву // Там же. С. 74.
- ¹⁰⁹ Ленин В. И. Примечания // Там же. С. 382.
- ¹¹⁰ Ленин В. И. О профессиональных союзах // Указ. соч. Т. 42. С. 206–207.
- ¹¹¹ Ленин В. И. А. В. Луначарскому // Указ. соч. Т. 51. С. 174.
- ¹¹² Ленин В. И. А. В. Луначарскому // Там же. С. 121–122. Интересно отметить, что Ленин писал по поводу составления нового словаря следующее: «недавно мне пришлось – к сожалению и стыду моему, впервые, – ознакомиться со знаменитым словарем Даля», «великолепная вещь». [Там же. С. 121.]
- ¹¹³ Ленин В. В. Воровскому 24 октября 1919 г. // Там же. С. 70–71.
- ¹¹⁴ Московский филиал ГКТ.
- ¹¹⁵ О каких нормах идет речь, неясно.
- ¹¹⁶ Речь идет, вероятно, о какой-то инструкции местным филиалам ГКТ.

НАЧАЛО ВОРОНЕЖСКОГО СРАЖЕНИЯ

Воронежское сражение представляло собой комплекс оборонительных и наступательных операций на Воронежском направлении и непосредственно в районе Воронежа в период с 28 июня 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Начальным этапом Воронежского сражения были боевые действия на дальних подступах к Дону и Воронежу в течение 28 июня – 4 июля 1942 г. Результаты этой борьбы во многом определили дальнейший ход и исход оборонительного сражения за Воронеж и Дон и условия начала великой Сталинградской битвы.

Сражение на дальних подступах к Воронежу, а следовательно, и начало Воронежского сражения до последнего времени оставалось недостаточно изученным. В советской историографии ему уделялось незначительное внимание, что во многом объяснялось соответствующими идеологическими установками и ограниченностью источниковой базы изучения темы. Имело место даже смещение хронологии событий (например, в работах М. И. Казакова) и уклонение от рассмотрения начального этапа сражения за Воронеж (в книгах А. И. Гринько) ¹.

Переосмысление истории боевых действий на Воронежском направлении началось только на рубеже XX–XXI вв. Возможно поэтому даже в новых и ценных официальных российских очерках по истории Великой Отечественной войны на двух страницах допущено сразу несколько фактических ошибок ². Не свободны от пробелов и неточностей и небольшие специальные работы об оборонительных боях на Воронежском направлении в июне – июле 1942 г., в том числе и ценная публикация М. Коломийца и А. Смирнова. В заслугу авторам следует поставить, прежде всего, новые материалы о танковых соединениях и объединениях, участвовавших в этих боях, и критический пересмотр ряда устаревших сведений и оценок ³.

Новые факты и источники по данной теме ввели в научный оборот и воронежские историки С. И. Филоненко, С. В. Маркова и другие исследователи, в том числе автор этих строк ⁴.

Большое внимание боевым действиям на дальних подступах к Воронежу уделено в первой специальной монографии автора о Воронежском оборонительном сражении ⁵. Возвратив в научный обиход забытый термин В. П. Морозова, автор книги дал свою периодизацию и концепцию этого сражения. В монографии указано, что его первый этап (конец июня 1942 г.) был началом сражения на дальних подступах к Дону, второй этап (начало июля) – его апогеем, а события 3 июля стали переходом к боям на ближних подступах к Воронежу.

Данная статья является первым специальным исследованием боев на дальних подступах к Дону и Воронежу в течение 28–29 июня 1942 г. как начального этапа Воронежского сражения. Автор стремился более полно и во многом по-новому осветить ход военных событий на Воронежском направлении в этот период, критически проанализировать их предпосылки и дать взвешенную оценку итогов и значения начального этапа сражения за Воронеж, избегая при этом нигилистических и апологетических крайностей в трактовке рассматриваемых военно-исторических событий.

Наступление войск группы армий «Юг» на Воронежском направлении было первым этапом стратегического летнего наступления вермахта на Восточном фронте. После разгрома советских войск западнее Дона и захвата Воронежа немецкие войска должны были повернуть на юг и, наступая вдоль правого берега Дона, выйти в район Сталинграда. Конечной и главной целью операции «Блау» был прорыв на Кавказ и захват основных нефтяных источников СССР ⁶.

Наступление на Воронеж готовилось с марта 1942 г. и было одной из наиболее подготовленных операций вермахта в ходе Второй мировой войны. На Воронежском направлении наступали три армии армейской группы «Вейхс» (немецкие 2-я полевая и 5-я танковая и 2-я венгерская армии), а южнее частью сил им помогали войска 6-й армии Паулюса, наступавшие на Острогожском направлении. Для авиационной поддержки операции «Блау» выделялись основные силы 4-го воздушного флота Германии. В первом эшелоне ударной группировки Вейхса, развернутой к востоку от Курска, были сосредоточены 13 дивизий (из них 6 танковых и моторизо-

ванных), а во втором – еще 6 дивизий (5 пехотных и 1 танковая)⁷. Танковая группировка противника (4-я танковая армия Гота и 23-я танковая дивизия 40-го тк 6-й армии Паулюса), предназначенная для наступления на Воронежском направлении, насчитывала свыше тысячи танков и САУ⁸.

Ударной группировке Вейхса противостояли войска левого крыла Брянского фронта: 40-я армия М. А. Парсегова и левофланговые соединения 13-й армии Н. П. Пухова – всего до 12 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады. В резерве командующего фронтом Ф. И. Голикова в глубине обороны на Воронежском направлении, в районе Касторного и к северу от него, располагались 2 танковых корпуса (1-й и 16-й тк М. Е. Катукова и М. И. Павелкина) и 2 отдельные танковые бригады (115-я и 116-я тбр), имевшие около 500 танков.

В течение почти всей весны войска Брянского фронта готовились к проведению наступательных операций на Курском и Орловском направлениях и лишь с конца мая перешли к обороне. Из захваченных 19 июня в результате инцидента с майором Рейхелем немецких документов по планированию операции «Блау-1» советскому командованию стало известно о подготовке удара 4-й ТА на Воронеж и крупного окружения западнее Старого Оскола.

Однако И. В. Сталин не придал этой важной информации о замыслах противника должного значения⁹. Тем не менее, было на время усилено внимание к обороне Воронежского направления. После того как противник отложил начало наступления на Воронеж на несколько дней, Верховный Главнокомандующий приказал командующему Брянским фронтом подготовить к 5 июля 1942 г. наступательную операцию на Орловском направлении. К 2–3 часам 28 июня были подготовлены первые наброски плана освобождения Орла. Однако на рассвете этого воскресного дня войска АГ «Вейхс» начали главную летнюю операцию 1942 года, нанося удары из района Щигров на восток в направлениях на Касторное и Горшечное.

Передний край обороны войск правого крыла 40-й армии точнее Щигров проходил к западу от реки Тим. Южнее Щигров соединения ее левого крыла занимали передовые оборонительные

позиции к юго-западу от города Тим. До Воронежа отсюда было около 150 километров – 4–5 часов хода на танке по хорошей дороге (шоссе). В условиях развернувшихся в конце июня – начале июля 1942 г. напряженных боев на дальних подступах к Воронежу передовым частям 4-й ТА противнику потребовалось около недели для преодоления сопротивления войск 40-й армии и выхода к Дону.

С утра 28 июня передовые батальоны войск АГ «Вейхс» приняли боевую разведку на широком 100-километровом фронте от Сетенева (30 км западнее г. Ливны) на севере до Рождественское на юге (ныне Рождественка в 15 км западнее г. Тим). В 10 часов после мощной артиллерийской и авиационной подготовки в наступление на Воронеж перешли главные силы трех армий группы Вейхса. Обеспечив подавляющее превосходство в силах и средствах на направлении главного удара, немецкие войска к полудню прорвали передний край обороны на стыке 13-й и 40-й армий, а к исходу дня главную полосу обороны на Касторненском и Горшеченском направлениях ¹⁰.

Танки и мотопехота левофлангового 24-го танкового корпуса 4-й ТА Гота, наступая на восток от г. Щигры вдоль железной дороги из Курска на Воронеж, вышли к станции Кшень (30 км западнее Касторного). К юго-востоку от Щигров части правофлангового 48 танкового корпуса Кемпфа, по данным боевого отчета Вейхса, продвинулись еще дальше на глубину до 50 километров от своих исходных позиций. Однако южнее центрального участка прорыва, в районе Соколя Плота (вероятно, современное Соколье в 15 км южнее Щигров – *В. Ш.*) и к северу от него в районе Кривцова Плота (ныне Кривцово-Плота в 30 км южнее г. Ливны – *В. Ш.*) и к юго-западу от города Ливны наступающие части 2-й немецкой и 2-й венгерской армий «встретили упорное сопротивление войск» 13-й и 40-й армий Брянского фронта, продолжавших отражать их атаки до самого вечера ¹¹. Несмотря на глубокий прорыв передовых частей 4-й танковой армии Гота, основные силы армейской группы Вейхса в течение первого дня Воронежского сражения смогли продвинуться вперед только на глубину от 5 до 15 километров. К исходу дня они вели бои в главной полосе обороны, на рубеже реки Тим.

В донесении Особого отдела Брянского фронта, переданном в ГКО и Генштаб в самом начале Воронежского сражения, были указаны следующие причины прорыва обороны 40-й армии в течение 28 июня 1942 г.: «Во-первых, советская авиация не уничтожила боевые порядки противника в момент прорыва переднего края. Во-вторых, за несколько дней до решительных боев на участке Брянского фронта 4-й танковый корпус был передан по указанию Ставки ВГК в состав Юго-Западного фронта, что лишило возможности своевременно отразить удар танковых колонн противника»¹².

Командование Брянского фронта признавало, что оно серьезно недооценило мощь танковой и авиационной группировок неприятеля, сосредоточенных для наступления из района Курска на Воронеж¹³. Только 8-й авиакорпус Рихтгофена в первый день операции «Блау» совершил около 1800 самолетовылетов на борьбу за господство в воздухе и поддержку наземных войск АГ «Вейхс»¹⁴.

Несмотря на тактическую внезапность первого мощного удара противника и явное неравенство сил, особенно на участке прорыва, первые защитники Воронежа оказывали стойкое, а местами и активное сопротивление продвижению немецких танков и мотопехоты 4-й ТА по направлению главного удара АГ «Вейхс», в день начала Воронежского сражения. За 28 июня части 160-й стрелковой дивизии 40-й армии отразили 5 сильных атак и вывели из строя 7 боевых машин противника¹⁵.

Полки соседней 121-й стрелковой дивизии П. М. Зыкова отошли к станции Кшень лишь после того, как немцы начали обходить ее с флангов. В боях в районе станции Мармыжи полковая батарея 76-мм артиллерийских орудий из 383-го СП 121-й сд уничтожила 6 вражеских танков. Еще 4 боевые машины противника метким огнем из ПТР подожгли отважные бронейщики этого полка Алиев, Заикин и Сидоров¹⁶. А 297-й артиллерийский полк подбил и уничтожил до трех десятков немецких танков и бронетранспортеров¹⁷. Отход 121-й сд вглубь обороны прикрывали танкисты 14-й танковой бригады. Несколько атак вместе с частями дивизии генерала Зыкова отразила 111-я стрелковая бригада. На подступах ко второму рубежу армейской обороны у реки Кшень и к югу от нее вступили в бой и другие соединения второго эшелона, в том числе

6-я стрелковая дивизия, не позволившие противнику вырваться на оперативный простор.

Командующий армейской группой «Вейхс» признавал, что оправившись от неожиданности, части Брянского фронта начали затем «оказывать все большее сопротивление» натиску его войск¹⁸. Он отмечал также, что во второй половине дня 28 июня деятельность советской артиллерии «в значительной степени возросла». По свидетельству командующего войсками ГА «Юг» Бока, советская авиация тоже не бездействовала и ее «регулярные бомбовые удары» изрядно досаждали войскам и тылам АГ «Вейхс».

На исходе первых суток операции «Блау» фельдмаршал Бок приказал командующему 4-й танковой армией генерал-полковнику Готу с утра следующего дня, 29 июня 1942 г., «всеми имеющимися силами наступать на Воронеж»¹⁹. Одновременно противник пытался расширить прорыв на центральном участке в сторону флангов.

Поскольку войска первого и второго эшелонов 40-й армии были уже втянуты в сражение на Воронежском направлении, Ф. И. Голиков решил ввести в бой за вторую полосу армейской обороны фронтовые резервы: две отдельные танковые бригады (115-ю и 116-ю тбр) и два танковых корпуса (1-й и 16-й тк). «Вечером 28 июня, – вспоминал бывший командир 1-го танкового корпуса М. Е. Катукон, – мы получили приказ генерала Голикова нанести контрудар во фланг и тыл вклинившимся частям противника с севера, из района Ливны, и во взаимодействии с 16-м танковым корпусом уничтожить его в междуречье Кшени и Тима»²⁰.

Однако осуществить контрудар двух танковых корпусов Брянского фронта по северному флангу армейской группы Вейхса в течение 29 июня вследствие трудностей с сосредоточением и быстро ухудшавшейся военной обстановки не удалось. Части 16-го тк во второй половине второго дня Воронежского сражения вынуждены были вместе со стрелковыми соединениями второго эшелона 40-й армии оборонять вторую полосу обороны на рубеже реки Кшень, а бригады 1-го тк начали изолированный контрудар лишь через день, 1 июля 1942 г.

Контрудар танковых корпусов Катукон и Павелкина с севера, к югу от г. Ливны, должен был в соответствии с ранее разрабо-

таннным планом использования фронтовых резервов дополняться танковым контрударом с юга, из района Старого Оскола. В связи с этим уже вечером 28 июня Ставка ВГК передала в распоряжение командующего Брянским фронтом два танковых корпуса (4-й и 24-й тк) с правого крыла соседнего Юго-Западного фронта С. К. Тимошенко. Но и они не успели прибыть в район Старого Оскола, на южный фланг 40-й армии, в указанный в директиве Ставки срок («не позднее утра 29 июня») и в боевых действиях в течение второго дня Воронежской оборонительной операции участия фактически не принимали. Ф. И. Голикову был подчинен также 17-й танковый корпус, который было приказано перебросить из района Воронежа в район Касторного ²¹.

В первой половине дня 29 июня ударная группировка АГ «Вейхс» не смогла развить прорыв на Воронеж из-за сильных ливней и раскисших дорог. К полудню погода улучшилась, и в 13 часов противник смог возобновить наступление по всему фронту. Получив указание об удержании занимаемых оборонительных позиций, соединения Брянского фронта продолжали упорно оборонять главную полосу обороны на левом фланге 13-й армии и на левом крыле 40-й армии и вторую полосу армейской обороны на рубеже Быково, река Кшень. Переданные на усиление 40-й армии 115-я и 116-я танковые бригады фронтового резерва по приказу командарма Парсегова были направлены из района Касторного на юго-запад, в район Быкова, для обеспечения отхода армейского КП и предотвращения прорыва танков и мотопехоты противника к Горшечному. Выход правофланговых соединений 4-й ТА Гота к участку железной дороги Горшечное – Старый Оскол мог привести к глубокому обходу левофланговых дивизий 40-й армии, продолжавших борьбу на первой полосе обороны далеко к западу от этого участка на рубеже г. Тим – г. Сейм к югу от Щигров. Однако к вечеру 29 июня явно превосходящие силы 48-го тк противника прорвали оборону на левом фланге 6-й стрелковой дивизии и, отразив контратаки 115-й танковой бригады, при поддержке большой группы самолетов 8-го авиакорпуса, овладели районом Быкова (15 км северо-западнее Горшечного) ²².

116-я танковая бригада помогла частям 115-й тбр выйти из-под угрозы окружения. К исходу дня обе бригады с боями отошли на

север от Быково на рубеж реки Грайворонка²³. Прорыв танков 24-й тд в район Быкова и сильный удар немецкой авиации вынудили срочно перенести КП 40-й армии в район Гусевки, в 15 км юго-восточнее Горшечного. Командарм и КП армии оказались в глубоком тылу, в отрыве от ее основных сил, в значительной мере потеряв связь и управление ими. К исходу дня после марша из района Корочи в район Старого Оскола (к югу от Горшечного) прибыли основные силы 4-го и 24-го танковых корпусов Мишулина и Баданова. В район Горшечного по приказу Ф. И. Голикова был выдвинут передовой мотострелковый батальон 17-го танкового корпуса генерала Фекленко²⁴.

В течение второго дня Воронежского сражения противник предпринимал все более настойчивые попытки расширить прорыв в сторону флангов в направлениях городов Ливны (на севере) и Тим (на юге). Однако прорваться на северо-восток к Ливнам и на юго-восток к Тиму частям АГ «Вейхс» не удалось. «А вот в направлении своего главного удара, – вспоминал М. И. Казаков, – противник добился значительных успехов: он преодолел здесь сопротивление наших дивизий первого оперативного эшелона и вышел к рубежу реки Кшень на сорокакилометровом фронте»²⁵.

Вторая армейская полоса находилась в 40–60 км от переднего края первой, главной, полосы обороны. Здесь на восточном берегу реки Кшень (от Рогатика до станции Кшень) и юго-восточнее по реке Грайворонка (между железной и автомобильной дорогами из Курска на Воронеж) во второй половине дня 29 июня отражали атаки частей 24-го танкового корпуса противника части 16-го танкового корпуса, подразделения 14-й отдельной танковой бригады и стрелковые соединения 40-й армии. К исходу дня продолжались упорные бои на плацдарме западнее Волово (30 км северо-западнее Касторного) и за переправу через реку Кшень в районе станции Кшень (30 км западнее Касторного)²⁶. Потеряв седьмую часть своих танков, бригады 16-го тк М. И. Павелкина в боях к западу от Волово вывели из строя до двух десятков боевых машин противника²⁷.

Попытки передовых частей 4-й танковой армии Гота с ходу форсировать реку Кшень и прорвать вторую полосу обороны 40-й

армии на Касторненском направлении были отражены. Этому способствовало и вызванное ухудшением погодных условий снижение активности немецкой авиации.

К исходу 29 июня ударная группировка АГ «Вейхс», развивая наступление на Воронежском направлении, расширила полосу прорыва на рубеже Волово-Быково до 50 километров. Глубина продвижения 4-й танковой армии Гота в направлении на Горшечное достигала 60 километров, а на Касторненском направлении – около 40 км. Передовые части 48-го танкового корпуса Кемпфа преодолели более трети пути до Воронежа, выйдя на ближайшие подступы к рокадной железной дороге Елец – Касторное – Старый Оскол к северо-западу от Горшечного.

Таким образом, уже к концу двухдневного первого этапа боевых действий на дальних подступах к Воронежу в конце июня 1942 г. возникла опасность окружения войск левого крыла 40-й армии, оборонявшихся к западу от Старого Оскола. Во-вторых, вклинение 24-й танковой дивизии во вторую полосу армейской обороны в районе Быкова и выход частей 4-й ТА генерала Гота на ближайшие подступы к Горшечному уже в самом начале Воронежского сражения создавали угрозу оперативного прорыва обороны на левом фланге Брянского фронта.

Главной причиной прорыва тактической обороны на левом фланге Брянского фронта на первом этапе сражения на дальних подступах к Дону и Воронежу в течение 28–29 июня 1942 г. стало подавляющее превосходство противника в боевой мощи над соединениями первого эшелона 13-й и 40-й армий на направлении главного удара.

Так, в первый день Воронежского сражения, 28 июня 1942 г., против трех стрелковых дивизий и трех отдельных танковых бригад Брянского фронта на 45-километровом участке к востоку от Щигров действовали три пехотные, три танковые и моторизованные дивизиями армейской группы Вейхса. На второй день операции «Блау» против 11 стрелковых дивизий, двух стрелковых и трех танковых бригад первого эшелона 13-й и 40-й армий развивали наступление 7 пехотных, 6 танковых и моторизованных дивизий первого эшелона ударной группировки противника ²⁸.

Лишь во второй половине дня 29 июня вступили в бой за вторую полосу армейской обороны две отдельные танковые бригады резерва Брянского фронта и две танковые бригады 16-го танкового корпуса фронтового резерва.

При этом надо учесть, что немецкая пехотная дивизия была в 1,5, а то и в 2 раза больше по личному составу, чем советская стрелковая дивизия. А танковая дивизия вермахта имела в 2–3 раза больше танков, чем советская танковая бригада.

Сказались также серьезные недочеты в построении и организации обороны и группировке войск Брянского фронта на Воронежском направлении, в том числе в инженерном оборудовании местности и распределении имевшихся сил и средств. Оборона на некоторых участках, по свидетельству заместителя командующего 40-й армией Ф. Ф. Жмаченко, «была жидковата», ей не хватало плотности, глубины и противотанковых средств. Армия не имела маневренного артиллерийского противотанкового резерва.

Командование и штаб 40-й армии не отработали планы ведения оборонительного боя и взаимодействие войск на случай прорыва противника вглубь обороны на Воронежском направлении. «Ни в штабе армии, тем паче ни в штабе фронта, – указывал генерал-полковник Жмаченко, – по-настоящему не разгадали главного, что из района Щигров будет наноситься удар большой мощности и что он будет наноситься огромной массой танков и авиации»²⁹.

Армия и фронт готовились главным образом к наступлению и поэтому не отработали как следует планы ведения оперативной обороны. Основным методом противодействия наступлению противника считалась активная оборона с нанесением сильных контрударов танковыми соединениями. Однако на начальном этапе сражения на дальних подступах к Воронежу, ни 28, ни 29 июня, контрудар резервных танковых корпусов Брянского фронта на Воронежском направлении из-за трудностей с их сосредоточением организовать не удалось³⁰.

В первые дни операции «Блау» основные силы 4-го воздушно-го флота Германии действовали на Воронежском направлении, что обеспечило им более чем двукратный численный перевес в самолетах над сосредоточенными для его прикрытия авиасоединения-

ми 2-й воздушной армии Брянского фронта. Нехватка сил советской авиации, особенно истребительной, стала одной из причин неудачного начала Воронежского сражения.

Кроме того, благодаря действию ударных авиагрупп с передовых прифронтовых аэродромов в Колпнах и Щиграх 8-й авиакорпус люфтваффе получил возможность массированного и неоднократного боевого использования своих самолетов для ударов по переднему краю и объектам в глубине обороны советских войск на Воронежском направлении и борьбы за воздушную инициативу.

Немецкий 4-й воздушный флот значительно превзошел советскую 2-ю воздушную армию в количестве самолетовылетов и самого начала захватил господство в воздухе в полосе наступления армейской группы «Вейхс».

На результатах первого этапа боев на дальних подступах к Воронежу отразились также сохранявшееся превосходство противника в подвижности и артиллерийской поддержке, в связи и в управлении и в целом в военном искусстве войск и командования в летних условиях. В то же время советские армейские штабы находились на чрезмерном удалении от линии фронта. А КП штаба 40-й армии во главе с командармом Парсеговым ввиду прорыва танков и ударов авиации противника уже к вечеру 28 июня отошел на вторую полосу обороны, а день спустя оказался за ее тыловым рубежом, к востоку от Горшечного, на границе Курской и Воронежской областей.

Связь, взаимодействие и управление войсками на левом фланге Брянского фронта были нарушены, организованный ввод в сражение танковых корпусов фронтового резерва был сорван ³¹.

Попытки остановить продвижение ударной группировки АГ «Вейхс» на Воронеж имеющимися ограниченными и недостаточными силами не привели к успеху. Однако, благодаря срочным контрмерам советского командования, вступлению в бой на второй полосе армейской обороны фронтовых танковых резервов и стойкому сопротивлению стрелковых соединений и артиллерийских частей 40-й армии, противнику не удалось превратить значительный тактический успех в оперативный. Передовые части 4-й танковой армии не смогли вырваться на оперативный простор ни

на Касторненском, ни даже на Горшеченском направлениях, так как оборона 40-й армии была укреплена выдвиганием резервных танковых бригад и корпусов в районы Касторного, Горшечного и Старого Оскола.

---

¹ См.: *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. М., 1965; *Гринько А. И.* В боях за Воронеж. Воронеж, 1985; *Гринько А. И.* Когда горели кварталы. Воронеж, 1987.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Воен.-ист. очерки. В 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 341, 342.

³ См.: *Коломиец М., Смирнов А.* Бои в большой излучине Дона 28 июня – 23 июля 1942 года. М., 2003.

⁴ *Филоненко С. И., Филоненко А. С.* Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; *Маркова С. В.* Бои в районе Воронежа летом 1942 года // Россия и Германия в XX веке. Воронеж, 1999. № 9. С. 135–140; *Шамрай В. А.* Танкисты Черняховского. 18-й танковый корпус в боях за Воронеж в июле 1942 года // Война на Дону 1942–1943 гг. / под ред. Филоненко С. И. Ч. 1–2. Воронеж, 2008. С. 303–319 и др.

⁵ *Шамрай В. А.* Воронежское оборонительное сражение. Воронеж, 2010. 170 с.

⁶ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М., 2002. Кн. 1. С. 137, 138.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ *Голиков Ф.* В боях за Воронеж // Воронежское сражение / ред.-сост. Н. С. Гамов. Воронеж, 1968. С. 9.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная. М., 1996. Т. 16. (5–2). С. 257.

¹⁰ *Филоненко С. И.* Выписка из личных дневников Ф. Ф. Жмаченко // Указ. соч. Прил. 10. С. 348, 349.

¹¹ «Воронежское сражение» барона фон Вейхса (Краткий отчет). Публ. С. И. Филоненко // Воронежский курьер. 2009. 26 сентября. Далее: Боевой отчет Вейхса.

¹² Цит. по: *Христофоров В. С.* Органы НКВД в боевых действиях на Дону 1942–1943 гг. По материалам Центрального архива ФСБ России // Война на Дону. С. 49.

¹³ *Голиков Ф.* Указ. соч. С. 9, 10.

¹⁴ Боевой отчет Вейхса за 28 июня 1942 г.

¹⁵ См.: *Маркова С. В.* Оборонительные сражения 40-й армии Брянского фронта на воронежском направлении летом 1942 г. // Воронежский вестник архивиста. 2005. № 3. С. 109.

¹⁶ Воронежский областной краеведческий музей (ВОКМ). Фонд Великой Отечественной войны (Вов). Д. 121-й сд.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 14. Л.9.

- ¹⁸ Боевой отчет Вейхса за 28 июня 1942 г.
- ¹⁹ *Бок Ф.* Дневники. 1939–1945 гг. Смоленск, 2006. С. 539.
- ²⁰ *Катуков М. Е.* На острие главного удара. М., 1985. С. 155, 156.
- ²¹ Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 16. (5–2). С. 265, 266.
- ²² Там же. С. 269.
- ²³ ВОКМ. Ф. Вов. Д. 116-й отбр.
- ²⁴ Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 16 (5–2). С. 269, 270.
- ²⁵ *Казаков М. И.* Указ. соч. С. 114, 115.
- ²⁶ Боевой отчет Вейхса за 29 июня 1942 г.
- ²⁷ См.: *Коломиец М., Смирнов А.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁸ Сталинградская битва. Кн. 1. С. 16, 17.
- ²⁹ *Филоненко С. И.* Выписка из личных дневников Ф. Ф. Жмаченко // Указ. соч. Прил. 10. С. 346–348.
- ³⁰ *Казаков М. И.* Указ. соч. С. 104, 109, 116–117.
- ³¹ Сталинградская битва. Кн. 1. С. 17, 18.

Н. П. Мананчикова, А. Ю. Симончик

С. П. БОБРОВА КАК ИСТОРИК И ИСТОРИОГРАФ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Имя Светланы Петровны Бобровой неразрывно связано с кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов, с периодом ее становления на историческом факультете Воронежского государственного университета. В конце 60-х – начале 70-х годов она была помощником и опорой первого ее заведующего А. Е. Москаленко. Лекции и семинары Светланы Петровны были важной частью учебного процесса кафедры, они пробуждали серьезный интерес у студентов, охотно выбиравших специализацию по славяноведению и истории средних веков. К этому времени Боброва была уже сложившимся педагогом: позади были годы учебы в университете, аспирантуре, первые научные публикации и т. д. Она родилась в 1929 г. в Перми. Затем ее семья переехала в Воронеж. На детство и подростковый возраст Светланы Петровны пришлось годы Великой Отечественной войны и не менее сложный послевоенный период. Позже она в своих воспоминаниях «Путешествия», проникнутых глубоким сочувствием к людям, втянутым в круговорот войны, расскажет о тяготах тех страшных лет¹.

Война и последующие годы способствовали быстрому повзрелению С. П. Бобровой, осознанию настоящих жизненных ценностей. По-видимому, это повлияло на выбор С. П. Бобровой своего пути и профессии, на отношение к работе историка как ответственной задаче, на глубокий интерес к судьбам народов и стран в прошлом и настоящем.

В 1946 г. Боброва поступила на историческое отделение историко-филологического факультета ВГУ, на старших курсах посещала занятия профессора И. Н. Бороздина, своего будущего руководителя первой научной работы. Через всю жизнь С. П. Боброва пронесла глубочайшее уважение к этому человеку, ставшему для нее Учителем в науке и жизненным образцом. В И. Н. Бороздине, по ее словам,

---

© Мананчикова Н. П., Симончик А. Ю., 2013

покоряло все – «лекции, с их огромным интеллектуальным воздействием на слушателей, семинары, в которых делались первые шаги в науке, живое человеческое общение, наставничество с постоянным интересом к научным и житейским судьбам своих учеников»².

По совету Бороздина С. П. Боброва выбрала тему своей кандидатской диссертации – «Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV в.» – и под его руководством защитила ее в 1956 г. С сентября 1956 г. она стала преподавателем кафедры всеобщей истории ВГУ, в 1965 г. – доцентом, а в 1968 г. вошла в состав новой кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов, где работала до 1988 г., когда по состоянию здоровья вынуждена была уйти на пенсию.

За время работы в университете С. П. Боброва подготовила и провела большое количество общих лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров для студентов всех форм обучения. Она читала общие курсы, требовавшие серьезной подготовки и эрудиции – история Средних веков, история южных и западных славян в Новое и Новейшее время. Спецкурсы, охватывая новый материал, варьировались – ставились темы «Советская историография южных и западных славян», «Советская историография новой истории славян» и «Проблемы болгарского Возрождения». Большим интересом у студентов пользовались ее спецсеминары, особенно «Национально-освободительная борьба южнославянских народов против османского ига (XVIII в. – 70-е годы XIX в.)». У нее всегда были дипломники, которые, благодаря требовательному отношению С. П. Бобровой к поставленной теме, уверенно держались на защите дипломных сочинений и получали высокие оценки. К сожалению, ее ученица – Т. В. Козберг, готовившая под руководством С. П. Бобровой кандидатскую диссертацию, рано умерла, не осуществив своих замыслов. О ней постоянно и с большой горечью вспоминала Светлана Петровна.

Поиск Бобровой своего пути в науке оказался непростым: вначале она серьезно занялась историей средневековой Сербии и в диссертации, и последующих работах достигла интересных результатов. Потом она отошла от этой проблематики и избрала для исследования два направления – новую историю южных славян и историографию истории славян.

Что заставило С. П. Боброву изменить тематику своей работы – можно лишь предположить. Не исключено, что естественное желание ученого расширить поле своих исследований совпало с усилившейся болезнью Светланы Петровны, которая препятствовала выездам в столичные библиотеки – единственные хранилища опубликованных источников по средним векам Европы. (Использование для этих целей компьютера оставалось еще в далеком будущем.) Но если первый период научного творчества Бобровой (конец 50-х – начало 70-х годов XX столетия) имел логическое завершение (после защиты диссертации и издания ряда статей она могла бы оформить собранный материал в законченную монографию), то второй период (середина 70-х годов – конец XX века) представлен работами по русско-сербским, русско-болгарским революционным связям, болгарскому национальному Возрождению и циклом блестящих по форме и глубоких по содержанию историографических статей, статей-воспоминаний³. Эти труды второго периода творчества С. П. Бобровой не сложились в единую тематическую линию исследований. Они содержат много новых и оригинальных выводов, но требуют отдельного и специального рассмотрения.

Итак, значительным исследованием Бобровой является ее кандидатская диссертация (1956 г.) о развитии феодального землевладения в Сербии XII – первой половины XIV в. Почти в одно и то же время с Бобровой по истории средневековой Сербии работали несколько молодых исследователей – Л. А. Шаферова и ученики С. А. Никитина – А. Х. Соколовский и А. З. Нюркаева, которые чуть раньше защитили свои диссертации (в 1950, 1954, 1955 гг.). Упомянутые авторы рассматривали более узкие вопросы, объединенные вокруг проблемы зависимого крестьянства и вотчины в средневековой Сербии⁴. Боброва в отличие от них затронула более широкий комплекс вопросов, где основное внимание уделялось росту и развитию феодального землевладения, т. е. одному из системообразующих процессов в эпоху Средневековья. Изучение этого процесса выводило на постановку другого комплекса вопросов, не пользовавшихся в 50-е гг. вниманием советской историографии, но логично продолжавших исследование феодализма: прежде всего, это были вопросы о формах феодального землевладения и структуре господствующего класса. Последний аспект – структура гос-

подствующего класса в Сербии – почти через два десятилетия докажет свою перспективность для выяснения специфики политического развития сербского государства накануне турецкого завоевания. Как известно, он был исследован в 70-е годы в монографии видного московского слависта Е. П. Наумова⁵.

Следуя наставлениям своего руководителя профессора И. Н. Бороздина, С. П. Боброва внимательно отнеслась к подборке источников, значительно расширив их круг: она привлекла, наряду с набором классических документов сербского Средневековья, еще и материалы итальянских архивов, изданных русскими и югославскими учеными, а также византийские юридические памятники. В историографическом обосновании своей темы Боброва отметила, что в предшествующей литературе, как советской, так и отечественной XIX в., вопросы феодального землевладения не нашли глубокого освещения, хотя в исследованиях А. А. Майкова, В. В. Макушева, Ф. Ф. Зигеля и других был собран богатый фактический материал по средневековой Сербии. Не получили правильной постановки и решения эти вопросы и в югославской историографии. Таким образом, опоры на предшествующие исследования у С. П. Бобровой не было.

В диссертации Боброва поставила несколько взаимосвязанных вопросов, которые можно разделить на две части. Первая часть включала рост феодального землевладения в Сербии XII – первой половины XIV в., организацию поместного хозяйства и крестьянское землевладение. Вторая часть охватывала всего один вопрос – формы феодального землевладения⁶, но именно этот вопрос вызвал дискуссию в последующей историографии, и на нем следует остановиться подробнее.

По первым трем вопросам использованные источники свидетельствовали, что к XII в. в Сербии уже появились крупные поместья, феодальный характер которых для автора не подлежал сомнению, ибо в них применялся труд крестьян, зависимых от землевладельцев. Рост земельных владений в руках феодалов Боброва прослеживает в основном на жалованных грамотах монастырям и описях их поместий, поскольку подобные документы бережнее всего сохранялись в монастырских архивах. Изложение фактического материала в диссертации дано по районам – центру, югу и юго-востоку Сербии. Важно отметить, что автор впервые прибе-

гает к картографическому методу исследования. Бобровой удается частично, иногда полностью, восстановить карты поместий Студеницкого, Грачаницкого, Баньского монастырей для разных периодов рассматриваемого времени. Она наглядно представила территориальное расположение этих поместий, отметила постепенное увеличение численности сел в самых крупных из них и выявила тенденцию складывания структуры феодальных владений. Их рост происходил быстрее всего за счет присоединения пограничных сел к основному комплексу, за счет смыкания границ больших и мелких поместий – т. е. земельные владения перерастали в сплошную, подчиненную феодалу территорию. В работе рассмотрены и источники роста феодального землевладения: основным источником являлись земли, принадлежавшие крестьянам. Они различными способами присоединялись к владениям могущественных светских и духовных феодалов – в результате королевских пожалований, дарений и завещаний самих крестьян, а также дарений мелких представителей феодального сословия. Но прирост феодальных владений осуществлялся и путем прямого захвата общинных земель. Терявшее свои земли крестьянство вынуждено было идти на земли вотчинников и в конце концов становилось зависимым от феодалов.

И автор приходит к выводу, что пути создания и роста феодального землевладения оказываются, в конечном счете, путями превращения свободного крестьянства в зависимое ⁷.

Останавливаясь на истории крестьянства, Боброва делает заключение, что в ранний период в Сербии сохранялось значительное количество свободных крестьян, владевших своей землей на правах полной собственности – свободного ее отчуждения и наследования. Боброва называет такое землевладение баштиной. Сам термин «баштина», как установлено в предшествующей историографии и известно автору, возник позже – с начала XIV в. Но С. П. Боброва не стала вдаваться в подробное исследование этой формы собственности, ее интересовали прежде всего наследственные земли крестьян, которые с течением времени переходили в руки господствующего класса.

Последовательность этого процесса полнее всего представлена в статье Бобровой, опубликованной позже ⁸. Исследователи, по ее словам, не пришли к определенным выводам об изменениях в

землевладении крестьян с потерей ими свободы. Выясняя этот вопрос, С. П. Боброва показывает в статье, что различная степень подчинения крестьян, приходивших в поместье феодала, приводила к возникновению различных крестьянских категорий, самой многочисленной из которых были меропхи. Те меропхи, которые ранее имели баштинную землю, сохраняли право владеть ею и передавать по наследству. Более того, в «Законнике» Стефана Душана (1349 г.) за ними признавалось право и на свободное ее отчуждение. Но, проводя тщательный анализ источников, Боброва доказала, что это последнее право (право свободного отчуждения) на практике оказалось существенно ограниченным. Например, крупный Скопльский монастырь положил руку на баштины зависимых крестьян, запретив их отчуждать за пределы поместья. Так же поступали многие другие монастыри, и баштинные земли крестьян все меньше отличались от наделов, которые предоставлялись феодалом-вотчинником малоземельным и безземельным крестьянам для обработки, наделы оставались собственностью феодала, и он в любое время мог их урезать или заменить на худшие.

Надельная система и аренда земли крестьянами получают распространение в первой половине XIV в. в центральной части и особенно на юге Сербии. Боброва впервые выясняет, что в разных районах за наделами закреплялись разные названия: в южной Сербии и Македонии надел обозначался византийским термином «стась», во всех остальных районах надел чаще носил славянское наименование «наместие» или «место»⁹. С течением времени, когда в XIV в. основная масса крестьян была прикреплена к земле, различия не делалось между крестьянской баштиной и наделом. Этот вывод Бобровой внес ясность в прежнее, весьма приблизительное представление об эволюции землевладения зависимого крестьянства.

Проблема категорий зависимого крестьянства в Сербии также не получила достаточного рассмотрения в предшествующей историографии. Непонятной, почти таинственной, оставалась для исследователей категория крестьян-сокальников. Боброва не могла уклониться от выяснения особенностей жизни и труда этой категории. Сокальникам она посвятила две работы, основанные на сравнительном анализе многих источников¹⁰. В итоге выводы автора по этому частному, но немаловажному вопросу явились новым сло-

вом в изучении сербского средневекового крестьянства. Основные положения статей С. П. Бобровой сводились к следующему: часть ранее свободных крестьян, приходивших на поселение в поместье вотчинника (как правило, монастыря), получала землю для обработки на границах поместья, вдалеке от центра и господского надзора. Они приобретали большую хозяйственную независимость, их надел считался сокальничким, рента с него отличалась от ренты меропхов. Но к середине XIV в. в среде сокальничков наблюдалась дифференциация – наделы многих из них оказывались по соседству с наделами меропхов и условия жизни таких сокальничков приравнивались к жизни последних. Таким образом, процесс нивелировки категорий зависимого крестьянства затронул и сокальничков, сводя на нет их более выгодные условия держания господской земли.

Структура вотчинного хозяйства и развитие поместного ремесла рассмотрены Бобровой в диссертации и опубликованной после защиты статье. Ремесло в поместье, как выяснила С. П. Боброва, было подчинено интересам вотчинного хозяйства и регулировалось самим землевладельцем. Стремление ремесленников выйти со своими изделиями за пределы поместья не всегда приводило к успеху, но естественный рост ремесленного и сельскохозяйственного производства способствовал развитию торговли и возникновению торговых местечек, рынков и сезонных ярмарок ¹¹.

Конкретные наблюдения Бобровой послужили импульсом для дальнейших исследований социально-экономического развития сербских земель в работах Л. А. Шаферовой, занявшейся изучением условий появления городских поселений и центров горнорудного производства в Сербии ¹².

Вторая часть исследований Бобровой была сосредоточена, как уже отмечалось, на выяснении форм феодального землевладения и, главное, на выяснении времени появления условного держания земли, т. е. зарождении вассальных отношений. Постановка такой задачи была своевременной, поскольку проблема условного землевладения вызывала различные толкования у историков-сербистов. Многие из них в качестве условного держания рассматривали только пронию, распространившуюся в сербских землях в XIV в., и подчеркивали ее византийское происхождение. Единственным,

кто не поддерживал этого мнения, был сербский ученый Г. Острогорский, считавший, что прония не охватывает всех видов условного держания¹³.

Здесь следует напомнить, что в южнославянских странах сохранились лишь отрывочные свидетельства о землевладении раннего средневекового периода, когда сильны были родственные связи и права собственности на землю принадлежали коллективу родственников. Об этой форме собственности известно только то, что она называлась «дединой», «отъчеством», а в боснийских областях – «племенщиной». Права родственников оказались устойчивыми и замедляли выделение индивидуальной земельной собственности – собственности одного владельца, передававшейся по наследству его потомкам. Индивидуальную частную собственность, или баштину, источники фиксируют лишь в XIV в.

Приступая к изучению времени появления в Сербии условного держания, С. П. Боброва заняла ошибочную позицию, посчитав всякую земельную собственность, обладавшую чертами неприкосновенности и наследственности, баштиной. Она не приняла во внимание различия между родовой наследственной собственностью на землю и зарождавшейся индивидуальной.

Можно, однако, заметить, что потребовалось немалое время, чтобы это различие начало учитываться историками в их исследованиях. Так, в 70-е гг. в работах Е. П. Наумова уже даны отличительные черты баштины, чуть раньше – в монографии Ю. В. Бромлея, а в последнее время – в исследовании О. С. Солодовниковой¹⁴.

Пересмотрев большое количество источников, Боброва сделала свое заключение, что основные особенности баштины, как она их понимала, сложились задолго до XII в. и что в XII – первой половине XIV в. баштинное землевладение в Сербии играло значительную роль – «непрерывно росло число и величина владений крупных баштинников властелей; увеличивалось и количество баштин мелких феодалов – властеличичей»¹⁵.

Ну а если уже существовала в Сербии крупная частная собственность на землю, то по логике развития феодальных отношений можно было искать и следы возникавших условных держаний. И С. П. Боброва делает, хотя и осторожно, свой второй вывод: «Пря-

мые и косвенные данные источников позволяют считать, что условное землевладение уже существовало в Сербии в конце XII в.». И далее более уверенно добавляет: «Условные земельные владения были известны как на землях государственных, так и на землях короны, монастырей и светских феодалов»¹⁶. На возможный вопрос – почему так рано, по ее утверждению, в Сербии получили широкое распространение условные держания, автор убедительного ответа не дает.

Далее в исследовании Бобровой выявлены основные категории феодальных держателей земли на условии службы – это «воиники», «милостники» и просто мелкие феодалы. Они были связаны с обязанностью службы и личным подчинением феодалу, отсутствием права отчуждения земли, которое оставалось за землевладельцем, и с определенным, чаще пожизненным, сроком пользования землей¹⁷. В работах С. П. Бобровой впервые выявлены конкретные обязанности «воиников» и «милостников». Первые получали землю за несение воинской службы от королей, великих жупанов и монастырей. После 1300 г. воиники исчезают из документов. Милостники упоминаются в источниках с начала XIV в., их службой было выполнение административной работы. Распространение проний в XIV в. на территории Сербии не вытеснило владений милостников: они известны в составе монастырей, на государственных землях и личных владениях королей¹⁸. Держания мелких феодалов сопровождались несением какой-либо из указанных служб.

Таким образом, Боброва одна из первых обнаружила разновидности условного держания в Сербии и четко их описала. Свое толкование она дает пронии. По ее мнению, прония распространилась не в результате византийского влияния, а явилась дальнейшим развитием сербских условных владений; ее отличительной чертой было то, что она приобрела наследственный характер.

Средневековая история Сербии продолжала интересовать отечественных ученых. Много и плодотворно по сербской тематике работал известный славист Е. П. Наумов. В монографии и многочисленных статьях он выстроил свою аргументированную концепцию социальных отношений и развития Сербского государства в XIII–XV вв. и начал изучать в широком плане типологические особенности балканского феодализма. В монографии Наумов уделил

внимание выводам, сделанным в 50–60-х годах в исследованиях С. П. Бобровой. Признавая, что в эти годы советские историки, в том числе и Боброва, достаточно полно и многогранно осветили проблемы аграрных отношений в Сербии, Македонии и Зете¹⁹, Наумов не согласился с утверждением Бобровой о том, что в XII – первой половине XIV в. баштинное землевладение в Сербии играло значительную роль и что в конце XII в. уже существовало условное держание. Он считал, что неверная посылка автора привела «к недостаточно обоснованному изображению развития феодальных аграрных отношений в тот период, к гиперболизации скудных сведений о раздаче земель (к тому же вовсе не монастырями) с обязательным условием несения военной службы»²⁰. И, поясняя свое возражение, Наумов добавил: «Феодальным аграрным отношениям в самой Рашке предстояло с середины XII в. пройти еще немалый путь развития, пока в этих основных сербских землях... возникла... разновидность феодальной земельной собственности, не связанная с имущественными правами широкого круга родственников... и с начала XIV в. получившая название “баштины”»²¹.

Однако обоснованные возражения Е. П. Наумова не умаляют значения исследований С. П. Бобровой. Тем более, что по проблеме поземельных взаимосвязей внутри сербского господствующего класса в XII–XV вв. у историков до сих пор не сложилось четкого представления. С. П. Боброва, как первопроходец в изучении многих вопросов, оставила заметный след в историографии истории Сербии. В ее работах отмечены новизной подхода и общего решения такие вопросы, как формирование и рост феодального землевладения в Сербии, структура поместья и поместного хозяйства, эволюция крестьянского землевладения, потеря крестьянами свободы и категории зависимого крестьянства, а также виды условного землевладения, распространившиеся, помимо пронии, в сербских землях. Направление ее исследований и теперь остается актуальным, как в области изучения сербского Средневековья, так и в области выяснения типологии феодализма в странах Балканского полуострова.

Второй период творчества С. П. Бобровой (70-е гг. – конец XX в.), как уже говорилось, отличался разнообразием жанров и тематики научных работ. По преимуществу, это были работы историографические и касались истории южных славян Нового времени.

Поставленная нами задача не требует анализа работ С. П. Бобровой этого периода. Но поскольку некоторые ее исследования касаются творческой деятельности известных ученых, связанных с Воронежским государственным университетом и воронежскими историками-славистами, то об этих работах необходимо сказать несколько слов. Кроме того, в них сквозь основное историографическое содержание просматривается и история самих кафедр Воронежского государственного университета – кафедры всеобщей истории, возглавлявшейся профессором И. Н. Бороздиным, и кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов, заведовал которой доцент А. Е. Москаленко.

Две историографические статьи Бобровой были опубликованы уже в 70-е годы по поводу юбилея крупного историка-слависта С. А. Никитина²². В 90-е годы, после смерти Никитина, С. П. Боброва снова вернется к его творчеству, уже в контексте его связей с Воронежским государственным университетом.

Первая работа Бобровой о С. А. Никитине была одной из немногих, посвященных 70-летию ученого. Статья воронежской исследовательницы отличалась серьезной продуманностью, попыткой кратко отметить главные вехи творческого пути Никитина, обратить внимание на отдельные его работы и выводы, которые меняли старое представление о некоторых процессах исторического развития зарубежных славян. Боброва отдавала себе отчет, что «для полного освещения творческой биографии С. А. Никитина потребуется не одна специальная работа»²³. Позже ее слова получили реальное подтверждение – коллеги и ученики Никитина после его смерти издали два солидных сборника статей с анализом различных аспектов его научной деятельности²⁴.

В первой статье С. П. Бобровой, в соответствии с духом того времени, поставлена задача подчеркнуть в Никитине типичные черты деятеля советской науки. Но, отмечая его заслуги как исследователя истории славян, Боброва почти не касается его исторических взглядов. В статье выделены основные направления славистической деятельности Никитина, среди которых центральным, по ее мнению, оставалось изучение русско-славянских связей во второй половине XIX в. и национально-освободительного движения славянских народов. В этой области Никитину удалось по-новому

взглянуть на ряд событий и дать им свою оценку. Например, подчеркивает Боброва, Никитин, в отличие от других исследователей, считает, что русская политика в отношении балканских народов «объективно сыграла прогрессивную и освободительную роль», а также находит, что Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии имело более широкое значение, чем ранее предполагалось²⁵. Отмечены и работы Никитина по средневековой истории славян. С. П. Боброва подчеркивает особую значимость его статьи «Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства», где на основе источников Никитин рассматривает перемены, происходившие в общественном строе славян после их переселения на Балканы, и впервые исследует сложные процессы создания Болгарского государства²⁶. Своих учеников Е. П. Наумова и В. П. Грачева Никитин направит на изучение истории средневековой Сербии; впоследствии их работы получают широкую известность в отечественной и зарубежной историографии²⁷.

Эта содержательная, хорошо написанная статья Бобровой не потеряла своей историографической ценности и в настоящее время.

В последующих трех статьях (1992, 1994, 1996 гг.)²⁸ Боброва подробно останавливается на научных связях Никитина с воронежскими славистами, которые продолжались более двух десятилетий. В основу статей заложен богатейший материал о зарождении славистической науки в Воронежском государственном университете и появлении нового поколения историков-славистов – учеников С. А. Никитина, И. Н. Бороздина, А. Е. Москаленко. Эти работы сложны по жанру – в них биографические сведения о Никитине, И. Н. Бороздине перемежаются с анализом творчества Никитина и с воспоминаниями самой С. П. Бобровой, которые могли бы войти в летопись интеллектуальной жизни исторического факультета ВГУ. Никитин предстает здесь как незаурядная личность, человек высокой культуры и ответственности, наставник молодого поколения. Преследуя цель рассмотреть роль ученых центра в развитии науки на периферии, Боброва рассказывает о встречах Никитина с воронежскими аспирантами, о его докладах на конференциях, его выступлениях в качестве оппонентов на защитах диссертаций и т. д. Все это, по словам автора, оказало неоценимую помощь в развитии воронежской славистики и постановке историографических проблем.

В статье «Никитин и Воронеж» Боброва, продолжая анализ научного творчества историка, уже коснулась и его мировоззренческих установок – исторических взглядов и подходов к принципиальным основам развития науки. Она разделила мнение коллег и учеников Никитина, считавших, что он по своим воззрениям близко стоял к позитивизму²⁹, и пришла к собственному заключению, что честный и скрупулезный исследователь только таким образом сумел выразить свое несогласие с «классовым принципом» в историографических исследованиях³⁰. Игнорируя этот принцип, сказано в статье, Никитин сделал важные для того времени выводы, опровергавшие утверждения официальной советской историографии. Он убедительно доказал, что русское славяноведение первой половины XIX в. достигло значительного развития³¹, что многие славянофилы не были ретроgrадами, а придерживались умеренно-либеральных воззрений, и прослеживал прямую связь дооктябрьской и послеоктябрьской науки.

Эти выводы, считает Боброва, обозначили «поворот советской науки по отношению к дооктябрьскому славяноведению»³². Никитин впервые опробовал их в Воронеже, перед своими единомышленниками – И. Н. Бороздиным и А. Е. Москаленко. О воронежских единомышленниках, особенно об И. Н. Бороздине, С. П. Боброва пишет с большой искренностью и теплотой. Бороздин направлял своих учеников-историографов И. И. Романову, В. А. Афонюшкина на исследование творчества выдающихся отечественных медиевистов. Некоторые из них занялись историографией в широком плане (В. В. Гусев, Г. И. Липатникова) и смогли дать более глубокую и объективную оценку развитию русской буржуазной историографии по проблемам медиевистики и новой истории³³.

Но сюжеты о воронежских славистах нашли освещение в отдельных работах С. П. Бобровой – в статьях специально посвященных И. Н. Бороздину, А. Е. Москаленко, Н. Т. Сапроновой.

Две статьи об И. Н. Бороздине, подготовленные к столетию со дня рождения ученого, кое в чем повторяют и дополняют друг друга. В первой из них – «Вопросы русско-южнославянских связей в трудах И. Н. Бороздина»³⁴ – основное содержание составляет анализ славистических работ Н. Г. Чернышевского. Пристальное

изучение произведений русского революционера-демократа, по словам Бобровой, позволило Бороздину определить черты, характерные для общеисторических взглядов Н. Г. Чернышевского и обосновать решение им актуальных проблем южнославянского освободительного и демократического движения³⁵.

Вторая статья – «И. Н. Бороздин как историк-славист»³⁶ помимо очерка жизненного пути ученого, его вхождения в научный мир, дает аналитическую характеристику работ И. Н. Бороздина, посвященных славистическим штудиям Н. П. Грацианского по истории Средневековья.

С широким привлечением параллельного историографического материала Боброва прослеживает ход исследований Бороздина, обратившегося сначала к ранней (30-е гг.) статье Грацианского «Немецкий drang nach Osten в фашистской историографии», затем к работам периода Великой Отечественной войны и последующего времени. Историограф, подчеркивает Боброва, высоко оценил книгу Грацианского «Борьба славян с немецкой агрессией в средние века», причислив ее к мастерским обзорам борьбы славян за свою свободу и независимость³⁷.

Однако С. П. Боброва в своих исследованиях уклоняется от сколько-нибудь последовательного анализа исторических взглядов Бороздина. Ее старания, обусловленные временем, но ничем не подкрепленные, убедить читателей о переходе Ильи Николаевича «на передовые марксистские позиции»³⁸, вызывают по меньшей мере недоверие. Более приемлемо другое ее определение – «К горте пришедших в славистику представителей “старой гвардии” (В. И. Пичета, Н. П. Грацианский, Ю. В. Готье) принадлежит и И. Н. Бороздин»³⁹. По-видимому, автору статей на этом стоило бы и остановиться.

Другие работы С. П. Бобровой, рассказывающие о своих учителях и коллегах, включающие не только элементы историографического анализа, но и воспоминания самого автора, мастерски сделанные штрихи к портретам персоналий, почти не имеют прямого отношения к медиевистике, к средневековой истории славян. Чтобы ограничиться избранной тематикой, мы вынуждены их опустить, как и те ее исследования, которые касаются проблем истории славян Нового времени⁴⁰.

В заключение следует сказать, что вклад С. П. Бобровой в историческую науку неоспорим, имя ее как слависта, медиевиста и историографа навсегда останется в летописях Воронежского государственного университета.

---

¹ См.: *Боброва С. П.* Пути-дороги. Воронеж, 2005.

² *Боброва С. П.* Верность традициям (И. Н. Бороздин о своих учителях-профессорах Московского университета) // В. А. Дунаевский. Педагог, ученый, солдат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000. С. 196.

³ См.: *Боброва Светлана Петровна* // Кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов (1968–2008). Указатель трудов сотрудников кафедры. Воронеж: Истоки, 2009. С. 16 и сл.

⁴ Здесь можно не согласиться с утверждением О. Л. Вайнштейна, что диссертации всех названных авторов, в том числе С. П. Бобровой, написаны на одну и ту же тему. См.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. Л.: Наука, 1968. С. 226–227.

⁵ *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М.: Наука, 1975.

⁶ *Боброва С. П.* Феодалное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956.

⁷ *Боброва С. П.* Феодалное землевладение в Сербии... С. 10.

⁸ *Боброва С. П.* Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII – первой половины XIV в. // Вопросы истории славян. Вып. I. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1963. С. 9–42.

⁹ *Боброва С. П.* Некоторые вопросы крестьянского землевладения. С. 41–42.

¹⁰ *Боброва С. П.* К вопросу о сербских сокальниках // Сов. славяноведение: Мат-лы IV Всесоюз. конф. историков-славистов (Минск, 31 янв. – 3 февр. 1968 г.). Минск: Изд-во ВГУ им. Ленина. С. 610–616. *Она же.* Дечанские сокальники // Вопросы истории славян. Вып. 3. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. С. 33–41.

¹¹ *Боброва С. П.* Ремесло в сербском поместье в XIII – первой половине XIV в. (по данным хрисовулов) // Труды Воронежского госуниверситета. Т. 59. Вып. историч. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1957. С. 67–74.

¹² См., например, *Шаферова Л. А.* Сельское ремесло в Сербском государстве (XIV в.) // Вопросы всеобщей истории. Вып. 2. Красноярск, 1972. *Она же.* Города сербского государства (XII – первая половина XV в.). Красноярск, 2002, и др.

¹³ *Боброва С. П.* К вопросу об условном землевладении в Сербии // Славянский сборник. I. Вып. историч. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1958. С. 13–14.

¹⁴ См.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М.: Наука, 1975; *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М.: Наука, 1964; *Солодовникова О. С.* Социально-политическое развитие Боснии в XII–XIV вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Саратов, 2010.

¹⁵ *Боброва С. П.* Феодалное землевладение в Сербии... С. 10–11.

- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ *Боброва С. П.* К вопросу об условном землевладении. С. 21.
- ¹⁸ Там же. С. 17.
- ¹⁹ *Боброва С. П.* Феодалное землевладение в Сербии. С. 12–13.
- ²⁰ *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии. С. 112–113.
- ²¹ Там же. С. 110.
- ²² *Боброва С. П.* Сергей Александрович Никитин (Из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Вып. 4. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972. *Она же.* Об исследовательской методике С. А. Никитина // Славяне и Россия: к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Наука, 1972.
- ²³ *Боброва С. П.* Сергей Александрович Никитин. С. 112.
- ²⁴ См.: Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992; Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. РАН. Институт славяноведения. М.: Археодоксия, 2004.
- ²⁵ *Боброва С. П.* Сергей Александрович Никитин. С. 102.
- ²⁶ Там же. С. 99–100.
- ²⁷ Как и исследования Е. П. Наумова, монография В. П. Грачева – Сербская государственность в X–XIV вв. М.: Наука, 1972 – вызвала заинтересованное внимание историков-славистов.
- ²⁸ *Боброва С. П., Таранова В. Г.* С. А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992; *Боброва С. П.* С. А. Никитин и историографическая проблематика в трудах воронежских славистов // Мат-лы Межвузовской научной конференции. Воронеж, 1994. *Она же.* С. А. Никитин и Воронеж // Вопросы истории славян. Вып. 11. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.
- ²⁹ *Чуркина И. В., Горина Л. В.* С. А. Никитин // Путь ученого ... С. 9.
- ³⁰ *Боброва С. П.* С. А. Никитин и Воронеж. С. 23.
- ³¹ Все это нашло блестящее подтверждение в обширной монографии Л. П. Лаптевой. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
- ³² *Боброва С. П.* С. А. Никитин и Воронеж. С. 25.
- ³³ Там же. С. 27.
- ³⁴ См.: Вопросы истории славян. Вып. 9. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С. 117–128.
- ³⁵ *Боброва С. П.* Вопросы русско-южнославянских связей в трудах И. Н. Бороздина // ВИС. Вып. 9. Воронеж, 1986. С. 125.
- ³⁶ См.: Советское славяноведение. 1986. № 1. С. 84–92.
- ³⁷ Там же. С. 87.
- ³⁸ *Боброва С. П.* Вопросы русско-южнославянских связей. С. 119.
- ³⁹ *Боброва С. П.* И. Н. Бороздин как историк-славист. С. 86.
- ⁴⁰ См.: Боброва Светлана Петровна // Кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов (1968–2008). Указатель трудов сотрудников кафедры. С. 16 и сл.

Н. П. Писаревский

К ВОПРОСУ О ЕДИНЫХ ИСТОКАХ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РОДСТВА
ВЕДИЧЕСКИХ АРИЕВ И ЭТРУСКОВ

В книге «Мифы древности. Индия» А. И. Немировский обратил внимание читателя на удивительную близость, имевшую место между традициями культуры, религиозным сознанием и божественными фигурами мифологии и религии этрусков и древних индийцев (индоариев, индоарьев в терминологии автора), включая сюда не только тождество сакральной ономастики, но и размещение на далеком севере у тех и других родины богов [21, с. 252]. В объяснении данного феномена ученый полагал возможным допускать присутствие этрусского этнолингвистического субстрата в составе миграционной волны индоиранцев, разделившихся с индоариями в предгорьях Гиндукуша (Hindukus/Hindukas) после довольно длительного по историческим меркам переселения (отправились в путь прадеды, перешли горы правнуки). «... Не может быть исключена возможность того, – писал он, – что *индоарьи отделились от говоривших на родственном им языке обитателей Малой Азии, о которых известно по памятникам середины II тыс. до н. э., а также выходцев из этого региона этрусков...*» [21, с. 254, 255, 259–261, 266–273].

Важность такого рода позиции, занятой ее автором спустя всего лишь 17 лет после того, как им была предложена оригинальная концепция этногенеза этрусков (теория непрерывного формирования этрусского этноса по пути движения тирсенов/тирренов в Италию и на ее территории), состоит, как теперь становится все более и более ясным, в ориентации последней на те самые вопросы, на которые в более конкретном виде (правда, применительно к Древней Индии) формулировал задачи изучения ее истории на современном этапе Г. М. Бонгард-Левин [1, с. 59, 76–77]. В свете обнаружения и вскрытия сходств персонажей и образов общеиндоевропейской мифологии, религиозных представлений, культов и обрядов, свойственных эллинам, этрускам, римлянам, фракий-

цам, фригийцам, ликийцам, достигнутые к настоящему времени результаты исследований в области семиотики, семантики и сравнительного их изучения делают понятным, насколько глубоко такая постановка вопроса характеризует не столько уровень исследовательского поиска А. И. Немировского, сколько в очередной раз демонстрирует стереоскопичность его научной мысли, проявившей себя, как нетрудно убедиться, и в определении характера индо-этрусских параллелей. Список их внушительен, потому что ведийский пантеон складывался тысячелетиями, точно также, как и пантеоны эллинов и этрусков.

Прежде всего, обращает на себя внимание сходство стандартных формул в эпических поэмах Индии и Греции, мотивов, присутствующих даже в позднем произведении Вергилия «Энеида». Например, «прекраснобедрая» и т. п. К этому следует добавить и близость содержания отдельных мифов, ставших основой сюжетов «Махабхараты», «Рамаяны», «Сказаний о Кришне», «Илиады» и «Одиссеи», Гомеровских гимнов, изложений древнейшей римской истории в трудах Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия.

Еще одно наблюдение было выведено специалистами при изучении сюжетов греческой и этрусской вазописи. Знакомство с ними создает впечатление, что она, при всех своих особенностях, иллюстрирует общую тематику, в которой весьма заметна общность с древнеиндийскими мифами (в частности, широко известный сюжет микенской керамики с богинями на колеснице практически идентичен содержанию древнеиндийского мифа о рождении Кансы, в котором именно таким образом передвигаются женские богини).

Наличие многочисленных параллелей и сходств такого рода достаточно давно обратило на себя внимание науки. Детализировать историю вопроса – совершенно особая и специальная тема. Тем более, что существуют представленные крупнейшими зарубежными историками в их обобщающих трудах соответствующие очерки М. Хауга, Х. Циммера, А. А. Макдонелла, А. Б. Бейта, Х. Ольденберга, А. Кейта, Р. Рота, Ж. Дармстетера, К. Гельднера, М. Моле, а в самое последнее время – в труде Мела Копеланда [34, р. 3–29]. Если к этому добавить этимологический словарь древнеиндийского языка М. Майрхофера и комментарии к «Илиаде» и

«Одиссее» Дж. С. Кирка, станет понятным, что фактологическая база к настоящему времени, с одной стороны, не только накоплена, но и обобщена [6, с. 443 и сл.], а с другой – она представляет возможность производства намеченного исследования [48, р. 129, 705; 40–41]. Знакомство с ними в контексте проблемы этрусско-индийских связей позволяет определить не только начало интереса к ее разработке (конец XVIII в., практически одновременно с началом изучения гомеровских поэм Ф.-А. Вольфом), но и выстроить основные направления имевших место исследований в два противоположных потока, олицетворяемых двумя противостоящими группами. Авторы первой из них, численно подавляющей, рассматривали и учитывали только моменты сходства. Избирательная аккумуляция действительно ошеломляющих сходжений в лексике, фразеологии, реалиях, повторы целых пластов и тематики архаической мифологии в греческой и этрусской вазописи породили непоколебимое убеждение если не в идентичности индо-греко-этрусской идеологии, то в признании непременно единого для них происхождения из одного и того же в этнолингвистическом и культурном плане (греко-арийского) первоисточника. При такой картине родство трех древних народов многим кажется не только правдоподобным, но даже и единственно возможным. Разумеется, точно также постулируется несомненная общность подлинных социально-политических институтов (город-община, царская власть, народное собрание и т. п. [6]. На этом основании выводится заключение, согласно которому вся эта сумма сходств автоматически отображает греко-фрако-(этрусско)-арийское состояние в его первоначальной целостности, и, более того, в качестве зеркала их оценки представителями этого направления рассматриваются археологические памятники от Италии до Индии включительно, относящиеся ко времени первой половины II тыс. до н. э.

Понятно, что ко второй группе относятся ученые, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов. Их немного, но их голос звучал на каждом из этапов разработки проблемы. Отмечая моменты индо-греко-фрако-этрусской общности, они в то же время фиксировали очень серьезные различия, представленные в словарном запасе, персонажах мифологии, космологических

доктринах трех древнейших народов. Наиболее эмоционально и последовательно эту линию отстаивал Шарль д'Арле. Выявляя крайности, ее представители порой приводили достаточно удачные примеры, опровергавшие, казалось бы, концептуальную теорию сторонников общего происхождения. При внимательном рассмотрении их, однако, обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) расхождения выявляются в отношении сходств и различий у индоариев и иранцев; 2) они практически не затрагивают область греко-этрusco-индоарийских и греко-этрusco-иранских контактов, которые вполне могли носить одновременный характер, отображая уровень пространственно-хронологических различий и этно-культурных связей между ними [34, p. 43–59].

Так или иначе, современное состояние проблемы, как можно судить по вышеизложенному, характеризуется, несмотря на различия, сходством векторов в поиске истоков и причин, предопределивших общность материальной, духовной культуры этих народов, а также об определенном родстве их языковой лексики и культуры.

Как минимум два обстоятельства должны быть упомянуты в характеристике современного состояния исследовательского поиска в индоевропейском языкознании. Первое связано с отказом лингвистов от «модели родословного дерева», лежащей в основе представлений о любом языковом единстве. Сходство рассматривается теперь не как факт бесспорного общего происхождения, но исторического развития, в процессе которого оно возникало на почве очень длительных вторичных культурно-исторических контактов [47]. Иными словами, имевшие место ранее теории конвергенции и диффузии, наложенные на лингвистический материал, положены современными лингвистами в основу поиска истоков, источников и самой природы одинаковых по своему содержанию семиотических и семантических контекстов, если рассматривать данное понятие в широком плане. Вместе с тем, как нам представляется, достижение компаративистской лингвистики полностью отбрасывать за ненадобностью нельзя, поскольку многомерность исторического процесса предполагает огромное разнообразие проявлений одинаковых, восходящих к общему образцу, не только языковых, историко-культурных проявлений, но, в первую очередь, характеризует

диалектику развития труда-мысли-представлений и языка ¹. Иными словами, двойственность ситуации с предполагаемой начальной стадией индоэтрусского единства должна учитываться в плане поиска наиболее существенных и определяющих критериев для окончательного решения данной проблемы.

Обстоятельство второе связано с признанием индоевропейской родословной языка этрусков и отказом большинства специалистов от прежних концепций его происхождения и этнолингвистического окружения [42, p. 52].

Собственно, как нам представляется, на этом строятся и из этого вытекают как новые возможности, так и перспективы исторического объяснения сходств между этрусками и Индией.

Понятно, что они могут быть установлены только с учетом открытых и введенных в научный оборот к настоящему времени разнотипных источников. В первую очередь, это касается свидетельств мифологии, эпических поэм Древней Индии, Греции, свидетельств древнеиндийской и античной традиции, а также эпиграфических источников Индии и Этрурии, зафиксировавших сходные топо-этнонимические и ономастические ряды [19, с. 26–68]. При всем типологическом единстве исторических условий отраженной в них информации, нельзя не учитывать известные различия, существующие между разошедшимися и развивавшимися в несходных исторических условиях их создателей.

Данное замечание, естественно, распространяется в первую очередь на «Ригведу» (составлена около 1100 г. до н. э., информационное поле – 1700–1100 гг. до н. э.), «Махабхарату» и «Рамаяну» древних индийцев, «Авесту» древних иранцев (первая пол. I тыс. до н. э.) и «Илиаду» древних греков (написана в первой трети – второй половине VIII в. до н. э.), информационное поле которой также распространяется вплоть до 1700 г. до н. э. Считается, что последняя была записана всего лишь через несколько лет после изобретения алфавитной древнегреческой письменности, примерно, в 800 г. до н. э. [21, с. 23, 33–34; 27, p. 522]. Тридцатью годами позже ученые

---

¹ Из такой же посылки исходит и новейший компаративистский подход к древней мифологии, развиваемый М. Витцелем, и нацеленный на выявление общих тенденций и закономерностей развития «мировой» (в определении автора «Лавразийской») мифологии посредством реконструкции и декодирования как внутренней структуры, так и внешних форм отдельных мифов [57; 58, p. 1–69].

датируют создание «Одиссеи», хронологические пласты которой восходят к середине II тыс. до н. э. [40, p. 17]. Теперь хорошо известно, что «Илиада» – величайшая эпическая поэма, в которой события ахейской и троянской истории, хотя и были преподаны в контексте современных Гомеру исторических реалий VIII в. до н. э., тем не менее, излагались ее автором с учетом сохранившихся знаний о временах Ахейской Греции (и даже более ранних) и их сверки с данными разнотипных свидетельств греческих мифов Троянского цикла [37, vol. 1, p. 424; vol. 2, p. 211; 27, p. 522; 21, с. 23, 33–34].

Примерно такая же оценка присутствует в специальной литературе относительно характеристик религиозной и эпической поэзии Древней Индии и Ирана. Самый древнейший их памятник – «Ригведа» – представляет собой не только ценнейший источник изучения древнеиндийской истории и мифологии, но и, как показывает знакомство с ней, открывает неизвестные ранее пласты преевропейской истории вообще [33, p. 16; 39, p. 98; 44; 52, p. 41]. Что это так, достаточно отметить, что в ней упоминаются семьи **Ayaka** (у греков самый благочестивый из людей – Эак), **Aila** и **Atri**, имена которых находят сходство как с греческими героями-эпонимами Эолом и Эаком, так и с именами отца Агамемнона Атрея и рода Атридов в Микенах вообще. Однако самой важной может считаться отложившаяся в ней информация об этнонимии племен, представленная в рассказе о так называемой «Битве 10 царей» (РВ. VII).

Первой половиной I тыс. до н. э. датируется сходная с «Илиадой» Гомера по сюжету «Махабхарата», повествующая о войне рода Куру с родом Панчала и изгнании первых за пределы долины р. Инд [3–4; 49, p. 172]. В ней также упоминается род **Atri** (назван по имени древнего мудреца, освободившего солнце (RV., I, 51)), которому посвящено 75 гимнов². Несколько более ранним временем датируется присутствующее в «Махабхарате» повествование о царевице Рама, странствия которого, подобно странствиям Одиссея, легли в основу одноименной эпической поэмы, согласно традиции сочиненной поэтом Вальмики. Сюжеты и основные персонажи данной поэмы (Рама, Равана, Сита и др.), вызывая соответствующую

---

² Атри (Atri) – ведический мудрец, прародитель человечества, имел сына Дата (греч. Datis, этр. Atta). Он также считался сыном Брахмы, рожденным из глаз отца. В свою очередь Атри назывался отцом Турваша (Turvasas) из рода Ядвов (Yadu) [34, p. 37].

щие ассоциации, проявляют общность с персонажами греческой и этрусской мифологии [31, p. 116–128].

Вместе с тем следует иметь в виду и специфику этих поэм. Она заключается в том, что все они представляют собой, с одной стороны, гимны богам, а с другой – соотнесенный с реальностью, мифом и ритуалом текст эпического повествования о противостоянии Солнечной и Лунной династий царей, наложенный его составителями на циклическое представление о времени [31, p. 81]³. Последнее в известной степени затрудняет идентификацию событий и конкретных фактов, но, тем не менее, не оставляет сомнений в правдивости большинства излагаемых в них историй. Именно это, надо думать, А. И. Немировский имел в виду, когда писал: «...[Древнеиндийский] *Эпос отразил реальные этнические контакты и конфликты, но передал их в обобщенном виде, свел стычки, длившиеся тысячелетиями, в одну грандиозную битву таким же образом, как и “Илиада” представила столкновение между троянцами и ахейцами в виде грандиозной Троянской войны*» [21, с. 287].

Еще более специфический характер носит информация, отложившаяся в религиозных гимнах древних иранцев – «Авесте» (перв. пол. I тыс. до н. э.). В ней прежде всего содержится относительно четкое и связное изложение о названиях местностей и этнонимии племен, разошедшихся где-то в районе Гиндукуша на восток и запад после их миграции с общей прародины Ариана Вэйджо (Видевдат/Вендидат). Установленная лингвистами глубокая архаичность отдельных сюжетов этого религиозного и литера-

---

³ Уместно вспомнить, что Р. Грейвс и Вяч. Вс. Иванов, отмечая, что в древнем греческом мифе Солнце уступило первенство Луне, указывали на устойчивость, а следовательно, и соответствие данного представления историческим условиям нашествия эллинских племен на Балканы и Малую Азию в начале II тыс. до н. э.: сначала эолийцев/ионийцев (первая волна), а за ними – ахейцев-дорийцев (вторая волна). По их мнению, поклонявшиеся арийской триаде богов (Индре, Митре и Варуне) вооруженные группы пастухов относительно мирно смешались с доэллиническим населением Фессалии и центральной Греции (Р. Грейвс), но бросили вызов триаде господствовавших до них женских богинь, совместив магию и религию Солнца (символа мужской плодовитости) с магией и религией Луны (как символически олицетворяющей женские биоциклы (Вяч. Вс. Иванов). При этом первоначально Луна не потеряла своего главенства над Солнцем, а дочери местных династов – над царями-пришельцами, что и нашло отображение в преданиях о Титанах и Гелиадах [2, с. 7–11; 9, с. 20–25; 55, p. 83].

турного памятника, подчас более древних, чем в «Ригведе», дает основание для синхронизации времени излагаемых в них событий с ведической и древнегреческой традицией [50, р. 9, 477–485], а следовательно, и для производства соответствующих исторической действительности II тыс. до н. э. умозаключений.

Показательны совпадения этрусского глоссария с индоиранским. Так, при сопоставлении простейших слов лексикона проявляется не просто общность, а удивляющая близость, если не родство этрусского языка с языками своих ближних и дальних соседей. Это выявлено лингвистами как на примере грамматики, силлабария, лексики, переходности консонантных придыхательных звуков, так и в плане восхождения основных понятий (географических, исторических, биологических и т. п.) к общим источникам (источнику) (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Др. Индия	Этруски
Ais – имя патриарха	Eis – бог
Anu – этноним	An – тот, другой
Atri – личное имя	Atran – зависимый человек, слуга
Manu – личное имя	Man – приносящий дары
Putana – имя ракшасы	Putna – putnia – яма, колодец
Parsu – племя	Parsu – parsl – parsus – разбойник
Cu rasena – племя	Rasena, rasnal – племя расена, расенский
Pur – город, крепость	Spur – город, полис
Div – божество арийского пантеона	Tin – этрусский Юпитер

Таблица 2

санскрит	авестийский	греческий	латинский	этруский
matri – мать	madar	mitera	mater	matar
pita – отец	pitar	pater	pater/patria	patar
dve – два		duo	duo-ae	tuwa (+ тохар, фриг., лик.)
me/mine/ maуaa – мне	maibyо/ma	mou/ma	me/mine	emi/emu/meco

Последнее вряд ли случайно, поскольку максимум аналогий с Древней Индией и Ираном просматривается как в этрусско-италийской ономастике, так и топонимике. Число выявленных нами

сходств (по далеко не полным подсчетам) составляет 38 (итого вместе с А. И. 100!). Приведем только некоторые из них.

1. **Ayla – Ayol – Пу/Па** – имя, близкое к греч. имени Эол, и имя инд. богини-танцовщицы – 4 раза ⁴.

2. **Madhu-medontos-medutluns** (Ovid., Met., III, 671; Gig., Myth., 134). –11 раз – 9 раз.

3. **rasena – rasenn – Rasena/Rasna** (Dion. Hal., I, 30, 3) – 7 раз.

4. **Tarsa – Tarhon – Tarhuntassa – Tarquinii** (21, с. 92) – 2 раза.

5. **Tura – Turs – Tura** (Афродита Дающая) (21, с. 86, 191).

6. **Ilis – Ilios – Vel/Uel** (Verg., Aen., X, 424) – 50 раз.

7. **Ramas – Roman – Roma/Ramnet/Ramnīs** и т. п. ⁵

Среди имеющихся в наличии привлекают те из них, которые охватывают весь спектр индо-хетто-ликийских и греко-латино-этруских изоглосс. Это: **Kalin/Олен/Кален** (Plin., Nat. Hist., XXVIII, 15), **Абарис** (Verg., Met., IX, 344 (фракийское личное имя), **Abarinos (фрак.)**, **Atri/Атрей** (Vgl., Aen., X, 51), **Ассарак** (Verg., Aen., X, 124), **Ил** (Verg., X, 424), **Камес – древний царь Италии**

---

⁴ Данное имя весьма распространено в греческих мифах Троянского цикла. Ил воспринимался в качестве фригийского царя, нашедшего место для строительства Трои после того (как и в случае с Кадмом), как пятнистая корова легла на землю, указав тем самым место для возведения города (Hom., II, XX, 220; Pind., Olymp., VIII, 41; Diod., IV, 32; Dion Hal., I, 62; Apollod., III, 12, 3). Как царь Трои Ил в них связан с Пелопом (Пелопсом), которого он изгнал с Олимпа (Pind., Olymp., I, 24; Soph., Ayaх., 1238; Paus., V, 13, 7; VI, 22, 1). В такой же ипостаси он предстает и в эпизоде с царем Аргоса (или Коринфа) Танталом, изгнанным по его распоряжению из Пафлагонии (Diod., IV, 74; Gyg., Myth., 94). По другой, достаточно близкой версии, Ил был царем дарданов и дедом Дардана (Hom. hymn. ad Aphr., 45–200; Gyg., Myth., 94). Этот последний воспринимался в свою очередь (совместно с Иасионом) в качестве уроженца Этрурии, который совместно с Иасионом колонизовал Самофракию и Троаду. Более того, младший сын этого Дардана, по имени Идей, имел двух сыновей – братьев Эрихтония и Ила. В то же время он и Трос воспринимались общественным сознанием античности в качестве отцов Ганимеда и Титана (Hom. hymn. ad Aphr., 218–238; Hes., Theog., 984; Apollod., III, 12, 4; Schol. Ad Ap. Rhod., III, 115). Имя Ил достаточно часто встречается в ономастике Древней Италии. Его носила дочь Энея, Ила (женская параллель греков др.-инд. Пу). Более того, в отдельных мифах Ила рассматривалась как мать Ромула. «Индийский» след прослеживается и в имени внука Ромула – птицегадателя Рамнета, тогда как внуком его брата (Рема, Ремула) определялся персонаж с фракийским именем Тевфрант [26, с. 88].

⁵ То же самое можно сказать о Sindh – матери марутов, а также о названии моря a-dg-i, занесенного этрусками в Грецию и Италию (от dag – раскалывать (PB., X, 78, 6).

и область Камесена Кидон (Vgl., Aen., X, 324–329), Лука (Vgl., X, 561), Меон (Vgl., Aen., 336–337), Рем, Ремул, Ремнул (Vgl., Aen., 329–333, 593), Рамнет – внук Ремула, Сакет (Vgl., Aen., XII, 652), Илия – дочь Энея и мать Ромула и Рема, Ром, Рома, Рамнис, Раман ⁶, Рамны – древнейшая триба Рима, Лик, Асий, Гидасп, Таксака, Иасий – пеон, Агафирн, Ахеронт, Кас – племя первых поселенцев Лация (которых впоследствии стали называть аборигинами и т. п. (Dion. Hal., XIII, 2) ⁷.

Нельзя пройти мимо весьма показательной и интригующей информации индийского эпоса о горе Райвата/Райпата, между которой и океаном расположен город племени Yadu (Dvaraka), вызывающей ассоциацию с Рипейскими горами и страной Гипербореев. Еще более показательна информация о месте пребывания царевича Рамы в изгнании – лес Dandaka. А дальше число находящихся объяснение персонажей можно продолжить: Васу и Кришна (цари) из рода Яду (так по Геродоту и Страбону назывались Иония и населенная пеласгами Аттика), богиня Амбика – Афина Троянская или Деметра; Путана – пожирательница детей – Горгона; Калаяван – из рода Яду, брошен, и его воспитывает как своего собственного могучий царь Яванов и Млеччхов; Прометей – др. инд. Pramata; Данай – Dhanadjai; Ашвины – Яму и Ману; Икшваку – внук солнца и Рама, внук Икшваку (родословная Ромула); Наги – сыновья Кадру: 4-й из них назван Taksaka; Шива с трезубцем – Нетунс этрусков; Индра, поражающий змея глубин – Персей, поражающий медузу; Праджпати – этрусский Киллен и римский Янус; главным богом считается у этрусков не находящий сходство с индийским Дьяусом Тиний, а именно Килленус; оргии Диониса – оргии Индры, пляшущего с борзой Сарамейей, привязанной к стремени; солнечный бог Сурья – этр. Suri, (а помимо этого совпадают и сами названия богов – deva/Tiv), Тваштар, Пушан, Савитар, Индра, Яма как проявления солнца через религиозные персонажи хеттов и ликийцев находят аналогичные проявления у эллинов и этрусков. Перечис-

---

⁶ Согласно мифам Древней Индии, Раман – сын Сомы. Он относился к Лунной династии, а его царство находилось на острове Двипа. Среди римских имен, как нетрудно заметить, ему соответствуют имена Рем, Ремул, Рамнет, Раман и Рамни (33, р. 33–36).

⁷ «Эногры, – пишет он, – не только заняли многие другие области Италии, но и от земель омбриков отторгли часть области Кас...».

ление показывает не только сходство личностей богов и героев, но и идентичность одежд, сюжетов об их испытаниях, ритуалах и ритуальных танцах. Если говорить об этосе, то слова Юдхитхиры, обращенные к Арджуне («...на нашей стороне **Правда, Мужество, Справедливость**») вполне коррелируются как с принципами греческой этики (*dike, arête, aidos, tehne* и др.), так и практически полностью идентичны римской морали: *virtus, ius, fides u pietas* (**мужество, справедливость, верность долгу и его исполнению** [12, с. 25–26].

Почти столь же крупное по масштабам звено культурно-мифологической общности и тоже с ярко выраженными общеиндоевропейскими параллелями давно опознано учеными в цикле преданий о поражении трехтелого и трехглавого монстра «третьим сыном» Тритой/Траэтаной, распространенного, как свидетельствуют росписи гробниц, в Волатерре и среди этрусков. Несмотря на то, что семантика собственно этрусского образа остается пока неизвестной (возможно, как и иранский образ, она, отражая отличную систему ценностей, является иной), предположение о восхождении данного образа в этрусской мифологии к индоиранскому (точнее, к иранскому) источнику отнюдь не кажется слишком надуманным.

Обращает на себя внимание, что если тождественный цикл греческих мифов о победе Геракла над трехликим и трехтелым Герионом (как и римский) в последнем отношении ближе к древнеиранскому по признаку отсутствия космогонии, то сами имена этрусского героя *Set(h)lansa* и его противника, находящие аналоги в «Ригведе» и мифологии кельтов, по мнению специалистов, отражают общие праиндоевропейские представления, а следовательно, являются реликтами древнейших сказаний. Поэтому, отмечая невозможность возведения древнеиранской, греческой и римской версий данного сказания к единому семантическому прототипу с древнеиндийской, присутствие перечисленных совпадений, как нам представляется, не исключает этого ни для этрусской космогонии, ни для их дивинации. Если данное наблюдение верно, то оно свидетельствует о единстве культурно-исторического контекста в рамках которого у этрусков формировался соответствующий миф.

То же самое можно сказать и о крылатых мифологических персонажах Древней Индии, Ирана, хеттов, греков и этрусков (Ганд-

харвы – Кентавры и т. п.). Важно другое. По нашему убеждению, в приводимых примерах выявляется не общность, а именно схождение и сюжетов, и имен и очень глубокой системности между этрусками и индоариями.

Наиболее ярким подтверждением приводимой мысли является присутствующие в содержании 7 Мандалы «Ригведы» гимнов о битве 10 мифических царей (*dasarajna*), повествующих о противоборстве *бхарата-ариев* (племен **Tritsu (Солнечная династия)**) с племенами *дасиев* (**Puru/Kuru** или **Лунная династия**) (RV., VII, 18, 33 и 83, 4–8), время которой, определяя ее как поворотный пункт истории Древней Индии, специалисты датируют в широком диапазоне от 2900 г. до н. э. до 1000 г. до н. э.

Интерес к их содержанию определяется в первую очередь тем обстоятельством, что они содержат представляющую перво-степенный интерес с точки зрения сформулированной нами темы этнонимиию.

Перечень названий этих племен (напомню, что они *dasya*) весьма впечатляет. Это **Alina, Yadu, Turvasa, Anu** ⁸, **Darada** ⁹,

---

⁸ Находит массу аналогий, в том числе и в названии древнейших племен Закавказья и Пелопоннеса – энианы Геродота, эниены Страбона, название древнейшей армянской столицы Ani.

⁹ Darada – дарды, которые распространились сначала в Индию, а оттуда в Малую Азию (Дардания) и на Балканы. Они упоминаются в тексте договора Муваталла II с Алаксандусом, участвуют в битве при Кадеше и знакомы Гомеру. Лингвисты (на основании родственных по языку топонимов и гидронимов установившие близость между дардскими языками Средиземноморья и Индии) предполагают, что последние у дардов и индоариев не только родственны между собой, но и являются двумя ветвями, одновременно выделившихся из единого протоиндоарийского языка диалектных групп. В. Л. Цымбурский, в частности, находил возможным отождествлять дардов Малой Азии и Балкан с курганной группой IV по М. Гимбутас, рассматривая появление данных миграционных волн в связи с той, которая избрала своим основным вектором восточное направление. [26, с. 66]. Еще одно важное наблюдение в последнее время было сделано относительно определения соотношения между собой пеласгов античной традиции и млеччхов «Ригведы», в качестве проявлений которого специалисты рассматривают присутствие индоарийской топо- и гидронимии на Балканах и в Средней Италии (*Yadu/Iada* – Аттика, др.-инд. Kas и лат. Cas (Энотрия), где проживали энотры и аборигены (*boreigones*). Такой постановке вопроса вполне соответствует выявление родственных связей между пеласгическими и праэллинскими языками, объясняемых на современном этапе их происхождением из единого языка-основы [53, p. 199].

Bhrigu, Bhalana, Matsya, Parsu, Parni/parnoi, Saka. Но и это еще не все. В рассказе о самой битве содержатся частые указания на союзные отношения между племенами **Matsya, Turvasa, Yaksu/Yadu**, а также на отношения гостеприимства с ними со стороны **Bhrigu и Druhyu** (RV., VII, 18, 6). Но самый большой интерес представляет информация, согласно которой конфедерация последних была усилена присоединением к ней **Paktha, Bhalana, Alina, Saka/Shiva и Visani** (RV., VII., 18, 7). Не менее содержательно и повествование о победе царя Тритсу Судаса (RV. VII, 33, 6), в котором сообщается о получении последним дани от **Ajas – царя**¹⁰ племен **Sigru и Yaksu/Yadu** (RV., VII, 18, 20), а также о разрушении Индрой 7 городов врага и захвате всех сокровищ **Anu** с последующей их передачей победителю – Судасу (RV., VII, 18, 13; 17 (46, p. 22, 39, 41–47). Наконец, обращают на себя внимание личные имена героев данного сражения: **Turvasa** (упоминается уже в I, 47 как древний царь), **Yaksus/Yada** (где yaksu – эпитет Yada), **Aija, Aila, Turvasa Druhyu (Эак, Эол, Дор, Тирсен и др.?)**¹¹. Но в еще большей степени настораживает присутствующее в других гимнах «Ригведы» утверждение, по которому цари древнейших династий *ведут свое происхождение из двух родов Aila и Yksiaku/Yadu*, насчитывающих 101 патриархальную общину (RV., I, 54–58; 60,1; III, 5, 10)¹². Основными

---

¹⁰ В связи с этим именем следует вспомнить Эака греческих мифов – строителя Лаомедонтовой Трои, которого называли, как свидетельствует этимология Aia, «человеком из Эи» [25].

¹¹ Называются два царя яванов (ионийцев?) – Mura и Naraka, друживших с царем Запада Bhagadatta (PB. I, 47, 5).

¹² В этой связи особый интерес представляет древнейшая ипостась Будхи (Budha), сын которого от Илы (Ilu) по имени Пурувас называется основателем Лунной династии. Если сравнить с происхождением Солнечной династии, то нельзя не заметить присутствия общего персонажа, олицетворяемого персоной «небесной танцовщицы» Илы, имя которой в семантическом плане, по всей видимости, или имеет прямое отношение к названию Трои/Илиона в Малой Азии, или составляет общую корневую основу. Последнее вполне вероятно, поскольку праахейская Троя рассматривается А. Л. Гиндиным и В. Л. Цымбурским в качестве места перераспределения греко-фрако-фригийских племен (и, возможно, этрусков) на их пути в новые места проживания на Балканах и на Аппенинском полуострове.

кланами Яду называются: **cu rasena**¹³, **madhu** (назван и Madhu (греч. Μηδωνηοσ ?) – старейшина династии Яду), **partha, alinas, andhaka, vrisni, aila, yavana и kalayavana, mathura**, одни из которых поддаются идентификации (этруски, меды, парфяне, эллины, эолийцы, ионийцы), а другие ее еще ждут. Упоминаемые в «Махабхарате» яваны и млеччхи помимо всего в ряде случаев рассматриваются в качестве составных частей как двух родов Яду-Куру, так и самого племени ядавов (Yadu)¹⁴. Упоминаются в «Ригведе» и отдельные имена царей cu rasena – Bhirasena, Sugrasena и др., неизменно включающие в свой состав понятие «воин-герой» [6, с. 430].

Это достаточно частое и напоминающее эпическую формулу совместное упоминание Yadu и Tugvasa представляется весьма симптоматичным. Определенный аналог ему можно обнаружить в свидетельствах Дионисия Галикарнасского. Последний сохранил оставшееся до его времени представление о том, что в глубокой древности «тиррены населяли и Лемнос и Афины» (Dion. Hal. I, 24, 3). «Ведь название Тиррения, – указывает он, – было тогда широко распространено по Элладе, и вся западная Италия, лишенная наименования по народам, получила это обозначение, как это случилось повсюду в Элладе и относительно называемого так ныне Пелопоннеса. Ведь по одному из обитавших там народов – по ахейскому – весь полуостров был назван Ахайей, а на нем проживали аркадский, ионийский и многие другие народы» (Dion. Hal. I, 24, 3).

---

¹³ Согласно Арриану, Диодору и Страбону, Мегасфен в своей книге об Индии упоминает племя соурасенов как одной из ветвей племени ядавов, проживавшем в его время в районе Матхуры и поклонявшегося пастушескому богу Гераклу [40, р. 112]. Привлекает внимание имя родоначальника этого народа – Bhad Rasena, сын Римбаха (Rimbach) и «небесной танцовщицы» Илы, который имел 100 детей, в том числе носивших и имена Yadu, Bharasena, Hava, Ylavart [29, р. 210–212].

¹⁴ Весьма внушительное подтверждение в пользу былой общности предков Ведических Ариев, ахейцев и этрусков обнаруживается у Геродота, в повествовании которого о городах Панионийской симмахии присутствует отвергнутое переводчиками текста (его предпочитали трактовать как «... три Ионийских города...» определение Ἰαδες πόλεις (Herod., I, 142), распространяемое, как это следует из изложения, «отцом истории» на Самос, Хиос и континентальные Эритры. Иными словами, задолго до Страбона, связавшего с Iadu древнейшее название Аттики, Геродот, надо думать, поступал точно также в отношении Ионии, что, в свою очередь, представляется весьма симптоматичным в свете высказывания Солона, согласно которому «Аттика – исконная (αρχαῖος) земля Ионии» [31, р. 91].

Несколько измененный, но примерно такой же по составу список участников знаменитой битвы при Курукшетре представлен и в «Махабхарате». Здесь мы встречаем **bharata, kuru, yavana, wanaya, mlecccha, bhrigu, meru, saka, ladaka, matsya** и **cu rasena**. Считается, что за ними скрыты бхараты-куру, яваны/ванаи, бриги (фригийцы), саки, лидийцы, меоты и расены (самоназвание этрусков). Кроме бхаратов-куру, все остальные, по мнению Х. Вильсона, принадлежали к индоевропейской группе народов, которых, как и пеласгов, в индийской эпической традиции называли варварами – **mlecccha**, что дословно означает «говорящие с акцентом». [54, р. 206]. При этом специалисты допускают возможным одинаковость формирования как представлений, так и самого отношения пришельцев к местному населению. Другими словами, и в Индии, и в Греции млеччи и пеласги были отнесены ими к варварам, что и предопределило последующие взаимоотношения между ними, зафиксированные в мифах и эпической поэзии двух народов. Нашлось в них место и для *праэтрусков cu rasena*, которые, по данным «Махабхараты», совместно с **matsya** и **kasa** (вторая волна последних около 1200 г. до н. э. отправилась на Восток, т. е. до того осталась в местах своего прежнего проживания) мигрировали из города Дварака в местность **Karapta**, где они осели в долине р. **Tysa** (RV., VI, 2, 66; Mhb., XIV, 38).

Небезынтересна информация «Ригведы», «Махабхараты» и «Рамаяны» относительно судеб упоминаемых народов после участия в указанных выше битвах. Приведем только один пример. Во второй книге «Махабхараты» сообщается, что «северные **bhud**, а также 18 других племен... бежали на Запад; туда же бежали также и **cu rasena.., sukutta, matsya...**» (Mhb., II, 13) [14].

Как бы ни удивляли эти специфические схождения, максимально сблизить природу их содержания, уповать на автоматическую доказательность и всеобъемлющий характер индо-этруско-го единства, по всей видимости, нельзя, поскольку неизвестна, с одной стороны, как та культурная общность, внутри которой происходило зарождение и формирование этноса, языка, идеологии и культуры этрусков, а с другой – остается неизвестным, каким путем – прямым или опосредованным – ее общеиндоевропейские

мотивы оказывали на них свое воздействие. В отсутствие этого, и с этим, как мы считаем, надо согласиться, сам факт сходств оказавшихся далеко друг от друга народов следует воспринимать как напоминание об их былой общности. Основания для такой постановки вопроса есть. В частности, можно сослаться, с одной стороны, на сообщения Геродота и Страбона, согласно которым Аттика в древние времена носила название Iada, напоминающее собой (а по сути – идентичное) этноним Yadus «Ригведы» и «Махабхараты», а с другой – рассмотреть их в контексте данных Дионисия Галикарнасского, согласно которым тиррены некогда населяли Афины, а название «Тиррения» было широко распространено по Элладе вообще (Dion. Hal., I, 24, 3–5). Такая возможность может быть подкреплена аналогичной информативностью «Ригведы» относительно племен Yadus и Turvasas, которые в большинстве случаев упоминаются в ней всегда в тандеме как враги династии Пуру (dasas), проживающие к тому же на далекой периферии от земель ведических ариев и обладающих другим, чем племена anc, druhyu и rigus, предком [52, p. 127]. В данном случае, по нашему глубокому убеждению, важны сами сходства и совпадения, какой бы характер своего происхождения они не имели.

Как известно, длительное время в историографии античности поддерживалась точка зрения, согласно которой какая-то часть этрусков имела отношение к Энею и потому может рассматриваться в качестве троянских беженцев. Такая трактовка переносилась и на определение путей их этно- и политогенеза напрямую из Трои.

К настоящему времени, несмотря на то, что когда-то такая концепция казалась новым словом в науке, не только доказана ее ошибочность, но и ложность представления о происхождении этрусков от троянцев вообще [22, с. 123]. Подводя итоги размышлений над книгой Л. С. Клейна, В. Л. Цымбурский писал: «...никакой гипотезы о происхождении этрусков от троянцев никогда в античности не было, как не было отождествления Энея и его компании с этрусками. Все это спекуляции XX в., в коих особенно отличились Ф. Бемер, А. Альфельди и, особенно, В. Георгиев» [22, с. 127]. Развивая свою мысль, он обратил внимание на то, что основа имени тирсенов во всех древних передачах звучит только Turs-, а не Trus-

и не Tros-. Основанием для такого умозаключения В. Л. Цымбурскому служит этнонимия в египетских надписях XIII–XII вв. до н. э., представляющая **twrws**, **twrjs** или **tjwrs**, передающая *tursa*, а не *trusa*, как у Л. С. Клейна. Более того, по его мнению, позднюю латинскую форму **Etruria** < ***Etrusia** прямиком сблизать с названием Трои нет оснований [22, с. 130].

Возникает вопрос: тогда как же объяснить появление столь многих тождеств в индийской, греческой и этрусской традициях? Если принять во внимание сохраненную Страбоном информацию, согласно которой пиратская талассократия тирсенов была древнее Критской (Strab., X, 4, 9), то такую возможность можно увидеть. Указанные сходства, на наш взгляд, можно объяснить только в том случае, если, во-первых, предположить присутствие праэтрусков в составе греко-арийской общности на территории степи и лесостепи Восточной Европы, а во-вторых, соединив данное известие с аналогичным свидетельством Диодора о талассократии фракийцев (См. Евсевий со ссылкой на Страбона: Euseb., Chron., I. Fr. 11 Schone), в свете концепции В. Л. Цымбурского о преваляровании фракийзмов в ономастике и пантеоне Этрурии [23, с. 72, 74, 76–79, 81–83]. Именно этот регион (правда, в масштабах Евразии в целом) рассматривается большинством исследователей, как лингвистов, так и археологов в качестве одного из вероятностных районов исхода индоевропейского населения, развертывавшегося одновременно на юго-восток и юго-запад, практически одновременно и с регулярностью для V–I тыс. до н. э. 1 раз в 500 лет [7, с. 265–266]. При этом основные пути их распространения из нее до Китая и до Италии были одними и теми же. В частности, Малоазиатский мост рассматривается как наиболее вероятный путь появления на территории Апеннинского полуострова не только пеласгов, но и этрусков, в языке и материальной культуре которых исследователи совершенно резонно усматривают черты сходства с урартами, хеттами, населением Восточного Средиземноморья и Ахейской Греции [29, р. 138]. Важнейшим аргументом, наряду с другими, выставляется тот, согласно которому основы языка, мифологии, религиозных учений хеттов и этрусков, эллинов, индоариев и авестийских иранцев в своей первооснове, в сущности, едины [8, с. 6].

А это не только указывает на «евразийский простор» как на общий очаг формирования сходных религиозных представлений у этих, по всей видимости, родственных племен, но и диктует настоятельную необходимость сопоставления между собой тех теорий, которые индо-греко-этрусское единство выводят с территории степи и лесостепи Восточной Европы ¹⁵.

Одной из них является концепция А. Л. Гиндина, которая исходит из посылки сосуществования прафракийцев с пралувийцами, а хеттов с праиндоиранцами в бассейне Верхнего Буга (севернее только прототохары), а их всех вместе взятых – с индоиранцами (между Бугом и Днепром) и прагреками, которые группировались с близкородственными им фригийцами и прармянами (пеонийцами), восточнее Приазовья между Днепром и Доном. Что касается пралувийцев-лукка, то их автор размещал на побережье Черного моря на юго-восток от хеттов в области между Южным Бугом и

---

¹⁵ Отчасти такого рода представление отложилось в «Авесте». В Виведате повествуется о том, что на востоке иранского плоскогорья (Vaikerta) и произошло разделение индоевропейских народов. Часть из них двинулась на запад и достигла стран Urv и Varni. Другая же их часть в то же самое время, двинувшись на юго-восток, пересекла страну Hilmand, затем проникла в земли Nartahend (эквивалент вед. Saptasindhu), после чего достигла страны «семи Индий» (Nartahindu). В ней зловердный Ангра Манью сотворил «несвоевременную жару». В интерпретации свидетельств иранского источника, как нам представляется, следует исходить из понимания отложенности в нем информации о волне греко-арийских мигрантов, первая часть которой, представленная греко-фрако-фригийцами, повернула на Запад, в то время как вторая, состоявшая из индоиранцев, разделилась на индоарийскую и собственно иранскую ветви, представители последней из которой, поднявшись долиной р. Теджен-Гируд в ее верховья, достаточно легко преодолели горные кряжи Гиндукуша. В данном контексте обращает на себя внимание синхронное распространение в первой половине II тыс. до н. э., археологически засвидетельствованных по всему кругу расселения индоевропейцев сходных типов оружия и транспортных средств. Это втульчатые с прорезями копьей, вислообушные топоры, ножи с намечающимся перекрестьем, наконец, самое главное – боевые колесницы с ободом в 4, 6, 8 и 12 спиц [30, р. 83–93]. Такие совпадения широко разбросанных исторических фактов вряд ли носят случайный характер. Скорее всего, они показатель складывания, как минимум, у восточных индоевропейцев не только единых стандартов военного дела, но и стоящих за ними общего языка и религиозно-мифологических представлений, отраженных впоследствии в представлениях ведических ариев, авестийских иранцев, хетто-лувийцев, праэллинов и прафрако-фригийцев, а с учетом множества фракизмов – в языке и культуре населения Этрурии и праэтрусков [34].

Дунаем, примыкая к прафракийскому пространству, расположенному южнее него, и разделяя с последним многие культурные характеристики. В уточнение взглядов своего учителя В. Л. Цымбурский внес только одну коррективу. По его мнению, установленное Г. Зольтой обилие армяно-германских изоглосс дает основание локализовать прагерманцев до их передвижения на Запад где-то к северу от греко-фригийско-армянского очага примерно на Среднем Дону [25, с. 56]. Именно из этого обширного региона сначала лувийцы, а потом и прагреки открыли поэтапное движение первых, а потом и вторых на восток Балкан и к Проливам. Это и была та курганная волна IV, которая разрушила раннебронзовые поселения на Балканах и в Малой Азии, утвердилась в Трое V, изменив этнический облик населения края и подготовив утверждение в городе правящего слоя с новыми культурными ориентациями и предпочтениями¹⁶. Последнее красноречиво иллюстрируется мифологической традицией и топономастикой Трои, содержащих архаические греческие формы, в том числе находящие аналогии в мифах и рисуемой ими топономатике «Ригведы» и Этрурии.

Данный взгляд вполне соответствует и наблюдениям зарубежных лингвистов. В частности, Джонатан Слокум, Сара Кимбол и Мария Лор находят возможным относить сопоставимость индохетто-греко-этрусской грамматики еще в рамках индохеттской, итало-кельтской и греко-армянской языковых семей и датировать ее возникновение XX–XVIII вв. до н. э. С другой стороны, компаративистское исследование языка этрусков, осуществленное Катлин Хуберт в контексте памятников археологии и искусства (Хуберт К.

---

¹⁶ Как отмечает В. Л. Цымбурский, произошло слияние отколовшейся части прафракийцев (и добавим праэтрусков) с обособившейся группой прагреков в новую конгломеративную общность. По всей видимости, наличие фракийского субстрата в греческом и этрусском может стать объяснением стремлений этрусских мастеров эпохи раннего железа наполнять общие с греками мифологические сюжеты своим собственным содержанием, восходящим ко временам совместного проживания или отложившихся на уровне генетической памяти воспоминаний о совместном участии в противоборстве племен на территории Малой Азии времени Нового царства хеттов (XIV–XIII вв. до н. э.). Во всяком случае, прагреко-индоиранские контакты рассматриваются большинством современных специалистов как предшествующие началу движения племен курганной культуры IV по М. Гимбутас, т. е. условно ко времени конца III тыс. до н. э. [34, р. 226–227].

«Курганный народ» и его языки», 2006), было завершено констатацией факта, согласно которому его формирование растянулось и в пространстве и во времени примерно на 1000 лет (с XX в. до н. э. – по 1000 г. до н. э.). При этом, как полагает исследовательница, язык этрусков проливает дополнительный свет на то, что происходило с развитием отдельных языков в период распада индоевропейской общности, когда они ушли с «материковой земли» в Анатолию и Лидию, где взаимодействовали как с родственными племенами иранцами, хетто-лувийцами (палайцами), прафрагийцами, пралидийцами, пракикийцами, прафрако-эллинами Трои, так и отдельными носителями семитических языков (пример: аккад. *saġum*, этр. *arnt/agunt*), и откуда примерно около 1200 г. до н. э. они развернули свою экспансию через Восточное Средиземноморье как и в Эгеиду, так и в Италию ¹⁷.

Итак, арио-этрусское единство легко просматривается практически на всех уровнях – лексики, ономастики и этнонимии ¹⁸. С учетом данного обстоятельства и результатов его обоснования в трудах Х. Р. Максвелл-Хислоп, но в первую очередь итальянских

---

¹⁷ Мнение К. Хуберт нами изложено по пересказу М. Копеланда [34, р. 179–182]. Но еще до появления данного труда в отечественной историографии часть поднятых в нем проблем рассматривалась И. М. Дьяконовым, Вяч. Вс. Ивановым и А. И. Немировским. Эти ученые осуществили следующие наблюдения: 1) присутствие в армянском языке палео-балканского и хуррито-урартского индоевропейских компонентов; 2) о родстве хуррито-урартских языков и языка этрусков; 3) континуум хетто-лувийского и праэтрусского языков через фрако-ликийский и ликийский; 4) о тождестве самоназвания хурриов (*hurri/harri*) др.-инд. *arua*. См.: [20]; [8, с. 6–7]. Этноним последних, возможно, происходит от др.-инд. *harit* (огненно рыжий, золотисто-желтый), тождественного греч. *κάρυφος* и *πύρρος* [22, с. 20–06; 104–105]. Нельзя также пройти мимо мнения Э. Коенраада, согласно которому к арийской народности следует относить касситских и митанийских индоариев, что помогает понять наличие множества индоарийской и иранской лексики в греческом и этрусском языках [44].

¹⁸ На близость сюжетов и идей этих разных народов указывает сходство этрусской химеры и римской волчицы с сюжетом живописной композиции «Волчица, кормящая двух человеческих детенышей», сопровождавшейся фресками с изображениями приключений Троянского Энея, обнаруженной при раскопках поселения Буджикат на юге Таджикистана. Сюжет композиции, по мнению автора раскопок, восходит к общности данного мотива, широко распространенного в том числе в мифологии индоевропейцев вообще, а вестийских иранцев в частности [18, с. 438–458].

ориенталистов Р. Петтациони, В. Пизани, У. Бьянки, Р. Лаццерони, находящая подтверждение в главных источниках мысль А. И. Немировского о наличии периода совместной истории индоариев и этрусков до переселения тех и других в новые места проживания представляется вполне заслуживающей внимания науки.

-
1. *Бонгард-Левин, Гурнов Н. В.* Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи, исследования. М., 1988.
  2. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992.
  3. *Гринцер Д. А.* «Махабхарата» и «Рамаяна». М., 1970.
  4. *Гринцер Д. А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
  5. *Елизаренкова Т. Я.* Samudra. К вопросу о море в Ригведе. (http://www.goerich-museum.org/PRS/book5/prs5_6.pdf).
  6. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
  7. *Емец И. А.* Проблема происхождения индоевропейцев в свете новых данных // Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М., 2008.
  8. *Иванов Вяч. Вс.* Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
  9. *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейские миграции // *Stratum plus*. – СПб., 1997. С. 20–25.
  10. *Ильинская Л. С.* Сиканы и сикюлы. Проблемы этногенеза // ВДИ. 1984. № 3.
  11. *Клейн Л. С.* Анатомия «Илиады». СПб., 1998.
  12. Культура Древнего Рима. Т. 1. М., 1985.
  13. *Махабхарата*. Кн. I–VII, IX / пер. В. И. Кальянова. М. – СПб., 1950–1998.
  14. *Махабхарата*. Кн. VII, VIII, X, XI / пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой. – М., 1992–1998.
  15. *Махабхарата*. Книга Вторая. Фтхарва или книги о собрании. Пер. с санскрита и комм. В. И. Кальянова. М., 1992.
  16. *Невелева С. Л.* Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1974.
  17. *Невелева С. Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
  18. *Негматов Н. Н., Соколовский В. М.* «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1974. М., 1975.
  19. *Немировский А. И., Харсекин А. И.* Этруски (Введение в этрускологию). Воронеж, 1969.
  20. *Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983.
  21. *Немировский А. И.* Мифы Древности. Индия. М., 2001.

22. Хьюз Б. Елена Троянская. Богиня, царица, блудница : пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006;
23. Цымбурский В. Л., Файер В. В. Рец. на кн.: Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 560 с. / В. Л. Цымбурский, В. В. Файер // ВДИ. 2002. № 1.
24. Цымбурский В. Л. Фракизмы в ономастике Этрурии и в ее пантеоне // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.
25. Цымбурский В. Л. Эя и Троя (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима $\Lambda\iota\alpha$ // Hrda Manasa. Сборник статей к 70-летию проф. Л. Г. Герценберга. СПб., 2005.
26. Цымбурский В. Л. Дарданская загадка // Вопросы классической филологии. М., 2009. Вып. 15.
27. Backes J.-L. Dictionnaire des Mythes litteraires, editions du Rocher. Paris, 1988 (1994).
28. Backes J.-l. Companion to Literary Myths, Heroes and Arhetypes. Oxford, 1992.
29. Barnett L. D. Hindu gods and Heroes. Philadelphia, 2006.
30. Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972.
31. Bryant E. The Quest for the Origins of Vedic Culturae: The Indo-Iranian Migration. Oxford, 2001.
32. Bryant E., Laurie L. The Indo-Aryan Controversy. Routledge, 2005.
33. Cardona G. The Indo-aryan Languages. Rounkedge-Curzon, 2002.
34. Copeland M. Etruscan Frazе. Torino, 2009.
35. Frawly D. The Rig Ved and History of India. Dehly, 2001.
36. Fussman G., Kellens J., Francfort H.-P., Tremblay X. Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale. Dehli, 2005.
37. Hittelbeitel A. The Ritual of Battle: Krishna in the Mahabharata. New York, 1990.
38. Homeri Ilias. Volumen prius rhapsodes I–XII continents, recesuit Martin L. West-Stuttgart-Leipzig, 1998.
39. Homeri Ilias. Volumen alterum rhapsodes XIII–XXIV continents, recesuit Martin L. West. Munich, 2000.
40. Ganguli K. M. The Mahabharata of Krishna Dwaipaiana Vyasa. Dehli, 2004.
41. Kazanas N. A. A new date for the Rigveda // Journal of Indian Council of Philosophical Research. 2001. June.
42. Kirk J. S. The Iliad: A Commentary Vol. 1–6. Cambridge, 1985–1993.
43. Kirk J. S. A Commentary in Odyssey. Vol. 1–3. Oxford, 1988–1992.
44. Koenraad E. Update on the Aryan Invasion debate. Dehli, 1999. (<http://koenraadelst.bharatvani.org/downloads/books/aid.htm>).
45. Laine J. W. Vision of God. Narratives of Theophany in the Mahabharata. Vienna, 1989.
46. Lal B. B. The Homeland of the arians. Dehli, 2005.

47. *Luckacs B.* If not then why? 1. The “Proto-Latin Theory” of the Magyar Language. 2003. URL: <http://rmki.kfki.hu> (дата обращения: май 2004 г.).
48. *Macdonell A. A., Reith A. B.* Vedic Index of Names and Subjects. Ch. 1. London, 1912.
49. *Macnamara E.* Everyday life of the Etruscans. London, 2006.
50. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–3. Heidelberg, 1986–2000. (EWA).
51. *Patil N. B.* Folklore in the Mahabharata. Dehli, 1983.
52. *Sergent B.* Genese de l’Inde. Paris, 1997.
53. *Setha K. D.* The Problem of Aryan Origin. Dehli, 1992.
54. Talagery Shr. The Rigveda: A Historical Analysis. Dehli, 2000.
55. The Encyclopedia of Religion / Ed. By M. Eliade & J. Adams. London, 1997.
56. *Wilson H. H.* The Vishnu Ourana: A system of Hindu Mythology and Tradition. Philadelphia, 2006.
57. *Witzel M.* Comparison and Reconstruction: Language and Mythology. Ch. 2. // Mother Tongue. 2001. Vol. 6.
58. *Witzel M.* Vala and Iwato. The Myth of the hidden Sun in India, Japan, and beyond // Electronic Journal of Vedic Studies. 2005. Vol. 12. Iss. 1.

УКРЕПЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В БОСНИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СТЕПАНА II КОТРОМАНИЧА (1314–1353)

Значительное укрепление позиций центральной власти в Боснии датируется началом 20-х гг. XIV в., когда происходит стабилизация внутривосточной ситуации в государстве после смуты конца XIII – начала XIV в. Раздоры в Боснийском государстве в этот период были связаны с попытками хорватских феодалов Шубичей и сербского короля Драгутина присоединить часть боснийской территории или даже подчинить ее своему господству.

Время правления бана Степана II характеризуется расширением границ Боснийского государства, а также ростом его роли в политической жизни Балкан. Источники, на основании которых можно судить о динамике политического развития Боснии, представляют собой, прежде всего, дарственные грамоты боснийских правителей¹, а также их торгово-политические договоры с далматинскими городами². В существующих исследованиях, которые относятся к сербско-хорватской историографии, политика Степана II не получила должного анализа. Излагая хронологию событий, такие историки, как С. Чиркович³, В. Чорович⁴, И. Божич⁵ и др., не уделили достаточного внимания степени важности рассматриваемого этапа, не было выделено основных направлений политики Степана II.

Внешняя политика Боснии, основные экспансивные векторы которой были заложены при бане Степане II, осуществлялась изначально в союзе и под надежным покровительством венгерского короля, которого Степан II поддерживал в его военно-политических акциях⁶. Территориальный рост и внутреннее укрепление Боснийского государства прослеживается по источникам, начиная с 1322 г. В грамоте, пожалованной Степаном II в этом году князю Вукославу Хрватиничу, дана новая, весьма значимая формулировка титула боснийского правителя: «аз светый Гргур, а зовом бан Степан, син господина бана Степана, по милости Божией господин всем землам Боснским и Соли и Усоре и Дольним краем и Хлмске

земле господин»⁷. Эти важные слова источника свидетельствуют, во-первых, о восстановлении власти боснийского бана над усорским банатом. Начиная со времени бана Нинослава (1214–1250), Усора занимала автономное положение в составе государства. Степан II, по всей видимости, сконцентрировал власть над этими землями в своих руках, окончательно устранив «усорских банов» от управления. Во-вторых, грамота доказывает признание сыном Хрватина Степанича Вукославом Хрватиничем, владения которого располагались в Нижних краях, власти бана Степана II⁸. И, в-третьих, указывает на приобретение Боснией Хума, ранее принадлежавшего Сербии.

Присоединение Хума к Боснии происходило на волне обострения внутренних противоречий в среде сербского правящего класса. Хумский феодальный род Бранивиевичей начиная с 1318 г. пытался играть независимую роль, лавируя между Сербией и Боснией. Окончательное включение Хума в состав Боснии было осуществлено к 1326 г. В. Чорович на основании материалов Дубровницкого архива заключает, что одновременно с Хумом боснийский бан добился присоединения к Боснии также Захумья. Одним из первых сербских феодалов, признавших власть Боснии, в этом районе стал невесинский и загорский жупан Познан Пурчич⁹. В результате держава боснийского бана получает выход к Адриатическому морю и один из наиболее выгодных торговых путей из Приморья во внутренние земли Балкан¹⁰.

Благоприятные условия для роста боснийской территории сложились и на Западе, где располагались владения хорватских феодалов. Их права все больше ограничиваются с начала 20-х гг. XIV в. в результате активной политики венгерского короля Карла I Роберта, направленной на укрепление авторитета королевской власти. Результатом участия боснийского бана в военных акциях против хорватских властел, не желавших подчиняться воле короля, и его умелого вмешательства в междоусобную борьбу хорватских феодалов, явилось включение в состав Боснии к весне 1326 г. Краины, которая располагалась в Приморье между реками Неретвой и Цетиной, а также Завршья, включавшего поля Ливаньско, Дуваньско и Гламочко¹¹. Таким образом, бан Степан II объединил

под своей властью земли, ограниченные Адриатическим морем и реками Цетиной и Дриной. Ни один боснийский правитель до него не обладал такими обширными владениями.

Приобретение прочных позиций на далматинском побережье по соседству с Дубровником имело большое значение для экономического развития Боснии и расширения ее торговых связей. Застой в торговых отношениях между Боснией и Дубровником, вызванный смутой предшествующего периода, а также сложностями с установлением границ между Дубровником и Боснией после присоединения Хума, был преодолен подтверждением 15 августа 1332 г. торгового договора 1240 г., заключенного во время правления бана Нинослава. В. Чорович, описывая события времен противостояния Боснии с Дубровником, в частности останавливается на эпизоде нанесения военных ударов воеводой бана Степана II Ружиром в 1331 г. с требованием денежных выплат, который Дубровник отказывался платить бану, объясняя это тем, что всегда направлял их непосредственным владельцам Хума ¹².

Текст дошедшей до нас грамоты свидетельствует о том, что обновленный договор имел существенные отличия от действовавшего ранее. Став непосредственным соседом Дубровника, Боснийское государство должно было утверждать свои отношения с республикой на новых началах, основную роль в которых стал играть фактор силы. Прежде всего, здесь следует отметить отсутствие упоминания в грамоте 1332 г. освобождения дубровницких купцов от уплаты налога в виде десятой части с продаваемого товара, что мы обнаруживаем в грамоте от 1240 г. ¹³ Это свидетельствует о проведении баном Степаном II более твердой экономической политики в отношении Дубровника.

В условиях постоянной угрозы военных действий бесспорной заслугой дубровницкой дипломатии стало включение в текст грамоты нового положения об установлении срока, равного шести месяцам, для беспрепятственного выезда дубровчан из Боснии в случае начала войны между двумя государствами ¹⁴. В договоре Степана II с Дубровником отсутствует также упоминание об обязанности боснийского правителя поддерживать коммуну в случае его войны с сербским королем, что мы встречаем в документе бана Нинослава ¹⁵. Однако, несмотря на всю сдержанную насторожен-

ность во взаимоотношениях двух государств, отразившуюся в документе, заключение этого торгово-политического договора свидетельствует о достижении компромисса и восстановлении прежнего торгового оборота между Боснией и Дубровником.

Во время правления бана Степана II происходит укрепление торговых связей Боснии и с другими приморскими городами. В 1339 г. был заключен торговый договор с Трогиром, где впервые упоминается горнорудное производство в Боснии. В тексте договора содержится разрешение бана Степана II трогирянам закупать в его землях золото, серебро и другие металлы ¹⁶.

Внешнеполитическое укрепление Боснийского государства, повышение степени его централизации способствовали более динамичному формированию всей системы внутренних органов управления. На основании анализа и сравнения договоров с Дубровником бана Кулина 1189 г., бана Нинослава 1214, 1240 и 1249 гг., бана Степана II 1332 г., его дарственных грамот 1322, 1323, 1324, 1351 гг., а также грамот наследника Степана II – Твртка I становится возможным проследить применительно к XIV в. усложнение административно-политического аппарата в сравнении с XII в. Два документа – 1249 и 1332 гг. – говорят о том, что территориально-административными округами в Боснии по-прежнему, как и в XII в., оставались жупании, но место прежних честников в качестве назначаемых управителей занимают жупаны – сановники, титулованная знать, подчинявшаяся верховному правителю ¹⁷. Помимо жупанов, в грамотах встречаются также князья, которые занимали более высокое положение в государстве. По всей видимости, титул князя был наследуемым, в отличие от жупанов, которые назначались на эту должность баном ¹⁸. О передаче титула князя по наследству свидетельствуют две грамоты бана Степана II: дарственная грамота 1322 г., данная сыну князя Хрватина Ключского князю Вукославу Хрватиничу ¹⁹, а также грамота 1323 г. о предоставлении милости сыну князя Вукослава князю Вукцу ²⁰. Употребление для представителей трех поколений одного рода титула князь может свидетельствовать в пользу его наследственного характера.

В военной сфере прослеживаются черты централизованного руководства, о чем свидетельствует наличие должности воеводы

уже в XIII в. В XIV в. над всеми воеводами был поставлен великий или главный воевода, осуществлявший верховное командование войсками бана. Впервые человек с таким титулом появляется в грамоте Степана II от 1332 г.: «велики воевода Владислав Галешич»²¹. Доходы бана стекались в государственную казну, которой управляли казнацы.

Долгое время оставалось невыясненным, какое место при дворе бана занимал тепчия. Впервые человек с таким титулом встречается в грамоте бана Нинослава 1240 г., в которой среди бояр бана на первом месте упоминается воевода Юриша, а следом за ним «тепчия Радона»²². Анализ грамот трех банов – Нинослава, Степана II и Твртка I, – а также сравнение с Сербией приводит М. Благоевича к важным выводам о роде деятельности человека, носившего этот титул. По его мнению, тепчия осуществлял контроль над землями правителя и в таком качестве по своему рангу следовал сразу за казнацом. Его высокое положение при дворе было обусловлено первостепенной ролью землевладения для боснийской знати, которой правители предоставляли земли на разных условиях. Тепчия был осведомлен об этих условиях и следил за их выполнением. Он охранял интересы бана, наблюдая за реализацией возложенных на феодалов обязательств²³. Т. е. возвышение тепчии является косвенным доказательством реакции боснийских правителей на борьбу, скрытую от нас, в процессе перераспределения земли в Боснии. Боснийские баны стремились через своих официалов, занимавших должность тепчии, упорядочить процесс циркуляции земельной собственности и обезопасить себя. Однако в целом по сравнению со странами Западной Европы центральное управление в Боснии, так же как и в Сербии этого времени, оставалось слабо упорядоченным, функции сановников и чиновников более низкого ранга, за некоторым исключением, были неопределенными²⁴, поскольку нигде не зафиксированы их обязанности.

Сохранившиеся грамоты бана Степана II сообщают имена «дяжков», которые по установленной форме писали грамоты бана. Традиция указания имен дяжков берет свое начало со времени бана Кулина. Но если тексты грамот XII – первой половины XIII вв. являлись достаточно примитивными, то документы XIV в. демон-

стрируют явный прогресс в этой области. Слог грамот времен Степана II выглядит более пышно и торжественно: «А сию книгу писа Прибое дияк великога славнога господина бана Степана господина всем землям Босанцем и Хумсцем и Доњем краем господин»²⁵.

Все перечисленные группы служилых людей в Боснии – жупаны, воеводы, казнацы, тепчии, дияки и др., – как и в Сербии, приобретали за свою службу земельные владения и пополняли ряды властелы.

Боснийская государственная судебная система этого времени еще окончательно не оформилась из-за незавершенного процесса складывания структуры государственного управления. В Боснии параллельно функционировали феодальный суд, действовавший в вотчинах, суд бана и порота (или «састанак»), рассматривавшая пограничные или международные конфликты. Феодальный суд, издавна существовавший в Боснии, являлся главным элементом феодальной власти над зависимым населением. О нем сохранились немногочисленные, косвенные свидетельства источников²⁶. По аналогии с Сербией можно констатировать, что он был основан на обычном праве. В этом суде, по всей видимости, использовались ордалии в качестве доказательства правоты²⁷. Важной особенностью боснийского обычного права была глубоко укоренившаяся в нем кровная месть, которая не отменялась даже в случае заключения мира между сторонами. К. Иречек видит в том одну из причин жестоких междоусобиц в Боснии в XV в.²⁸

Верховным судьей в Боснии, как и во всех средневековых монархиях, выступал правитель, судивший через своих чиновников – приставов при дворе и жупанов на местах²⁹. Появление суда в канцелярии бана, по всей видимости, происходит к XIII в. Однако этот суд был преимущественно направлен на рассмотрение конфликтов внутри господствующего класса и конфликтов с иностранцами. Начало его работы можно проследить со времени правления бана Нинослава, в грамотах которого прописаны некоторые юридические нормы для разрешения противоречий между боснийцами и дубровчанами. Из грамоты, изданной в 1214 г., следует, что в это время суд бана уже существовал, поскольку в нем должен был судиться дубровчанин, совершивший преступление против босний-

ца³⁰. В последующих грамотах Нинослава – 1240 и 1249 гг. – прямо указывается на наличие при его дворе судебного органа³¹.

Явный прогресс в развитии боснийской судебной системы прослеживается уже с грамот бана Нинослава. Два документа – 1214–1217 и 1240 гг. – показывают укрепление международного правового положения Боснии. В это время в боснийском законодательстве появляется запрет на репрессалии – меры, применявшиеся в средневековье, когда при длительной неуплате долга иностранцем требовали и получали долг с его согражданина. Переход к системе личного воздаяния наиболее полно проявился в системе городского права Дубровника. Поскольку в городе и округе было много славян из хинтерланда, в том числе и из Боснии, находившихся на службе у Коммуны или частных лиц, Дубровнику было выгодно через них поддерживать добрые отношения с соседями. В 1303 г. Коммуна распорядилась завести особую «книгу заслуг», куда вписывались имена славян, служивших Коммуне или отдельным дубровчанам, их услуги и хорошие поступки. А также решено было записывать и тех, кто нанесет обиды и несправедливости Дубровнику и дубровчанам, чтобы можно было воздавать награды и наказания каждому³².

Упразднение репрессалий происходило постепенно. В 1214–1217 гг. они перестают действовать по отношению к дубровчанам³³ и только двадцать лет спустя – к боснийцам³⁴. Отмена репрессалий, расстраивавших налаженные торговые связи, была значительным шагом вперед в развитии боснийской судебной системы, а трансформация текста договора спустя два десятилетия в пользу увеличения прав подданных боснийского бана говорит о дипломатических и правовых успехах Боснийского государства в середине XIII в.

Дальнейшее развитие судебной системы в рамках канцелярии бана происходит в XIV в., о чем свидетельствуют грамоты Степана II, в которых постановления, предусматривающие наказания для дубровчан и боснийцев в случае совершения ими преступления, в большей степени разработаны в сравнении со временем Нинослава. В грамоте 1332 г. по мере определения компетенций дубровницкого суда для боснийцев и боснийского для дубровчан прорисовываются основные черты боснийской правовой систе-

мы этого периода. Боснийский суд рассматривал дела, в которых преступление было совершено боснийцем против дубровчанина. Такое тягчайшее преступление, как убийство, совершенное в Боснии, разбиралось исключительно в суде бана, невзирая на подданство преступника³⁵.

В дубровницком суде, функционировавшем в боснийских колониях дубровчан, рассматривались дела, в которых дубровчане судятся между собой и не обращаются в суд бана, в случае если босниец обвиняет дубровчанина, а также в случае, если босниец судился с дубровчанином в Дубровнике³⁶.

«Порота» (или «станикум») издавна существовала во всех соседних славянских государствах в качестве пограничного суда, призванного решать междоусобные конфликты соседей, прежде всего, по земле. На станикуме разбирались также дела о погромах скота, морском разбое, грабежах на больших дорогах, кражах, убийствах³⁷. В основе пороты лежали старые славянские обычаи, но, по всей видимости, на ее развитие большое влияние оказали судебные системы Дубровника и саксонских рудокопов, которые для своего времени были передовыми: их элементы включали свидетелей, тяжбу сторон, письменные документы как доказательство, присяжных³⁸.

Под влиянием норм дубровницкого и саксонского судов к XIV в. появляется новый вид пороты под прежним названием, получивший более четкое и юридически обоснованное оформление. Примером для судебных тяжб такого рода служила порота, на которой разбирались споры между дубровчанами и жителями общины Хума. Признание боснийским баном такой судебной системы отчетливо проступает во фразе, стоящей в конце грамоты: «А дубровчане да живу Хумскомъ земломъ у нихъ закону у пръвомъ»³⁹. Каждая тяжущаяся сторона на станикуме выбирала судей, видимо, наиболее компетентных в том или ином деле. Судьи приносили присягу, в которой обязывались судить добросовестно, без обмана, согласно древнему обычаю⁴⁰. В отличие от старых пограничных судов новые поротные суды, введенные в XIV в. в Сербии, а затем и в Боснии, представляли собой суд соприсяжников. Вместо двух судей в спорах с иностранцами появляется коллегия, состоящая

из земляков обеих сторон в равном количестве ⁴¹. Такой порядок проведения судебных тяжб свидетельствует о достижении более высокого уровня этого вида суда.

В грамоте 1332 г. достаточно обстоятельно разбираются два случая, связанные с поротой, в одном из которых в качестве должника выступает босниец, а в другом – дубровчанин. В обеих ситуациях для разбирательства созываются соприсяжники («поротники»), которых было по пять с каждой стороны.

Не совсем ясный термин «самошеть» встречается в грамоте в связи с поротой. В отношении боснийца сказано: «Ако бошнанинь запси да ние дужань, да му нарече пресеки самошесту» («Если босниец не соглашается, что он должен, призвать его к принесению самошеста») и дубровчанина: «Ако запси, да му нарече пресеки самошесту» («если не соглашается, пусть приносит самошеть») ⁴². К. Иречек толкует его как необходимость принесения присяги ответчиком шестым, т. е. после пяти избранных им соприсяжников ⁴³. Договор четко указывает на порядок выбора соприсяжников с боснийской стороны. Если ответчик – босниец, судей назначают представители правящей династии, если же ответчиком окажется некто, принадлежащий к династии, то судей он назначает сам из любого рода ⁴⁴. Когда ответчиком оказывается дубровчанин, он сам может выбрать соприсяжников для разбирательства по его делу ⁴⁵.

Боснийская судебная система этого времени предусматривала также использование штрафов. Например, в договоре 1332 г. предусматривалось, что за совершение преступления грабителем штраф платился бану и пострадавшему ⁴⁶. Сурово каралось бегство из страны боснийца, который был должен дубровчанину. В договоре по этому поводу записано, что он лишался милости бана ⁴⁷, т. е. такой шаг был приравнен к измене. К. Иречек, сравнивая сербскую судебную систему с боснийской, отмечает, что смертная казнь в Боснии в отличие от Сербии была более распространенным явлением ⁴⁸.

Споры феодалов между собой и с правителем разбирал государственный сабор. В грамоте 1353 г., пожалованной князю Влатку Вукославичу братом бана Степана II князем Владиславом и новым баном Твртком I, упоминаются «думанадесете (т. е. двенадцать) добрех Бошнан», выступавших свидетелями в предоставле-

нии милости ⁴⁹. Появление в грамоте определенного числа феодалов свидетельствует о некоторых установленных функциях этого круга лиц, которые, по всей видимости, сводились к контролю за действиями верховной власти по отношению к феодалам. В этой же грамоте имеется еще одно доказательство функционирования в Боснии двух судебных органов. В качестве свидетелей упоминаются два пристава, один из которых – Богдан Бельханич – пристав «от двора», а другой – Степое Хрватинич – «от владания» ⁵⁰. По всей видимости, здесь имеются в виду судебные органы бана и сабора, каждый из которых имел своих служащих. В целом, к сожалению, приходится констатировать, что малочисленные грамоты боснийских государей доносят до нас лишь нечеткие следы судебной деятельности сабора.

Анализ представленного материала показывает, что, несмотря на неоформленность боснийской судебной системы, она находилась в постоянном развитии, перенимая достижения дубровницкого и саксонского судов, функционировавших в боснийских городских поселениях. Кроме того, отчетливо прослеживается сильная позиция боснийского бана, укрепляющего центральную власть в государстве через требование выполнения его постановлений.

Стремление к участию в общественно-политической, административной и судебной сферах деятельности феодалов, а позднее и горожан, с одной стороны, усложняло структуру органов, в которые они входили, но, вместе с тем, интеграция разных слоев населения в единую систему государственного управления способствовала развитию Боснии по пути, направленному на укрепление центральной власти и преодоление центробежных сил. Появление органов, которые пытались противопоставить себя государственной власти, вызревавших зачастую внутри самих властных структур (сабор, городской суд), должно было привести при благоприятных условиях к установлению диалога между верховной властью и населением страны. Таким образом, взаимодействие всех частей боснийской средневековой политико-административной системы, которая начинает проявлять себя в документах, относящихся ко времени правления бана Степана II, способствовало складыванию единого социально-политического организма Боснийского

государства. Но перекосы в социальном развитии Боснии, имевшие своим последствием наличие слишком сильной прослойки крупнейших феодалов при соответственном ослаблении средних и низших слоев господствующего класса, а также недостаточность благоприятных условий для укрепления городского сословия, не позволили создавшимся тенденциям внести в достаточном объеме позитивный вклад в развитие государственных структур в Боснии.

В религиозном плане при бане Степане II продолжает сохраняться своеобразная ситуация, когда боснийский католический епископ находился за пределами Боснии. Но в целом, начиная со Степана II, политика боснийских правителей в отношении католической церкви становится более сдержанной. Источники фиксируют применительно ко времени бана Степана II деятельность францисканцев и доминиканцев в Боснии. В послании папы Иоанна XXII задарскому и сплитскому архиепископу 1327 г. упоминается спор между указанными орденами о том, кому принадлежит право исправления суда инквизиции в Боснии, Славонии и Далмации⁵¹.

Вместе с тем, боснийский епископ по-прежнему практически не имел влияния на внутреннюю жизнь в государстве. Появившийся в источниках с 1346 по 1348 г. боснийский католический епископ Перегрин⁵², как считает Н. Клаич, находился только лишь на дипломатической службе у бана Степана II⁵³. Пустующее пространство в религиозной сфере Степан II пытался частично заполнить без ущерба для своего положения так называемой «боснийской церковью», структура которой окончательно складывается в это время. Опасность признания им ереси в качестве господствующей религии в стране крылась в потере вследствие этого международного авторитета как самого правителя, так и всего государства. Она грозила военными вторжениями, прежде всего, со стороны Венгрии, никогда не оставлявшей намерения превратить Боснию в зависимую область. Поэтому нигде в международных договорах мы не встретим упоминания патаренских иерархов.

Другая ситуация была характерна для внутренних отношений боснийского правителя со своими подданными. Иногда для придания большего веса своим действиям, например, дарения земли

или предоставления милости, бан призывает в свидетели патаренов, пользовавшихся большим уважением местного населения. Так, грамота 1323 г. о предоставлении милости князю Вукославу Хрватиничу была составлена в присутствии «деда», «гостя» и двух «старцев»⁵⁴. Но использование их авторитета было, пожалуй, единственной точкой соприкосновения еретической организации и центральной власти. Разделенность церкви и государства, характерная для Боснии XIII–XIV вв., не встречающаяся в период средневековья ни в одной стране Европы, в области внешней политики исключала возможность зависимости от других более могущественных католических или православных стран (Венгрии и Византии), а в области внутренней – позволяла распределять имеющийся земельный фонд исключительно среди светских феодалов, тем самым привлекая их на определенном этапе на свою сторону. Правда, указанные выгоды, состоявшие в решении сиюминутных проблем, не могли сравниться с непреодолимыми социально-политическими трудностями, постепенно вызревавшими в течение XIII–XIV вв. и проявившими себя к началу XV в., когда начинается перманентное разрушение Боснийского государства.

В 1353 г. после достаточно долгого и успешного правления умирает бан Степан II Котроманич. Уровень экономического и социально-политического развития Боснийского государства, который был достигнут к этому времени, позволил после непродолжительного кризисного периода, в который происходит утверждение власти наследника бана Степана II Твртка I, вступить в полосу небывалого расцвета при новом правителе.

---

¹ Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / Прикуп. и уред. А. В. Соловјев. Београд, 1926. С. 105–109, 153.

² См., например: Ibid. С. 117–119; Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / sabrao i uredio T. Smičiklas. (далее CD) Sv. X. Zagreb, 1912. S. 494; Стари српски повеље и писма / Скупио и средно Љ. Стојановић. САН. ЗИЈК. I од. Књ. 19. Београд Ср. Карловци, 1929. С. 76–82.

³ *Турковић С.* Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964. С. 75–93.

⁴ *Ђоровић В.* Хисторија Босне. Књ. 1. Београд, 1940. С. 225–264.

⁵ *Historija naroda Jugoslavije. Vol. I. Zagreb, 1953. S. 561–568.*

⁶ Представители старой историографии, в частности С. Чиркович, видели в союзе боснийского бана и венгерского короля вассальную зависимость Степана II от Карла I (см.: *Ђурковић С.* Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964. С. 86), что не подтверждается документами. На отсутствие источников, которые бы свидетельствовали об этом, даже среди венгерских документов обращала особое внимание Н. Клаич. См.: *Klaić N.* Srednjovjekovna Bosna. Politički položaj bosanskih vladara do Tvrtkove krunidbe (1377 g.). Zagreb, 1994. S. 183–185.

⁷ Одабрани споменици... С. 105.

⁸ Десять лет спустя в договоре, заключенном баном Степаном II с Дубровником в 1332 г., появляется в качестве свидетеля и вместе с тем сторонника бана другой сын Хрватина Павел Хрватинич (Ibid. С. 118). Таким образом, начиная с этого времени, весь род Хрватиничей оказывается на стороне боснийского бана.

⁹ Подробнее о присоединении южных сербских областей к Боснии см.: *Ђоровић В.* Историја Босне. Књ.1. Београд, 1940. С. 243–246.

¹⁰ Значительность этих приобретений для экономического развития Боснии подчеркивает Д. Ковачевич-Коич. См.: *Ковачевић-Којућ Д.* Градска насеља средњовековне Босанске државе. Сарајево, 1978. С. 29.

¹¹ Об этом см.: *Ђоровић В.* Историја српског народа // 1 ноября 2001: <http://www.rastko.org.yu/rastko-bl/istorija/corovic/istorija/> (дата обращения: 20 декабря 2012 г.)

¹² См.: *Ђоровић В.* Историја Босне. С. 252.

¹³ Одабрани споменици... С. 34.

¹⁴ Ibid. С. 118.

¹⁵ Ibid. С. 34.

¹⁶ CD. Sv. X. S. 494.

¹⁷ Функции боснийских чиновников, встречающихся с разнообразными титулами в источниках, можно восстановить на основании исследований сербского административно-политического аппарата. См.: *Шафорова Л. А.* Некоторые аспекты эволюции управления Сербским средневековым государством (вторая половина XII–XIV век) // ВИС. 2004. Вып. 16. С. 78.

¹⁸ См.: *Karbić D.* Šubići Bribirski do gubitka nasljedne banske časti (1322.) // Zbornik odsjeka za povijesne znanosti zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 2004. Vol. 22. S. 5.

¹⁹ Одабрани споменици... С. 105.

²⁰ Ibid. С. 108.

²¹ Ibid. С. 118.

²² Ibid. С. 34.

²³ Подробнее см.: *Благојевић М.* Тепчије у средњовековној Србији, Босни и Хрватској // ИГ. 1976. Бр. 1–2. С. 27–37.

²⁴ *Шафорова Л. А.* Некоторые аспекты эволюции... С. 80.

²⁵ Стари српски повеље и писма... С. 44. Ср. с грамотой бана Кулина 1189 г.: «я Радое дияк бан писах сию книгу повелов (грамот – О. С.) банов» (Одабрани споменици... С. 6).

²⁶ Ibid. С. 117.

- ²⁷ *Жречек К.* Историја Срба / Предео Ј. Радонић. Прва књига до 1537 г. (Политичка историја). Београд, 1952. С. 274, 279.
- ²⁸ *Жречек К.* Историја Срба / Предео и допунио Ј. Радонић. Друга књига. (Културна историја). Београд, 1952. С. 133.
- ²⁹ *Жречек К.* Историја Срба. Прва књига. С. 276, 278; *Жречек К.* Историја Срба. Друга књига. С. 119.
- ³⁰ Стари српски повеле и писма... С. 6.
- ³¹ Ibid. С. 7 10.
- ³² См.: *Мананчицова Н. П.* Социјално-политическо развој и проблеми трговли Дубровника... С. 123.
- ³³ Стари српски повеле и писма... С. 6.
- ³⁴ Ibid. С. 8.
- ³⁵ Одабрани споменици... С. 117.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ситуација, везана са крађом коња, разматра се у договору 1332 г. См.: Ibid. С. 118.
- ³⁸ К. Жречек напомиње, да на трансформацију порота можда повлачили саксонске судске норме и их институт сопственика («jugati»). См.: *Жречек К.* Историја Срба. Друга књига. С. 124.
- ³⁹ Одабрани споменици... С. 118.
- ⁴⁰ Основне карактеристике дубровничког станикума на основу Дубровничког статута даје у својој монографији Н. Н. Подпригорова. См.: *Подпригорова Н. Н.* Дубровник: структуре власти и прављачка елита (друга половина XIII – прва половина XV вв.). Воронеж, 2003. С. 70.
- ⁴¹ *Жречек К.* Историја Срба. Прва књига. С. 277.
- ⁴² Одабрани споменици... С. 117
- ⁴³ См.: *Жречек К.* Историја Срба. Друга књига. С. 126.
- ⁴⁴ «Ако бошнанинъ записи да не дужанъ, да ме нарече пресеки самошесту, које любо постави банъ родъ, ако буде подобанъ одъ банова рода токо, да му буду поротници одъ негова племена кога му хотение» (Одабрани споменици... С. 117).
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid. С. 118.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ *Жречек К.* Историја Срба. Друга књига. С. 131.
- ⁴⁹ Одабрани споменици... С. 153.
- ⁵⁰ Ibid. С. 154.
- ⁵¹ См.: CD. Sv. IX. S. 337.
- ⁵² Listine o odnošajih između južnog slavenstva i Mletačke Republike / Skupio Š. Ljubić. MSHSM. Vol. II. Zagreb, 1870. S. 323, 333, 337.
- ⁵³ См., на пример: *Klaić N.* Srednjovjekovna Bosna. S. 208–209.
- ⁵⁴ Одабрани споменици... С. 106–107. О. А. Акимов предлаже, да «гости» и «старци» представљали собом виших и нижих свештеника, носивших опште називање «стройников». См.: *Акимов О. А.* Межконфесионалне одношине у Босни (конец XIV–XV век) // Славјане и их суседи. 1999. Вып. 7. С. 16–17. Об овом же см.: *Historija naroda Jugoslavije.* Vol. I. Zagreb, 1953. S. 566–567.

Т. А. Бондарькова

ИНСТИТУТ «НЕГРАЖДАН» КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ

Зачастую в научной и публицистической литературе можно встретить утверждение, что Эстония – страна «неграждан». Отчасти это так, и вызвано такое положение дел ориентацией национальной политики эстонского государства. Эстонские власти поставили цель – возвращение предвоенного положения. Поэтому в новых независимых прибалтийских государствах – в Эстонии и Латвии – стали давать гражданство не всем, а только рожденным в республике до 16 июля 1940 г. и их потомкам. По подсчетам Департамента гражданства и миграции, в 1992 г. 32 % населения Эстонии составляли «лица с неопределенным гражданством»¹.

Эстонские «неграждане» в основном представлены этническими неэстонцами (97 %) и делятся на 2 категории лиц: граждане иностранных государств (преимущественно РФ), имеющие вид на жительство в стране, и «лица с неопределенным гражданством», т. е. лица, не имеющие гражданства ни одной страны (апатриды).

В 1996 г. в результате того, что возникали проблемы с удостоверениями личности «неграждан», а также благодаря давлению со стороны международных организаций были введены паспорта иностранцев: так называемые «серые паспорта» (отсюда и пошло бытовое название «неграждан» – «серопаспортники»), удостоверяющие личность как на территории Эстонии, так и на территории других государств.

До сих пор в Эстонии сохраняется большое число лиц, не имеющих гражданства страны проживания. По данным Департамента гражданства и миграции, на начало 2009 г. в Эстонии проживало более 216 тыс. иностранцев с действительными видами на жительство, подавляющее большинство из них – с видами на жительство долгосрочного жителя. Последние годы благодаря миграции, естественным причинам, принятию эстонского или российского

гражданства неуклонно сокращается число проживающих в Эстонии «лиц с неопределенным гражданством» (де-факто апатридов из числа бывших советских граждан). Их доля во всем населении снизилась с 12 % в 2003 г. до 8 % в 2009 г. ²

Основополагающим актом, регулирующим статус неграждан в Эстонии, является Закон об иностранцах (Valismaalaste seadus) от 8 июля 1993 г. Согласно этому закону (ст. 3), граждане иностранных государств и апатриды, т. е. все, кто не обладает эстонским гражданством, считаются «иностранцами», которые «...обладают равными правами и свободами с гражданами Эстонии, за исключением некоторых прав, которые принадлежат только эстонцам и прописаны в этом законе» ³ (ст. 5).

Основная часть законов, закрепляющих правовой статус «неграждан» Эстонии, была принята в первые годы восстановления независимости. С тех пор были внесены поправки, корректирующие положение «неграждан» в стране. Поправки были связаны с изменениями национальной политики государства, а также под влиянием международных объединений и геополитической обстановки в Европе.

В результате государственной политики законодательно была закреплена ситуация, при которой «неграждане» в Эстонии оказались наиболее незащищенной и бесправной частью общества. При этом наиболее бесправной категорией «неграждан» являются бывшие советские либо российские военнослужащие и члены их семей. С декабря 2003 г. эта часть «неграждан» лишена возможности получения постоянного вида на жительство. Ст. 12 п. 2.1 Закона об иностранцах гласит, что «иностранцу, служившему в вооруженных силах иностранного государства, зачисленному оттуда в запас или вышедшему в отставку, в отношении которого применяется Соглашение между Эстонской Республикой и Российской Федерацией по вопросам социальных гарантий пенсионерам вооруженных сил Российской Федерации на территории Эстонской Республики, а также его супруге и несовершеннолетнему ребенку дается срочный вид на жительство и он продлевается в случае, если иностранец не угрожает безопасности Эстонского государства» ⁴. Около 10 тысяч человек ⁵, относящихся к данной категории, вынуждены

постоянно (каждые 2 года) продлевать вид на жительство, не имея возможности получить гражданство страны проживания.

Итак, ограничение прав эстонских «неграждан» условно можно разделить на 2 направления: 1 – ограничение в политических и гражданских правах; 2 – ограничение в социально-экономических правах.

Важнейшие лишения эстонских «неграждан» в политической сфере заключаются в ограничении избирательного права как пассивного (право быть избранным в органы государственной и местной власти), так и активного (возможность избирать членов руководящих органов страны), а также в запрете на членство в политических партиях⁶. Учитывая тот факт, что в стране присутствует значительный процент населения, которое отстранено от участия в избрании своих законных представителей в органы государственной власти, можно сделать вывод о степени политической активности и политико-правовой культуры в стране. Подобное состояние чревато очень серьезными последствиями для политического процесса в целом. В каждом электоральном цикле в стороне остается значительная часть населения (с 2004 по 2011 гг. – от 10 % до 7 % всего населения). Люди постепенно отстраняются от политической жизни, теряя веру в выборы как элемент рекрутирования политического руководства страны и своих законных представителей во властных структурах. Политический абсентеизм постепенно становится неотъемлемым элементом политического сознания, политико-правовой культуры «неграждан» и в дальнейшем определяет их политическое поведение. Более того, этот процесс опасен тем, что подобный характер политической культуры и ее составляющих может передаваться (и, скорее всего, уже закрепился в сознании нового поколения) последующим поколениям. «Неграждане» Эстонии уже не видят ценности выборов как важнейшего института демократии, перспектива обладания избирательным правом не является стимулом к приобретению гражданства. Единственное, что отличает Эстонию от многих других стран в вопросе политических прав «неграждан» – это предоставление активного избирательного права последним на выборах в органы местного самоуправления с некоторыми ограничениями. Ст. 5 Закона о выборах в собрания местных самоуправлений гласит, что «...Активным избирательным правом обладают иностранцы, которые со-

ответствуют указанным в части 1 настоящей статьи условиям и: 1 – проживают в Эстонии на основании постоянного вида на жительство; 2 – проживали ко дню выборов не менее 5 последних лет в данной волости или городе на законных основаниях»⁷. Показателен тот факт, что на региональных выборах 2005 и 2009 гг. в районах с преобладающим русскоязычным населением с огромным отрывом лидирует Центристская партия, за которую традиционно отдает свое предпочтение русскоязычное население. Правительственная Партия реформ крайне непопулярна в данных регионах. При этом на общенациональных выборах явка избирателей в уезде Ида-Вирумаа самая низкая по стране – 52 %⁸ в 2007 г. и 55,4 %⁹ в 2011 г. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результаты местных выборов в октябре 2005 г. / в октябре 2009 г. в уезде Ида-Вирумаа и Таллинне

Регион	Центристская партия	Партия Реформ
Ида – Вирумаа	31,6 / 41,1	5,3 / 2
Таллинн	41,1 / 53,5	20,66 / 16,6

Ограничив участие русскоязычного населения в избрании руководящих органов страны (парламента и президента), правительство Эстонии допустило «неграждан» к выборам в органы местной власти с определенными ограничениями (ценз оседлости и наличие постоянного вида на жительство). По сравнению с Латвией, где проблема «неграждан» также весьма остра, эстонское правительство в этом плане оказалось более либеральным и открытым в отношении «неграждан» своей страны.

С другой стороны, эстонские «неграждане» лишены статуса национального меньшинства, соответственно, не могут пользоваться защитой и привилегиями, которыми обладают национальные меньшинства, а именно: право свободного использования родного языка, вероисповедания, образования на родном языке, сохранения культуры и самобытности и т. д.¹⁰ Статья 1 Закона о культурной автономии национального меньшинства от 26.10.1993 определяет, что статус национального меньшинства могут иметь исключительно граждане Эстонии, проживающие на ее территории и имеющие особые культурные отличия: «В качестве нацио-

нального меньшинства в понимании настоящего Закона рассматриваются *граждане Эстонии...*»¹¹. Эстония также отказывается подписывать Европейскую хартию региональных языков, тем самым до сих пор статус русского языка, на котором говорит вся русскоязычная община Эстонии (включая как граждан, так и неграждан), является предметом дискуссии и поводом для конфликтов как внутренних, так и межгосударственных.

В плане экономико-социальных ограничений на «неграждан» распространяются в основном ограничения на профессию и владение недвижимостью. Для эстонских «неграждан» закрыт доступ к профессиям, связанным с государственной службой, судопроизводством и обеспечением безопасности и охраны.

В результате этих ограничений, а также языкового и образовательного барьера для «неграждан» складывается неблагоприятная ситуация на рынке труда. Показатели безработицы среди «неграждан» более чем вдвое превышают показатели среди граждан Эстонии (рис. 1)¹². Перспектива занятия руководящей должности либо должности ведущего специалиста для «неграждан» ниже, чем для обладателя эстонским гражданством даже вне зависимости от знания языка.

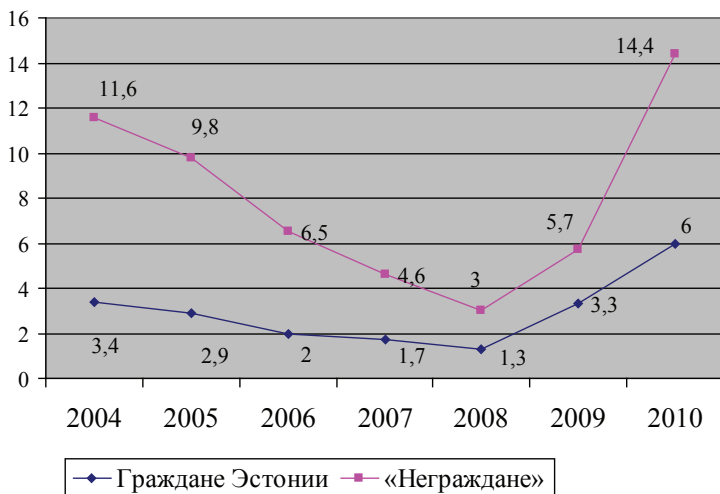

Рис. 1. Уровень безработицы среди граждан и «неграждан» Эстонии с 2004 по 2010 гг. в %

Экономическое и политическое положение «неграждан», национальная политика государства (в особенности языковая) резко подрывают социальный облик «неграждан»: падает качество и уровень образования, медицинского обслуживания, возникает состояние неопределенности в плане самоидентификации, происходит постепенная маргинализация общины.

До сих пор одним из самых актуальных вопросов, связанных с проблемой «неграждан», является вопрос об изменении их численности.

Как мы уже отмечали, в самом начале существования независимого государства на территории Эстонии проживало около 32 % «неграждан». Постепенно с годами их процент снижался (достигнув в 2011 г. 7,1 %) за счет миграции населения, естественных причин (смерть) и процесса натурализации. Натурализация – процесс приобретения гражданства страны, гражданином которой тот или иной человек не является по рождению, путем свободного волеизъявления и выполнения определенных требований. Условия для получения гражданства путем натурализации прописаны в ст. 6 Закона о гражданстве от 19 января 1995 г. с последующими поправками: «Иностранец, желающий получить гражданство Эстонии, должен:

- 1) иметь возраст не менее 15 лет;
- 2) иметь вид на жительство долговременного жителя или право на постоянное проживание (в действии с 08.07.2006);
  - 2.1) проживать в Эстонии до дня подачи заявления о получении гражданства Эстонии на основании вида на жительство или права на проживание не менее восьми лет, из которых пять последних постоянно (в действии с 08.07.2006 г.);
  - 2.2) проживать в Эстонии законно и постоянно на основании вида на жительство долговременного жителя или права на постоянное проживание шесть месяцев со дня, следующего за днем регистрации заявления о получении гражданства Эстонии (в действии с 08.07.2006 г.);
  - 2.3) иметь зарегистрированное местожительство в Эстонии (в действии с 08.07.2006 г.);
- 3) знать эстонский язык в соответствии с требованиями, установленными статьей 8 настоящего Закона;

4) знать Конституцию Эстонской Республики и Закон о гражданстве в соответствии с требованиями, установленными статьей 9 настоящего Закона;

5) иметь легальный постоянный доход, обеспечивающий существование его самого и его иждивенцев;

6) быть лояльным Эстонскому государству;

7) принести присягу: «Ходатайствуя о получении гражданства Эстонии, клянусь быть верным конституционному строю Эстонии»¹³.

Пройдя нелегкую процедуру натурализации, человек становится полноценным гражданином Эстонии. Получивший гражданство наделяется полагающимися ему правами и свободами в полной мере, за исключением одного важного отличия. Люди, получившие гражданство в процессе натурализации, могут его лишиться, в отличие от тех, которые обладают гражданством по рождению: «(1) Гражданства Эстонии лишается распоряжением Правительства Республики лицо, которое: 1) поступило в качестве гражданина Эстонии на государственную или военную службу иностранного государства без разрешения Правительства Республики; 2) поступило на разведывательную службу или службу безопасности иностранного государства или во владеющую оружием или военизированную или занимающуюся военной подготовкой организацию иностранного государства; 3) пыталось насильственным путем изменить государственный строй Эстонии; 4) скрыло путем представления ложных данных при получении или восстановления гражданства Эстонии обстоятельства, которые исключают предоставление ему или восстановление гражданства Эстонии; 5) имеет гражданство какого-либо другого государства, но не освобождено от гражданства Эстонии. (2) Никто не может быть лишен гражданства Эстонии из-за его убеждений. (3) Часть 1 настоящей статьи не распространяется на лиц, приобретших гражданство Эстонии по рождению. Ст. 28»¹⁴.

За интересующий нас период с 2004 по 2011 гг. в динамике изменения численности «неграждан» за счет процесса натурализации можно выделить 2 основные волны (табл. 2):

1 – 2004–2005 гг., когда резко, почти в 2 раза увеличились темпы натурализации в Эстонии;

2 – 2008 г. – по настоящее время – «откатная волна», кризис, а затем стагнация интеграционной политики государства, выражающаяся в двукратном сокращении ходатайствующих о получении эстонского гражданства.

Т а б л и ц а 2

*Динамика сокращения числа «неграждан»
за счет получения эстонского гражданства¹⁵*

Год	Число людей, получивших гражданство в процессе натурализации, человек	Процент «неграждан»
1992	5421	32 %
2003	3706	–
2004	6523	–
2005	7072	10,1
2006	4753	9 %
2007	4228	–
2008	2124	7,9 %
2009	1670	7,8
2010	1184	–
2011 на 1 февраля	232	7,1 %

Говоря о первой волне, очевидна ее причина – вступление Эстонии в Евросоюз. Вступление в Евросоюз предполагало открытие границ с Эстонией, т. е. с 2004 года граждане Эстонии могут посещать страны, входящие в Евросоюз без каких-либо визовых и временных ограничений. Такая возможность стала хорошим стимулом для «неграждан» как Эстонии, так и Латвии, другой прибалтийской страны, где также остро стоит вопрос с «негражданами», к получению эстонского гражданства. Именно с этого года (2004) возросла миграционная активность эстонского населения в отношении стран Западной Европы. Согласно данным сравнительного исследования за 2007 г., миграционный поток из Эстонии в 2004 г. увеличился на 2,8 %, составив 5,3 % от всего населения страны, в сравнении с предыдущим 2003 г., когда он составлял 2,5 % от всего населения. В среднем за 2004–2007 гг. эмиграция из Эстонии составила 5,3 %, а пик миграционной активности пришелся на 2006 г., когда общее число эмигрантов пересекло отметку в 6 % от общего числа жителей¹⁶.

Еще одним стимулом к получению эстонского гражданства стало решение эстонского руководства о финансовом возмещении затрат на подготовку к экзаменам на получение гражданства с 1 февраля 2004 г.¹⁷ Теперь государство предоставило возможность полной компенсации платы за подготовку к экзамену на знание языка, Конституции и Закона о гражданстве в школе, имеющей лицензию на данный вид услуг, при условии успешной сдачи экзамена. Статья 8.1 пункт 1 Закона о гражданстве гласит, что «лицо, успешно сдавшее экзамен на знание эстонского языка, указанного в части 3 статьи 8 настоящего Закона, а также экзамен на знание Конституции Эстонской Республики и Закона о гражданстве, указанного в части 2 статьи 9 настоящего Закона, имеет право на возмещение расходов за изучение эстонского языка в учебном заведении в размере до 100 % от стоимости обучения согласно ставкам, установленным Правительством Республики»¹⁸. Данный шаг Эстонского правительства связан с общим курсом национальной языковой политики, целью которой стала популяризация и поддержка изучения эстонского языка, а также интеграция «неграждан» в эстонское общество в рамках финансируемой Европейским социальным фондом программы «Развитие обучения языку 2011–2013»¹⁹. Подобный шаг руководства страны стал позитивным стимулом для «неграждан» к переходу в полноправное эстонское общество.

С 2006 по 2008 гг. наблюдается спад в процессе интеграции «неграждан». По сравнению с 2005 г. почти на 40 % уменьшилось число лиц, желающих стать гражданами Эстонии. Данное положение практически не изменилось и в 2007 году (гражданство было выдано лишь 525 ходатайствующим). Период с 2006 по 2007 гг. можно назвать «затишьем», которое вылилось в апрельские массовые выступления русскоязычного населения в Таллинне.

Акции недовольства национальной политикой государства оказали непосредственное влияние и на интеграционные процессы в стране. Спрос на эстонское гражданство резко снизился в 2008 г.: динамика получения эстонского гражданства сократилась в 2 раза по сравнению с 2007 г. (4338 и 2124 человека соответственно). Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, как уже говорилось выше, непосредственным поводом стали апрельские

события 2007 г. в Таллинне. «Неграждане» (в основном своем составе русскоязычное население) негативно отнеслись к событиям, связанным с переносом памятника, восприняв подобный жест эстонского руководства как оскорбление. В результате возникла обида, негатив ко всему эстонскому. Как следствие – процент русскоязычных «неграждан», ходатайствовавших об эстонском гражданстве, резко снизился. Одновременно в этот период возросло число лиц, подавших ходатайство на получение гражданства РФ. Эстонское руководство крайне негативно отнеслось к данному решению российского президента, так как открытие границ для «неграждан» явилось большим камнем преткновения для национальной интеграционной политики государства. Вся предыдущая деятельность эстонского руководства в рамках политики интеграции (в частности, интеграция «неграждан» в эстонское общество) была подорвана.

Во-вторых, одной из непосредственных причин снижения интереса к эстонскому гражданству стала его «ненужность». В 2008 г. Россия открыла свои границы для «неграждан» Эстонии и Латвии Указом Президента РФ от 17.06.2008 № 977 «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации лиц без гражданства, состоявших в гражданстве СССР и проживающих в Латвийской республике или Эстонской республике»²⁰. Чуть ранее, 19 января 2007 года право безвизового перемещения на территории Евросоюза получили и «неграждане» Эстонии. Единственные ограничения связаны со сроками пребывания – не более 90 дней и не чаще 1 раза в полгода, а также для «неграждан» Прибалтики остались закрытыми такие страны, как Великобритания и Ирландия. Кроме данных моментов, никаких иных ограничений пересечения границ не предусматривается. Логично предположить, что приняв эстонское гражданство, теряется возможность безвизового въезда в Россию. Приняв гражданство России, закрывается свободный проезд в страны Евросоюза. Зачем проходить сложную процедуру натурализации, если можно беспрепятственно пересекать границы как России, так и ЕС? Для людей, которым не принципиально обладание правами, о которых было сказано выше, проще и выгоднее оставаться в статусе «неграждан»,

пользуясь возможностью беспрепятственного перемещения как на Восток, так и на Запад.

Еще одной причиной снижения популярности эстонского гражданства для «неграждан» Эстонии мог стать приход к власти в 2007 году в результате победы на парламентских выборах 5 марта Партии реформ во главе с действующим премьер-министром А. Ансипом. Традиционно русскоязычное население склонялось к Центристской партии, которая имела большинство в парламенте до 2007 года. Приход к власти новой партии и нового Правительства снизил поддержку и одобрение русскоязычным населением политического курса страны в целом. Как результат – неуверенность и нежелание принимать гражданство Эстонии, демонстрируя тем самым свою нелояльность и недоверие власти.

Несмотря на ряд факторов, которые были рассмотрены выше, существуют причины, которые препятствуют быстрой натурализации «неграждан». Среди «неграждан» Эстонии значителен процент тех, кто в достаточной для сдачи экзамена мере владеет языком (32 % апатридов, 19 % российских граждан и 38 % граждан других стран)²¹. Однако до сих пор более 7 % населения находится в неопределенном состоянии в плане гражданства. Согласно мониторингу интеграции 2002 г., эстонские «неграждане» (российские граждане и апатриды) выделили ряд причин, препятствующих получению эстонского гражданства (табл. 3).

Как видно в таблице, как среди апатридов, так и среди граждан РФ высок процент тех, у кого возникают трудности в изучении эстонского языка. Сложность овладения языком может быть связана с тем, что, во-первых, язык принадлежит к отличной от русского языка группе (прибалтийско-финнская языковая группа), не имеющей ничего общего с группой славянских языков. Во-вторых, способность к изучению языков притупляется с возрастом: чем старше человек, тем труднее учить иностранный язык. Представители русскоязычной общины, которые ограждают своих русскоговорящих детей от эстонского языка, отдаляют их, тем самым, от более спокойной и быстрой интеграции и адаптации к эстонской культуре и реальности. Еще одним фактором, влияющих на слабые темпы натурализации «неграждан», является распространенное

Таблица 3

Причины, препятствующие получению эстонского гражданства среди апатридов и граждан РФ. Мониторинг интеграции, 2002 г. в %²²

Причина	Апатриды	Граждане РФ
Я уже гражданин другой страны	–	85
Я не могу выучить эстонский язык	61	73
Требования экзамена по гражданству унизительны	61	69
Отсутствие гражданства – не помеха для жизни в Эстонии	55	78
Проще путешествовать в Россию и другие государства СНГ	38	72
Эстония слишком маленькая для того, чтобы ее гражданство имело какое-то значение в мире	21	34
От этого была бы небольшая польза для меня и моей семьи	18	44
Не чувствую свою принадлежность Эстонии	9	12
Хочу избежать службы в эстонской армии	8	3

мнение о несправедливости и предвзятости экзаменов: «Экзамены на знания языка стали средством издевательства над людьми. Как будто бы на самом деле государство не заинтересовано в гражданах»²³. Большую сложность вызывает экзамен на знание языка, экзамен на знание основных законов государства трудностей не вызывает, тем более, что на экзамене предоставляется как словарь и текст закона, так и достаточное время для подготовки.

Процедура натурализации существует в большинстве стран мира и является обычным политико-правовым требованием. Каждое государство имеет определенный набор условий, которые необходимо выполнить, чтобы стать полноценным гражданином. Эстония – не исключение из этого правила. Недовольство и возмущение «неграждан» Эстонии основано не на недоверии к формальным процедурам, а к самой идее экзамена. Почему люди, родившиеся в Эстонии, живущие и работающие на благо эстонского

государства на протяжении всей жизни, должны подтверждать свою преданность и лояльность? Когда власть предлагает альтернативную историю, в которой нынешние «неграждане» занимают место оккупантов и преступников, тогда возникает протест в виде неприятия самого феномена экзамена и «синего» (эстонского) паспорта. Именно эта мысль является препятствием для многих «неграждан» страны. Говоря о вопросе «ненужности» гражданства Эстонии, можно лишь добавить, что такое отношение вызвано объективными факторами, сложившимися благодаря геополитической обстановке в Прибалтийском регионе и в мире.

Таким образом, можно резюмировать, что для современного этнополитического процесса Эстонии характерно сохранение института «неграждан». Государство предпринимает меры по сокращению их числа путем натурализации, но все равно их процент от общего количества населения высок – около 7 %. Несмотря на государственные программы интеграции, серьезное ограничение «неграждан» в правах делает их неконкурентоспособными по отношению к гражданам Эстонской Республики, усугубляя их положение в обществе. Значительная часть населения, проживающая на территории государства, сильно ограничена в ряде политических, экономических, социальных прав. Сохранение большого числа «неграждан» вызывает сильную критику со стороны как международных правозащитных организаций, так и иностранных государств и объединений. Однако они имеют весьма ограниченный комплекс мер. Данная ситуация может негативно отразиться на процессах демократического строительства молодого эстонского государства.

---

¹ *Полещук В.* Неграждане в Эстонии: [сайт]. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/89163/Poleshchuk_-_Negrazhdane_v_Estonii.html (дата обращения 12.12.2010).

² Official gateway to Estonia: [сайт]. URL: <http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html> (дата обращения: 04.05.2011).

³ Об иностранцах Эстонии : Закон от 8 июля 2008 г. URL: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_ierrlo/index.htm (дата обращения: 23.10.2010).

⁴ Об иностранцах Эстонии : Закон от 8 июля 2008 г. URL: http://estonia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_ierrlo/index.htm (дата обращения 23.10.2010).

⁵ Полещук В. Неграждане в Эстонии: [сайт]. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/89163/Poleshchuk_-_Negrazhdane_v_Estonii.html (дата обращения 12.12.2010).

⁶ Конституция Эстонской Республики: [сайт]. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/6482> (дата обращения 03.11.2010).

⁷ О выборах в собрания местных самоуправлений Эстонии : Закон от 27.03.2007: [сайт]. URL: http://www.riigikantselei.ee/arhiiv/rto/pae/2004/pae_nr12_21-09-2004.pdf (дата обращения: 22.04.2011).

⁸ Riigikogu Elections 2007 // Estonian National Electoral Committee: [сайт]. URL: <http://www.vvk.ee/index.php?id=11535> (дата обращения: 12.03.2011).

⁹ Явка на парламентских выборах в Эстонии превысила 62 % // РИА НОВОСТИ. URL: <http://www.rian.ru/world/20110306/343162992.html> (дата обращения: 14.03.2011).

¹⁰ Framework Convention for the Protection of National Minorities. 1995.: [сайт]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/html/157.htm> (дата обращения: 21.04.2011).

¹¹ О культурной автономии национального меньшинства : Закон от 28.11.1993: [сайт]. URL: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=27193/V%E4he%20musrahvuste+kultuuriautonomia.pdf> (дата обращения: 12.03.2011).

¹² UNEMPLOYMENT INDICATORS BY CITIZENSHIP// Eesti statistika: [сайт]. URL: http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=HHS34&ti=UNEMPLOYMENT+INDICATORS+BY%20CITIZENSHIP&%C7%D4%C5%D0=..I_Databas/Social_life/12Social_exclusion_Laeken_indicators/&lang=1 (дата обращения: 12.04.2011).

¹³ О гражданстве Эстонской Республики: Закон от 19.01.1995: [сайт]. URL: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49462/Kodakondsusseadus.pdf> (дата обращения: 12.04.2011).

¹⁴ О гражданстве Эстонской Республики : Закон от 19.01.1995: [сайт]. URL: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49462/Kodakondsusseadus.pdf> (дата обращения: 12.04.2011).

¹⁵ Official gateway to Estonia: [сайт]. URL: <http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html> (дата обращения: 12.04.2011).

¹⁶ Лукьянова О. О. Миграция в Эстонии после вступления в Европейский Союз // Гуманитарные и социальные науки. Этнография. 2010 г. № 4. URL:http://hses-online.ru/2010/04/07_00_07/3.pdf (дата обращения: 12.04.2011).

¹⁷ Компенсирование расходов на изучение языка // Официальный сайт Государственного экзаменационного и квалификационного центра Эстонии. URL: <http://www.ekk.edu.ee/92723> (дата обращения: 10.04.2011).

¹⁸ О гражданстве Эстонской Республики : Закон от 19.01.1995: [сайт]. URL: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49462/Kodakondsusseadus.pdf> (дата обращения: 12.04.2011).

¹⁹ Компенсирование расходов на изучение языка в рамках программы «Развитие обучения языку 2011–2013» // Официальный сайт Государственного экзаменационного и квалификационного центра Эстонии. URL: <http://www.ekk.edu.ee/104113> (дата обращения: 10.04.2010).

²⁰ О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации лиц без гражданства, состоявших в гражданстве СССР и проживающих в Латвийской республике или Эстонской республике: Указ Президента РФ от 17.06.2008 № 977. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;965004> (дата обращения: 14.04.2011).

²¹ Цит. по: *Полещук В.* Неграждане в Эстонии: [сайт]. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/89163/Poleshchuk_-_Negrazhdane_v_Estonii.html (дата обращения: 12.12.2010).

²² *Полещук В.* Неграждане в Эстонии: [сайт]. URL: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/89163/Poleshchuk_-_Negrazhdane_v_Estonii.html (дата обращения: 12.04.2011).

²³ *Вейдемани А.* Экзамен на гражданство стал средством пытки: [сайт]. URL: <http://www.estonia-today.info/professor-vejdemann-ekzamen-na-grazhdanstvo-stal-sredstvom-pytki.html> (дата обращения: 21.04.2011).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарькова Т. А., магистр исторического факультета ВГУ.

Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ВГУ.

Дынин В. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ.

Иконников С. А., студент 5 курса исторического факультета ВГУ.

Мананчикова Н. П. доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ.

Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ВГУ.

Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ.

Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения ВГУ.

Симончик С. П., историк.

Солодовникова О. С., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ.

Шамрай В. А., старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения ВГУ.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

*Научные труды
исторического факультета ВГУ*

Выпуск 16

Редактор *О. А. Исаева*

Компьютерная верстка
Е. Е. Комаровой

Подписано в печать 18.02.2013. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 10. Тираж 50 экз. Заказ 1105.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. (факс) +7 (473) 259-80-26
<http://www.ppc.vsu.ru>; e-mail: pp_center@ppc.vsu.ru

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3. Тел. +7 (473) 220-41-33